

ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 1 (05) 2010

Выходит 4 раза в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных
и инженерных технологий»,
Благотворительный фонд
имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционная коллегия:

З.А. Богомолова – главный редактор, член Союза писателей РФ
В.А. Никулин – Президент Благотворительного фонда имени писателя
Михаила Петровича Петрова и президент-научный руководитель
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Е.В. Никулина – Председатель Правления Благотворительного фонда им. М.Петрова,
дизайнер и оформитель
С.М. Решетников – зам. главного редактора, профессор
О.А. Дегтева – ректор НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Е.Е. Загребин – председатель правления Союза писателей Удмуртии
Н.Е. Малышев – член Союза писателей РФ
О.В. Парфенова – член Союза писателей РФ
Н.В. Варламова – редактор
А.А. Машковцева – компьютерная верстка

Адрес редакции:

426003, г.Ижевск, ул.Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 511-760, 501-727. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. Усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии «КнигоГрад»,
426034, г.Ижевск, ул.Коммунаров, 285.
Тел./факс (3412) 525-315.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2010
© Благотворительный фонд им.М.П. Петрова, 2010
© Авторы, постатейно, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Зоя Богомолова Союз писателей России и литературный процесс Удмуртии 4

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Людмила Богданова Лирический цикл в творчестве Флора Васильева 11
Зоя Богомолова Тема любви и ее вариации в поэзии Вениамина Ившина 12
Людмила Бусыгина Стилевые доминанты в переводах стихотворений Кузубая Герда 16
Анна Зуева-Измайлова Любовная магия в удмуртской женской лирике 18
Елена Красновская Вдохновенная песня жизни *О творчестве Г.Перевощикова* 24
Надежда Лекомцева В поисках златокрылого журавля *О творчестве Н.Байтерякова.* 27
Тамара Пантелеева Язык малой прозы Олега Четкарёва. 30

ПОЭЗИЯ

Сергей Жилин Стихотворения 33
Наталья Новгородова Стихотворения 35
Николай Мрыхин Стихотворения 36
Ольга Денисова Стихотворения 37
Сергей Гулин Стихотворения 39
Николай Сомов Стихотворения. 40
Ибрагим Биектаулы Стихотворения 41
Ксения Новэра Стихотворения. 42
Елена Бухтулова Стихотворения 42
Валерий Никулин Стихотворения 43
Надежда Мирошниченко Стихотворения. 45
Владимир Тяптин Стихотворения 46
Александр Гребёнкин Стихотворения 47

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Борис Левин «Пиковая дама» Пророческая тревога *Историко-культурные наблюдения* 48
Ариадна Голубкова Александр Корепанов Хоровое творчество Германа Корепанова 53

ИСТОРИЯ. ФОЛЬКЛОР. ЭТНОГРАФИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

Наталья Гущина-Закирова Короленковские чтения в ГГПИ 55
Геннадий Кочкарёв Белогвардейский контрразведчик 57
Николай Пислегин Постпугачёвская Удмуртия 59

ДЕБЮТ

Пётр Берш Стихотворения 61
Юлия Лисицына Стихотворения 62
Мария Скворцова Стихотворения 62
Ася Корепанова Стихотворения 63
Яна Гулина Стихотворения 64
Андрей Шеланов Стихотворения 64

РЕЦЕНЗИИ

Наталья Мальцева «И вакансия духа поэту на время дана» *Рецензия на цикл стихов Дениса Бесогонова «Реквием времени»* 65
Татьяна Кутергина «Спасибо вам, мои стихи, за все чудесные мгновенья..» *О лирике Ольги Рассветовой* 68
Михаил Лаврентьев Приглашение к отчизнелюбию *Рецензия на книгу Н.Закировой «Наши*

культурное достояние»	69
Сергей Решетников Новое учебное пособие для вузов Удмуртии <i>Рецензия на книгу «Творческий путь удмуртского композитора Германа Корепанова в контексте региональной культуры Удмуртии XXI века»</i>	70
Зоя Богомолова Историзм мышления <i>Слово о книге Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия»</i>	71
Станислав Куняев Терновый венец <i>О Ярославе Смелякове</i>	73

ПРОЗА

Николай Иванов Тузы бубновые <i>Рассказ</i>	79
Николай Сомов Жизнь – копейка, любовь – злодейка <i>Рассказ</i>	81
Ольга Парфёнова Три портрета <i>Сценический монолог в лицах</i>	83

ИНТЕРВЬЮ. ПУБЛИЦИСТИКА

Наталья Закирова Почётное меценатство.	86
Виктор Шведов Талантлив во всём.	87
Надежда Лекомцева Пушкинский музей в сельской школе.	89
Сорейя Батыршина Соприкосновение с будущим.	90
Растем Заппаров Испытания мужества.	92

ЮМОР

Владимир Глебов Стихи.	96
---------------------------------------	----

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Роза Яшина Он много успел.	97
---	----

ТЕАТР

Анна Евсеева Первопроходцы.	99
Вениамин Морозов Симфония судьбы <i>Либретто в 4-х действиях с эпилогом</i>	101

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО. НОВЫЕ СТИХИ

Василий Глушков Стихотворения в переводах Юлии Разиной.	108
--	-----

К 75-летию Союза писателей УР

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС УДМУРТИИ

...Невольно подумал тогда я:
Что солнце без света? Что сад без надежных корней?
Кто я без народа, без мудрого отчего края? –
Бескрылая птаха, без песен своих соловей.
В.Ившин

Зоя Алексеевна Богомолова

В юбилейный год великих русских писателей – 210-летия А.С. Пушкина и 200-летия Н.В. Гоголя – нельзя не вспомнить о событиях, которые изменили нашу жизнь и литературный процесс многонациональной советской литературы.

Начало сентября 1991 года. Приходят две тревожные телеграммы из Союза писателей РСФСР делегатам IX съезда писателей СССР (он состоялся в 1992-м): немедленно прибыть в Москву для участия в работе чрезвычайного съезда писателей РСФСР. Делегатов IX съезда от Удмуртии было пять: Г.К. Перовщиков, С.А. Самсонов, Г.А. Ходырев, В.И.

Емельянов и автор этой статьи. Приехали в Москву. День был пасмурный. На входе в особняк Союза писателей (Комсомольский проспект, № 13) – лозунг: «Руки прочь от Союза писателей!». Здесь же иконы, еще не разобранные баррикады. Так читатели, общественность Москвы защищали не только честь и достоинство Союза писателей, но и само его существование. Встретили нас бойцы ОМОНа, проверили документы. Мы поднялись на второй этаж, где шло заседание секретариата. Вел его участник Великой Отечественной войны, живой классик Ю.В. Бондарев. В зале известные писатели: С.В. Михалков, Е.А. Исаев, М.Н. Алексеев, весь аппарат Союза. Нам объявили: завтра открывается чрезвычайный съезд СП РСФСР. Главный вопрос: быть многонациональному Союзу страны или не быть.

День съезда тоже хмурый. Идет дождь. Мы не в Кремле и не в Колонном зале Дома Союзов, как было раньше, а в зале кинотеатра «Горизонт». Холодно: сидим одетые. На душе сумрачно. Единогласно принято решение: сохранить Союз писателей РСФСР и вести подготовку к очередному VIII съезду писателей России. Делегаты и участники чрезвычайного съезда глубоко убеждены: если бы не удалось сохранить СП РСФСР, едва ли выжили бы Союзы автономных республик, краев, областей.

Вспомнилось заседание одного из авторитетных литературных объединений Москвы, на котором один известный писатель назвал Союз писателей России «черной сотней», хотя Союз защищал и защищает идеалы интернационализма, патриотизма, гуманизма. Развернулась острая, я бы сказала, жесткая полемика. И, как ни прискорбно, возглавил эту «войну» талантливый поэт Е.А. Евтушенко: писались письма «в верх», печатались статьи, велась открытая пропаганда против Союза писателей России.

До сих пор СП России не освободился от «барри-

кад»: снова против него идет административная война. Предмет ее – Дом писателей на Комсомольском проспекте, № 13, которым Союз владеет с 1970 года, с начала избрания председателем Союза Героя Социалистического труда С.В. Михалкова, к сожалению, в августе 2009 года на 97-м году жизни покинувшего этот мир. Это невосполнимая утрата не только для литературы России, но и для писателей СНГ, ибо он возглавлял Международное сообщество писательских союзов, куда входили многие писатели бывших союзных республик. Автор двух гимнов, неповторимый детский поэт, баснописец, публицист, участник Великой Отечественной войны, лауреат всех высоких государственных премий, крупный общественный деятель, С.В. Михалков был моральной опорой писателей страны, оказавшихся в результате перестройки, смены государственного устройства в тяжелой ситуации: отсутствие финансовой поддержки, невозможность публиковать свои труды, невыплата гонораров, отмена творческих командировок, трудового стажа, потеря Домов творчества и т.д.

Если бы каждая из литератур республик, краев, областей рассказала о том, какую помощь и поддержку оказывал ей Союз писателей России за полвека своего существования, собралось бы много томное собрание сочинений. К ним прибавились бы еще и тома хроники событий, организованных и проведенных СП России в нашей стране и за рубежом. Таким образом, создалась бы уникальная библиотека бесценных документов, которые вошли бы в историю многонациональной литературы и культуры.

За годы существования СП России автору этих строк посчастливилось участвовать в событиях, ставших историей литературы Удмуртии. Это, прежде всего (прошу читателя простить за некоторые повторы), Дни удмуртской литературы и искусства в Москве в 1970, 1981, 1989, 1996, 2008 годах. Не менее значимое событие 21-24 июня 1978 года – первые Дни советской литературы в Удмуртии; затем 1986, 1989 – в связи со 100-летием рождения удмуртской литературы. Эти события привлекли внимание не только известных писателей страны, но и ученых, переводчиков из Венгрии (П.Домокош), Финляндии, Эстонии (А.Валтен), финно-угорских республик, писателей из Перми, Кирова, Тулы, Ставрополя. Молодая национальная литература праздновала свое вхождение в большое литературное сообщество России, а также продолжение широкого взаимодействия с зарубежными литературами, начатого в 20-е годы прошлого века.

«Героем» этих торжеств был основоположник удмуртской литературы Г.Е. Верещагин (1851 – 1930). Стихотворение «Сизый, сизый голубочек», напи-

санное им в 1889 году, открывает первую страницу удмуртской художественной словесности. Таким образом, 2009 год стал юбилейным годом: 120-летия удмуртской художественной литературы и 75-летия создания Союзов писателей СССР и Удмуртской республики. В связи с именем Г.Е. Верещагина необходимо с благодарностью вспомнить удмуртского поэта и ученого П.К. Поздеева (1931 – 2007), после тридцатилетнего молчания по существу заново открывшего в 60-е годы, годы «оттепели», личность и творчество Г.Е. Верещагина широкой литературной общественности, финно-угорскому миру.* Обращаясь к богатейшему творческому наследию Г.Е. Верещагина, трудно сдержать удивление: крестьянский сын, не имевший высшего образования, необходимых условий для творческой работы, связей с художественной интеллигенцией, «общаясь» только с великой русской литературой, в отсутствие национальных литературных традиций достиг невероятных творческих успехов, опираясь только на собственный талант. Его перу принадлежат научные труды по истории, этнографии, фольклору своего народа, увидевшие свет в Санкт-Петербурге, Вятке. Он создал все жанры художественного творчества: стихи, поэмы, очерки, рассказы, пьесы, публицистику. Особую «миссию» выполняли его переводы, знакомя хотя и малочисленного удмуртского читателя с русской классической литературой – произведениями А.С. Пушкина.** Ко всему сказанному следует добавить высокую оценку его трудов научной российской общественностью: Г.Е. Верещагин удостоен звания действительного члена Русского императорского географического общества, в котором состояли знаменитые русские ученые-путешественники Н.М. Пржевальский, Н.Н. Миклухо-Маклай, П.П. Семенов-Тянь-Шанский и др. Этнографические труды Г.Е. Верещагина удостоены двух серебряных медалей.

Убеждена: будучи истинным патриотом своего народа, Г.Е. Верещагин принял сан священника исключительно с целью реализации своих просветительских и нравственных устремлений, чтобы с церковного амвона читать людям высокие, общественно-значимые проповеди. Не случайно великий русский писатель В.Г. Короленко, выступая на стороне защиты в длительном и опасном для судеб удмуртского и других финно-угорских народов Мултанском процессе, пригласил Г.Е. Верещагина в качестве эксперта (как ученого-этнографа) для снятия с удмуртов обвинения в человеческих жертвоприношениях. Об этом написаны исторический роман М.П. Петрова «Старый Мултан», исследования докторов наук В.М. Ванюшева, Н.В. Витрука, доклады для традиционных короленковских чтений в Глазовском государствен-

*Автору статьи довелось видеть, в каком жалком состоянии в конце 50-х годов в УдНИИ хранились рукописи Г.Е. Верещагина: без технического и научного упорядочения.

**Жизнь и творчество Г.Е. Верещагина обстоятельно и глубоко научно рассмотрены в монографии профессора В.М. Ванюшева «Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» (1995).

ном пединституте. Ради исторической и нравственной справедливости следовало бы на Центральной площади города Ижевска возвести памятник двум классикам – удмурту Г.Е. Верещагину и русскому В.Г. Короленко в память об их гражданском подвиге. Этот памятник был бы символом подвижничества великих общественных деятелей и писателей.

Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы РАН издает самое большое в истории литературы Удмуртской Республики шестнадцатитомное собрание сочинений Г.Е. Верещагина под научной редакцией доктора филологических наук В.М. Ванюшева, автора монографии, многих статей о творчестве этого ученого и писателя. Личность и творчество Г.Е. Верещагина еще долгие годы будут объектом изучения, исследования представителями новых поколений историков и литературоведов.

Вернемся к жизнедеятельности двух писательских союзов – России и Удмуртии. К месту вспомнить стихи народного поэта УАССР О.А. Поскребышева о двух «починках» – русском и удмуртском, которые слились воедино, утверждая не только идею дружбы народов, но и идею общего социального быта. Через пять лет после создания Союза писателей РСФСР, в 1963 году, председателем СП УАССР был избран молодой талантливый прозаик Г.Д. Красильников. К тому времени его имя уже было широко известно в России. Спустя три года (1966) его творчество обсуждалось на секретариате СП РСФСР. Это была акция высокого признания таланта национального писателя. К тому времени увидели свет его повести «Старый дом», «Остаюсь с тобой», романы «Олександр Кабышев», «Начало года», сборники рассказов. С творчеством Г.Д. Красильникова удмуртская литература вставала вровень с литературами, имеющими многовековое прошлое. Вспоминается сказанное Расулом Гамзатовым: малые народы призваны создавать большую литературу. Не случайно еще при жизни Г.Д. Красильников был назван классиком удмуртской литературы.

В начале 60-х годов в связи с «повзрослением» литературы активизировалась и литературоведческая, критическая деятельность молодых ученых: Ф.А. Ермаков, успешно защитивший в ИМЛИ им. А.М. Горького кандидатскую диссертацию, издает монографию «Поэзия и проза М.П. Петрова» (1960), выпускник МГУ А.А. Ермолаев – исследование «Удмуртская историческая проза» (1960), Н.П. Кралина – книги об удмуртском фольклоре, поэт А.И. Писарев – статьи, переводы, монографию о творчестве основоположника русской прозы Д.П. Бор-Раменского в 1964 году издает доцент Глазовского пединститута В.В. Евстафьев. Увидели свет монографии: в 1962 – о творчестве Г.Д. Красильникова, в 1967 – о творчестве Кедр Митрея. Преподаватели УГПИ выступают с докладами на научно-практических конференциях в Казани, Свердловске, Перми, Москве. В сборниках статей публикуются В.И. Петровский, Н.М. Михай-

ловская, Н.П. Макарова, Н.С. Лейтос, Г.А. Федорова, А.Н. Зимина, Д.А. Яшин, позже – Б.О. Корман, Т.И. Зайцева, С.Т. Арекеева, Д.И. Черашняя, Е.А. Подшивалова, Э.А. Тамаркина, Л.П. Федорова.

В середине 60-х годов у филологов возникает замысел создать научную историю удмуртской литературы (этот замысел осуществится в конце 80-х). В 1957 году увидели свет «Очерки удмуртской советской литературы» (авторы Н.П. Кралина, Ф.К. Ермаков, А.Н. Клабуков). Немалую роль в развитии научной, критической мысли сыграл Удмуртский научно-исследовательский институт – УдНИИ, который в разное время возглавляли историки, писатели, лингвисты Кедр Митрей, В.В. Захаров, М.П. Петров, более двух десятков лет им руководил доктор исторических наук К.И. Куликов. В настоящее время институт возглавляет талантливый ученый, этнограф, доктор наук А.С. Загребин. Здесь работали известные ученые, писатели Н.П. Кралина, П.К. Поздеев, Ф.К. Ермаков, В.В. Ермолаев, В.Е. Владыкин, Н.П. Павлов, позже – В.М. Ванюшев, Л.С. Христолюбова, М.В. Гришкина, Т.Г. Владыкина, М.Г. Иванова, Г.А. Никитина и др.

В 60-е годы наметился не только «всплеск» литературоведческой мысли, но и активное развитие прозы, связанное с освоением художественных традиций репрессированных писателей. После решений XX съезда КПСС возвращено читателям творчество Кедр Митрея (роман «Тяжкое иго», драмы, повести, рассказы), М.Коновалова (романы «Лицо со шрамом», «Гаян»), Г.Медведева (роман-трилогия «Лозинское поле»). Вызвал неоднозначную оценку критики роман-трилогия поэта и драматурга И.Гаврилова «В родных краях» (1963). Особое место в исторической удмуртской и российской прозе занял роман безвременно ушедшего из жизни М.Петрова «Старый Мултан» (1954), а также его пьесы, рассказы, повесть «Перед рассветом».

Активную роль в литературной жизни Удмуртии того времени играли фронтовики – народный писатель УАССР М.А. Лямин, автор художественно-документальной повести «Четыре года в шинелях», высоко оцененной Б.Полевым, романа «Во имя счастья»; народные поэты УАССР С.П. Ширококов, Н.С. Байтерьяков, а также И.А. Зорин, И.Г. Гаврилов, А.Н. Клабуков. На фронт ушли 31 писатель Удмуртии, 5 из них не вернулись. В послевоенные годы заняла свое достойное место в республике русская поэзия и проза (О.А. Поскребышев, А.И. Демьянов, В.В. Парамонов, В.В. Захаров, В.И. Емельянов). Заметным явлением в удмуртской поэзии и прозе были лирические миниатюры В.Г. Широкова, романы «На берегу Лудзинки» и «Стремнина» Т.А. Архипова. Заявили о себе выпускники УГПИ прозаики и поэты Г.К. Перевощиков, Р.Г. Валишин, В.А. Болтышев, В.В. Катков. Вышли в свет повести, романы «Рамежье», «Данило Шитов» Д.П. Бор-Раменского, рассказы, повести и романы П.Ф. Куляшова.

60-70-е годы, связанные с расцветом таланта

Ф.И. Васильева, отмечены бурным развитием поэзии. Появляются новые имена поэтов: А.Е. Белоногова, В.Н. Ившина, Ф.П. Пукрокова, А.К. Леонтьева, А.Н. Уварова, поэта-сатирика, исследователя творчества писателей-просветителей дооктябрьской поры, переводчика с русского («Слово о полку Игореве»), венгерского, финского («Калевала»). Поэзия Ф.Васильева открыла новую страницу в истории удмуртской словесности. Получив высокую оценку С.Михалкова, С.Орлова, Н.Доризо на выездном секретариате СП РСФСР в Казани (1972), поэзия Ф.Васильева стала широко известна в России, особенно – после обсуждения ее на секретариате СП РСФСР (1977).

Поэзия и проза писателей Удмуртии становилась фактом многонациональной литературы. Их книги выходят в лучших издательствах страны: «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Художественная литература», «Советская Россия», «Детская литература», «Современник». Выходят повести, романы М.Петрова, М.Коновалова, Г.Красильникова, С.Самсонова, П.Куляшова, сборники стихотворений Ф.Васильева, Н.Байтерякова, А.Демьянова, О.Поскребышева. Удмуртская поэзия и проза переведены на языки народов Советского Союза: русский, украинский, татарский, эстонский, белорусский, марийский, чувашский, венгерский и др.*

В эти же годы появляются значительные работы по фольклору заведующей секцией фольклора УдНИИ, а затем доцента УдГУ Н.П. Кралиной, одна из них – «Мифы и легенды удмуртского народа» (1986), выдержавшая три издания, – удостоена Государственной премии УАССР. Позже ценный вклад в фольклористику (исследования о русском фольклоре Удмуртии) внесли доцент УдГУ Э.А. Тамаркина, профессор Глазовского пединститута В.В. Захаров, литературовед и фольклорист А.Г. Татаринцев, доктор филологических наук Т.Г. Владыкина.

Следует отметить как значительное явление монографии литературоведов Ф.К. Ермакова, А.Г. Шкляева, В.М. Ванюшева, а также работы более молодого поколения: Е.А. Подшиваловой, В.Г. Пантелеевой, В.И. Чулкова, Л.П. Федоровой, Т.И. Зайцевой, С.Т. Арекеевой. На кафедре русской филологии факультета удмуртской филологии УдГУ с 2000-го года работает семинар по подготовке кандидатских диссертаций. Посещали его аспиранты и соискатели: Л.Н. Хузина, Е.Г. Красновская, Т.Г. Пантелеева, Л.А. Богданова, Л.В. Бусыгина, Р.В. Кириллова, В.Х. Хакимова. Все они защитили диссертации. В настоящее время работает семинар по подготовке докторских диссертаций.

Доброго слова достойно издательство УдГУ, за годы своего существования опубликовавшее сотни литературоведческих работ и учебных пособий историков, этнографов, лингвистов, литераторов, в том числе – мои работы: «История удмуртского романа»

(1978), книги Памяти «Недопетая песня» (1995) об Е.В. Самсонове (в соавторстве с В.И. Таракановым), «Как молния в ночи» (1998) о К.Герде.

Неоценимую роль в развитии литературного процесса Удмуртии играет журнал «Молот» («Кенеш»), редакторами которого были известные писатели М.Петров, Т.Архипов, Ф.Васильев, С.Самсонов, А.Шкляев, В.Ившин, ныне – П.Куликов.

В 1977 году по инициативе Ф.Васильева и Г.Ахунова (Татария) вышел альманах «Между Волгой и Уралом» (произведения писателей автономных республик Урала и Поволжья): составление, предисловие, комментарии А.А. Шкляева.

В 2009 году исполнилось 90 лет со времени создания издательства «Удмуртия». За годы своего существования издательство выпустило в свет сотни книг на удмуртском и русском языках общим тиражом около миллиона экземпляров. В последнее десятилетие новое руководство издательства в лице директора Ю.В. Кузнецова и главного редактора В.Н. Ившина делают все возможное для того, чтобы научный, художественный и полиграфический уровень издаваемых книг был высоким, что не раз отмечалось правлением Союза писателей России на презентации книг писателей Удмуртии.

Нельзя не отметить, что издательской деятельностью занимаются и редакция журнала «Инвож», и газета «Удмуртская правда», и Камский институт гуманитарных и инженерных технологий (КИГИТ), возглавляемый Президентом-научным руководителем В.А. Никулиным.

В Москве в издательстве «Современник» вышли книги, составленные А.Г. Шкляевым, с его предисловием: «Край родниковый» (1984), «Песни солнечного леса» (стихи и поэмы удмуртских поэтов, 1992), сборник стихов и поэм К.Герда «Ступени» (1985). Впервые в издательстве «Современник» в серии «Литературная карта России» двумя изданиями (1976, 1981) вышла книга очерков об удмуртской литературе «Песня над Чепшой и Камой», удостоенная Государственной премии УАССР. В 1975 году в Будапеште, в издательстве Академии наук на венгерском языке увидел свет фундаментальный труд П.Домокоша «История удмуртской литературы» (в 1993 – в издательстве «Удмуртия» на русском языке в научной редакции А.Г. Шкляева), положивший начало научному вниманию мировой филологической науки и критики к удмуртской и другим финно-угорским литературам. Следует назвать и обстоятельное исследование «Панорама удмуртской литературы» французского филолога Ж.Л. Моро, появившееся в 1966 году в Париже. И Ж.Л. Моро, и П.Домокош до наших дней не утратили интереса к литературному процессу Удмуртии. Они не раз побывали в столице и районах республики. В 1989 году П.Домокош выступал на юбилейном вечере, посвященном столетию удмуртской литературы, в

* См. работу Ф.Ермакова «Творческие связи удмуртской литературы с русской и другими литературами» (1981).

2001-м – на VII финно-угорском конгрессе в Ижевске, принимал участие в работе научно-практических конференций, читал лекции преподавателям и студентам УдГУ, встречался с читателями в библиотеках города и районов УР. Но, прежде всего, следует отметить значительный вклад П.Домокоша в общее финно-угорское литературоведение. Его имя широко известно не только в России, но также в Европе и Америке.

О литературе Удмуртии, о творчестве удмуртских и русских художников слова писали столичные критики и литературоведы. В литературно-документальной повести В.Марченко «Тверской бульвар, 25» повествуется о Литературном институте им. А.М. Горького. Один из главных героев повести – Г.Д. Красильников, бессменный староста своего курса. Профессор А.Власенко написал монографию о Г.Красильникове, Г.Красильникову уделено внимание в книге известного прозаика Н.Евдокимова. Творчеству других писателей республики отведено немало места в книге литературных портретов А.Блинова «Увидеть необычное» (1982).

Значительная роль в пропаганде литературы Удмуртии принадлежит В.В. Дементьеву – талантливому критику, историку литературы, секретарю СП России, возглавлявшему отдел критики и поэзии газеты «Литературная Россия», а затем заведующему редакцией литератур народов РСФСР в издательстве «Современник». В этом издательстве выходили книги русских и удмуртских писателей: П.Куляшова, А.Уварова, Р.Валишина, Т.Архипова, Г. Перевощикова, О.Поскребышева, Ф.Васильева и др. В.В. Дементьев – автор литературоведческих работ о поэзии Ф.Васильева, О.Поскребышева, В.Романова, а также воспоминаний о Ф.Васильеве. В бытность В.В. Дементьева заведомом критики и поэзии в газете «Литературная Россия» появились статьи, рецензии на книги писателей Удмуртии. Одна из них начиналась так: «Имярек» написала удивительную книгу...». Речь шла о «Русских поэтах Удмуртии» (1979). Ему же принадлежит рецензия на книгу «Как эхо долины родной» (1983). В «Литературной России» печатались отклики на книги удмуртских писателей, талантливого прозаика Я.Мустафина, переводчика повести Р.Валишина «Гора ветров». Запомнились и развороты газеты, посвященные поэзии Удмуртии, под заголовками «Только песни оставлять на память – радостную память о себе!» и «У жизни нет черновиков – она дается лишь однажды» (строки из стихотворений О.Поскребышева). Подборки составили стихи Ф.Васильева, С.Широбокова, Н.Байтерякова, В.Ившина, В.Романова, О.Поскребышева. Некоторые из стихотворений, напечатанные в «Литературной России» и журнале «Аврора» (Ленинград), стали хрестоматийными: «Всякий раз, когда годом спокойного солнца...», «Береза», «Упал на холодную озимь...» Ф.Васильева, «Российские Ивань» О.Поскребышева. По инициативе В.В. Дементьева к 50-летию Ф.Васильева издана посмертная книга его

стихотворений «Вкус солнца» («Современник», 1983: составление мое, предисловие О.Поскребышева).

Кстати сказать, о поэзии О.Поскребышева писали известные критики, поэты и журналисты Н.Шундик, В.Цыбин, М.Числов, А.Бобров, В.Боков. Заметным явлением в литературоведении Удмуртии стали работы: «О.Поскребышев. Художественный мир поэта» В.Захарова (1993) и «Художественный мир поэзии Ф.Васильева» доцента УдГУ В.Пантелеевой (2001). После смерти Ф.Васильева в Москве увидели свет пять книг его стихов (общее число переводчиков его поэзии – более 30).

Поэзия занимает значительное место в литературе Удмуртии. Традиции Ашальчи Оки успешно продолжили и продолжают А.Кузнецова, Л.Кутянова, Т.Чернова, М.Гаврилова-Решитько, Г.Романова, Л.Тихонова, Л.Нянькина, З.Трухина. Достоянства научного внимания поэзия П.Захарова, В.Захарова, А.Веринной, А.Арзамасова, С.Гулина, В.Каткова, О.Денисовой, Д.Бесонова и др.

В становлении и развитии национального театра немалую роль сыграли прозаики – авторы повестей и романов: Г.Красильников, С.Самсонов, Г.Перевощикова, инсценировки произведений которых с успехом шли на сценах театров Удмуртии. Обстоятельного литературоведческого разговора заслуживает драматургия и проза народного писателя УР Е.Загребина, заслуженного работника культуры РФ, драматурга А.Григорьева, поэта, автора талантливой драмы в стихах «Эбга» П.Захарова, поэта-лирика из Глазова Л.Смелкова, литературоведов Л.Богдановой, Т.Пантелеевой, Л.Бусыгиной, Е.Красновской, С.Скопкаревой, Р.Кирилловой, Л.Хузиной, В.Хакимовой, театроведа Д.Стрелковой.

Нельзя не вспомнить добрым словом автора монографии «Поэзия рабочего Урала» Н.Кузина (Москва, 1974), уделившего значительное внимание поэтике творчества Ф.Васильева и О.Поскребышева. В журнале «Урал» печатались романы Т.Архипова, Г.Красильникова, стихи Ф.Васильева, Д.Яшина, В.Владыкина, О.Поскребышева. Следует отметить и теоретические работы В.В. Захарова – поэта, профессора Глазовского государственного педагогического института, организатора традиционных короленьковских чтений, создавшего лучшие историко-литературоведческие работы об О.Поскребышеве.

Достоинны внимания работы по проблеме автора профессора Б.О. Кормана «Лирика Н.А.Некрасова» (1964), «Лирика и реализм» (1986), «Избранные труды по теории и истории литературы» (составитель, автор предисловия В.И. Чулков, 1992), «Образцы изучения текста в трудах отечественных литературоведов» (1994) и многие другие, а также о литературоведении Удмуртии. Заметным явлением в работе кафедры русской филологии УдГУ стали традиционные кормановские чтения, выпуск сборников теоретических статей, а также сборников научных работ факультета удмуртской филологии («Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература

XX века», 2002 г.) и др.

Если собрать все книги – сборники, тематические издания, вышедшие в финно-угорских российских республиках, а также в Москве, Перми, Свердловске, – то обнаружится множество публикаций удмуртских и русских поэтов нашей республики: в сборниках «Стихи о любви», «Четыре ветра», в альманахе «Поэзия», в книге «В середине века», в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Нева», «Звезда», «Урал», «Волга» и др. В журнале «Урал», в редколлегии которого состояли О.Поскребышев, Ф.Васильев, В.Владыкин, нередко появлялись отзывы на наши книги прозы, поэзии, литературоведение. На протяжении более десяти лет каждый новый номер журнала «Север» (в бытность главным редактором народного писателя Карелии Д.Я. Гусарова) открывался подборкой стихотворений О.Поскребышева. Поэт побывал на VII съезде писателей республики. Его выступления в разных аудиториях Петрозаводска вызывали многочисленные восторженные отклики читателей.

Все, о чем пишу, не происходило без внимания СП России. Например, в 1983 году в Казани было организовано обсуждение книг писателей Урала – Поволжья, вышедших в издательстве «Современник», с участием критиков, литературоведов региона (от Удмуртии участвовали А.В. Ермолаев и автор статьи). Затем состоялись Дни литературы: многочисленные встречи с читателями Казани, районов и городов республики.

Памятным событием в жизни Удмуртии были Дни культуры и искусства в Харькове (1972), в Тульской области, открывшиеся 3 октября 1987 года. Кроме партийных и общественных деятелей, в них участвовали писатели С.А. Самсонов, Н.С. Байтеряков, О.А. Поскребышев, В.Н. Ившин и др., а также художники, режиссеры радио и телевидения, актеры русского драматического и национального театров, композиторы. В праздничном концерте приняли участие Н.Байтеряков, Н.Копысов, Е.Трифонов, В.Садаева, В.Фатеев, И.Вахрушев, Г.Корепанов–Камский, ансамбль «Италмас» под руководством А.Мамонтова. Состоялись встречи писателей в педагогическом институте, с оружейниками, учителями города. Удмуртская делегация посетила Ясную Поляну – усадьбу Л.Н. Толстого, Прохоровское поле, музей-усадьбу Поленово.

Младописьменные литературы 70-80-х гг. начали интересоваться Запад. В 1979 году в издательстве «Удмуртия» вышла моя книжечка «Русские поэты Удмуртии». И в библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина города Ленинграда поступила просьба из библиотек Гарвардского университета и Конгресса США выслать эту книгу. Разумеется, просьба была выполнена.

Начиная с 1960 года, Союз писателей Удмуртии налаживает творческие контакты с писателями Венгрии, Финляндии, Эстонии, а также Ставрополя, Перми, Кирова, Мари-Эл, Коми, Чувашии, Карелии.

На писательских съездах, на Днях литературы и искусства в Удмуртии побывали многие руководители писательских союзов страны, а также секретари СП РСФСР, СССР, финно-угорских республик, краев и областей: А.Сурков, В.Сорокин, П.Проскурин, М.Числов, М.Зубавина, переводчики, редакторы журналов «Юность» (А.Дементьев), «Урал» (Л.Шкавро) и другие, В.Чукреев, Я.Мустафин, Н.Шундик, а также Н.Залка, З.Веселая.

Писатели Удмуртии совершили творческие поездки во Францию, Швейцарию (С.Самсонов – в поисках материала для романа об известном революционном деятеле П.Сажине, нашем земляке), Чехословакию (Г.Красильников – в связи с переводом на чешский язык его произведений), Ф.Васильев – в Швецию, В.Ар-Серги – в Венгрию. В 1996 году преподаватели УдГУ А.Шкляев, А.Зуева, З.Богомолова участвовали в поездке правительственной делегации в Венгрию, выступили с докладами на теоретической конференции, организованной Будапештским университетом. Писатели Удмуртии – участники восьми финно-угорских конгрессов: в Венгрии, Финляндии (Тарту, Хельсинки), Ханты-Мансийске, Ижевске, а также съездов финно-угорских писателей в Мари-Эл (1989), Таллинне (1996) и др.

Автору статьи довелось участвовать в работе выездных секретариатов СП России в Казани (1972), в выездном совете по прозе СП РСФСР в 1979 году в Ижевске (доклад по проблемам развития удмуртского романа), в Мари-Эл (1989), Майкопе (1989), Краснодаре (1989), Москве (доклад о прозе и поэзии Коми), в Орле (XII съезд писателей России в 2004 г.), в год русского языка в Белгороде (2007), в Калуге (2009).

В СП России много лет работали Советы по критике, прозе, военной истории, был создан совет по литературе народов РСФСР. Первое его заседание состоялось в Мари-Эл в 1984 году. Автору статьи было поручено подготовить доклад о шести литературах Волжско-Уральского региона, часть материалов которого опубликована в альманахе «Арт» (Коми) и журнале «Ончико» (1985). В 2009 году в журнале «Ончико» увидела свет статья «Слово об удмуртской литературе».

В последние годы в литературе республики активизируется издание книг серии «Память Удмуртии» (финансовая поддержка Президента УР А.А. Волкова, Председателя правительства Ю.С. Питкевича, Председателя Госсовета А.В. Соловьева), серии «Человек. Писатель. Время», необъявленной серии книг Памяти писателей.

Заметным явлением в документальной прозе стала книга полковника МВД Г.В. Кочкарева «На страже интересов России» и более двух десятков книг о правоохранительных органах Удмуртии полковника, члена СП России Р.Н. Запшарова.

Нельзя не отметить и развития в удмуртской поэзии нового направления (теория и практика) – этнофутуризма, возглавляемого членом СП России, доцентом Удмуртского государственного университета, поэтом

В.Л. Шибановым. Этнофутуризм в литературных кругах вызвал острую полемику.

Особые страницы в развитии литературы Удмуртии составляет детская литература. Лучшими образцами она представлена в книгах прозы «Дедушкин родник» (Москва, 1981, составление, предисловие В.М. Ванюшева), поэзии «Чипчирган» (1984, составление, предисловие Г.А. Ходырева). Классические произведения этого жанра А.Н. Клабукова, Г.А. Ходырева вошли в фонд детской литературы России. Для детей писали Т.Шмаков, Ю.Байсарова, О.Поскребышев, В.Емельянов, А.Самсонов, В.Михайлов, А.Ельцов, О.Четкарёв и др.

Дням удмуртской литературы и искусства в Москве предшествовали секретариаты СП России, возглавляемые председателями СП С.В. Михалковым, Ю.В. Бондаревым, В.Н. Ганичевым. В течение последнего десятилетия В.Н. Ганичевым уделялось пристальное внимание состоянию литературы Удмуртии. В его бытность председателем СП России прошли секретариаты: посвященные 100-летию со дня рождения К.Герда (Москва, 1998), 70-летию Г.Д.Красильникова (Ижевск, 1998, руководитель – В.В. Сорокин). Во время работы секретариата в Ижевске состоялся прием новых членов в Союз писателей России.

17–19 ноября 2008 года в СП России состоялись Дни удмуртской литературы и искусства, посвященные 450-летию добровольного присоединения Удмуртии к России. Слово о литературе Удмуртии и проблемах национальных литератур России произнес В.Н. Ганичев. На XIII съезде СП России большинством голосов он вновь избран руководителем Союза писателей страны.

Вместе с В.Н. Ганичевым успешно руководят СП России первый секретарь – поэт Г.В. Иванов, сопредседатель – прозаик Н.И. Иванов, редактор газеты «Российский писатель» Н.И. Дорошенко, стат-секретарь – Л.Баранова-Гонченко и др. Национальным литературам, в том числе – удмуртской, на протяжении многих лет оказывает действенную помощь М.В. Зубавина – ответственный секретарь приемной комиссии, а также С.В. Вьюгина.

Анализируя деятельность СП России за годы после развала Советского Союза, приходишь к выводу: СП России, в который входят более чем девяносто

писательских объединений страны,* на протяжении почти двух десятилетий выполняет функции бывших Союза писателей РСФСР и Союза писателей СССР.

В СП России состоялась презентация книг Памяти писателей Удмуртии: К.Герда («Как молния в ночи», 1998), Кедре Митрея («Опаленный подвиг батыра», 1994), Г.Д. Красильникова («А я остаюсь с тобою», 1997), книги о композиторе Г.М. Корепанове-Камском «Музыка – жизнь и любовь моя...», книг автора статьи «Голоса эпохи» (2003), «Всюду – жизнь» (2009).

На секретариате СП России обсуждали журнал «Кизили» («Звездочка», главный редактор – талантливый прозаик У.Бетретдинов), признав его лучшим детским журналом России. Состоялось обсуждение журнала на русском языке «Луч», который тоже получил высокую оценку секретариата СП России.**

У секретариата СП России новые и радостные заботы: налаживание связей с Союзом писателей Белоруссии в аспекте развития Союзного государства.

90-летие великого конструктора М.Т. Калашникова, члена СП России, автора пяти документально-художественных книг, широко отмечено писательским сообществом в Москве и Ижевске. Накануне юбилея в столице Президент России Д.А. Медведев вручил М.Т. Калашникову третью звезду – звезду Героя России.

Продолжают расширяться связи СП России с зарубежными литературами. В Париже в Российском центре культуры прошел музыкально-литературный вечер с участием сотрудников российского посольства, секретариата ЮНЕСКО и российских поэтов. В Шумянском университете Болгарии открыт памятник А.С. Пушкину. Перед собравшимися студентами и преподавателями выступил профессор, доктор исторических наук В.Н. Ганичев, а в Софии состоялась презентация его романа о знаменитом русском флотоводце XVIII века «Святой праведник Федор Ушаков».

Так Европа начала заново с помощью СП России, его председателя В.Н. Ганичева приобщаться к великой русской культуре.

**Главный редактор, член СП России
З.А. Богомолова**

* О роли МСПС (Международного сообщества писательских союзов) читайте в следующих номерах журнала «Италмас».

** О роли журналов «Молот» («Кенеш»), «Луч», «Кизили», «Инвожо» в развитии литературного процесса в Удмуртии – особый разговор.

Людмила Богданова

ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЛОРА ВАСИЛЬЕВА

Лирический цикл в удмуртской литературе до определенного времени был мало представлен. Поэты обращались к приему группирования стихотворений, но такие художественные объединения можно было назвать сборниками, книгами, но не циклами. Интерес к лирическому циклу у поэтов Удмуртии начал проявляться, пожалуй, только в последние десятилетия. В творчестве Ф.Васильева, О.Поскребышева, В.Владыкина видим целый ряд произведений этого жанра. Интерес продолжает усиливаться, что проявляется не только в активизации обращения к данной жанровой форме, но и в углублении работы над ней.

Поэзия Ф.Васильева камерна. Это отражается как в общей тематической направленности творчества поэта, так и в особой его приверженности к произведениям малой лирической формы. Известна лишь одна поэма Ф.Васильева («Любовь») и несколько стихотворных циклов.

Вполне вероятно, что жанровые пристрастия поэта к малым формам отразились и во внимании его к лирическому циклу как разновидности лирической поэмы. Укрупнение формы всего произведения сочетается здесь с камерностью его отрывков-эпизодов.

Так, цикл «Песня» состоит из трех внешне самостоятельных частей. Автор уточняет под заглавием структуру произведения – триптих (сравните с живописью: нечто целое, сложенное втрое, например, живописное полотно, состоящее из трех частей). Три отдельных стихотворения складываются в художественное целое. С одной стороны, каждая часть имеет собственную тему, с другой, – при их объединении качественно изменяется не только тематика, но и масштаб поэтической мысли.

Исследователи неоднократно отмечали такие особенности поэтического творчества Ф.Васильева как национальная самобытность, мифопоэтическая образность, символизм и т.д. В частности, моделируемые в лирике поэта миры условно можно разделить на три сферы: внутренний мир поэтического «я», видимый, внешний мир природы и невидимый – мифологический, космогонический мир предков. Именно это проявляется в «Песне» в ее целостном восприя-

тии. В произведении с трехчастной композицией возникает картина мира: человек с его личной судьбой, родная земля и космос. Три мировых сферы находятся в неразрывном единстве, что подтверждается целостностью произведения. Одновременно его художественная целостность закрепляется непреложной истиной, выраженной в цикле: человек живет на родной земле, хранит память предков и создает будущее, но, кроме этого, он – еще и часть космоса, который не только бесконечен в пространстве, но и безграничен во времени. Эта мысль позволяет соединить и самые далекие точки Вселенной, и жизнь наших предков с современностью.

Обращение Ф.Васильева к теме песни глубоко национально. Для удмуртов характерно трепетное отношение к тому, что сопровождает их на протяжении всей жизни. В начале XX века это подметил Кузубай Герд. По его мнению, удмурты живут в какой-то своеобразной песенной стихии: «С первых же дней своего рождения ребенок попадает в стихию песни... Укачивает мать ребенка... Как не рассказать ему о своей горькой жизни и о том, что ждет ребенка. Как не рассказать ему о речке, одиноко журчащей в лесу, не рассказать о серебряной рыбке, спящей в воде, и о красном клевере у пыльной дороги, свернувшем свою головку для сна... Как не рассказать ему о том, какой тяжелый трудовой путь ждет его... Умирает человек, он умирает как бы с песней на устах... Человек в могиле. Мягким пухом легла на него земля. И на могиле над ним рыдает прощальная песня-причитание...». По словам К.Герда, песня играет большую роль в обозначении неразрывной связи человека и окружающей природы. Не только человек поет, выражая свое настроение, но и природа отвечает на те или иные явления жизни разнообразными голосами, и в эти голоса вплетается человеческая песня. Человек – тоже творение природы, небольшая частица общего, нераздельного, единого целого.

Через десятилетия вслед за Гердом эту мысль повторяет Ф.Васильев в триптихе «Песня». При попытке разъединить составные части цикла теряется главная мысль произведения, представляющая восприятие поэтом особенностей национального образа

жизни, концептосферу удмуртского народа, в центре которой – песня, отражающая единение человека и мира.

По такому же принципу выстраиваются и другие лирические циклы Ф.Васильева. Их структурные части взаимодополняют друг друга, создавая художественную картину мира. Цикл «Родная сторона» – это пейзажный семерик (если пользоваться терминологией О.Поскребышева), в подтексте которого спрятана философская глубина. Прежде всего, это природные концепты. Известно, что человек и национальная культура зависят от природных условий существования. Герой Ф.Васильева – удмурт, любящий свою землю, чувствующий ее, знающий, куда ведет лесная тропинка, как пахнет хвоя и гречиха, о чем поет жаворонок и тихий ветер с реки. Все эти детали, наполняющие части цикла, соединяются в полнокровный, всеобъемлющий образ родной земли, без которой лирический герой не может осознавать себя человеком:

Нет мне к звездам дороги,
Хоть звезды горят, маня, –
Земля мне опутала ноги,
За руки держит меня.
Без страха и сожаленья
Давно бы я улетел,
Когда бы искал спасенья
От будничных слов и дел.
Спокойным, бесстрастным оком
Взирал бы на землю, как бог,
Если бы хоть ненароком
Себя обмануть я мог...
Нет мне к звездам дороги.

Пусть звезды горят, маня, –
Земля мне опутала ноги.
За руки держит меня...

Перевод Я.Серпина

Понятия национальное, национальное своеобразие остаются актуальными и пока еще недостаточно разработанными в гуманитарных науках. Тем не менее, литературное творчество признается как наиболее яркий выразитель национального начала. Необходимо заметить, что национальное в своей полноте не может проявляться только в каких-то отдельных деталях или компонентах художественного текста, «в описании сарафана», – оно «разлито» по всему произведению и ощущается в единстве его составляющих. Это относится и к лирическому циклу Ф.Васильева «Родная сторона». Если убрать из цикла один из его фрагментов, нарушится целостность образа, наполняющего произведение.

Не обращаясь к другим лирическим циклам поэта, можно обозначить следующие особенности: вполне вероятно, что Ф.Васильев создал лирический цикл как разновидность лирической поэмы потому, что для него притягательны малые поэтические формы. Структура лирического цикла позволяет автору, оставаясь в стихотворных рамках, укрупнить произведение, что делает возможным углубление содержания. Содержание созданного ансамбля стихотворений не складывается из суммы фрагментов, но формируется их взаимодействием. Таким образом, рождается новый смысл и жанр, поднимающий произведение на философский уровень.

Зоя Богомолва

ТЕМА ЛЮБВИ И ЕЕ ВАРИАЦИИ В ПОЭЗИИ ВЕНИАМИНА ИВШИНА

Я летаю над лугом цветущим,
Мои струи свежи и чисты.
Я дарю всем купавам и кущам
Лишь цветы,
Лишь цветы, лишь цветы...

В.Ившин*

Итак, любовь. Она ли не воспета,
Любви ль в веках не воздано свое?
Великие, влюбленные поэты
«Сильна как смерть» – твердили про нее.

В.Солоухин

О любви так много сказано, написано. Тема любви проходит через фольклор, всю мировую прозу, поэзию, музыку, живопись, прикладное искусство – то есть через все виды и жанры художественного твор-

чества от античных, восточных и европейских, средневековых времен до наших дней: Сапфо, Анакреон, Петрарка, Данте, Шекспир, Байрон, Пушкин, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Солоухин и др. Как

* Стихи В.Ившина здесь и далее даны в переводе В.Емельянова.

бы ни менялись страницы истории народов, переживающих глубокие потрясения, какие бы смены государственных формаций, войны и разного рода катаклизмы, счастливые или драматические перемены ни происходили, – любовь сопровождает человека от рождения до ухода в мир иной. Может быть, это одно из тех душевных переживаний, которое остается неизменным, – хотя нельзя отрицать и того, что каждое новое поколение привносит в это «вечное» чувство, в его эмоциональное, художественное выражение что-то свое.

Здесь вторгаются в души людей те морально-нравственные, этические (подчеркиваю: этические) нормы и принципы, которые формируют человека, его кодекс чести, ответственности, долга. О многоликости любви в истории духовной культуры сказано немало, ибо: любовь – судьба, жизнь, любовь – величайшая радость, подарок судьбы, но и величайшая трагедия. Об этом – поэзия Вениамина Ившина.

В историю литературы Удмуртии вписались судьбы нескольких поэтов, которым любовь, каждому по-своему, принесла глубокие душевные испытания (К.Герд, Н.Байтеряков, Ф.Васильев), в чем-то изменила их биографии.

При жизни писателей, композиторов, художников и других известных людей об этом не принято писать, говорить «вслух», но когда подводятся итоги пройденного жизненного и творческого пути, история их любви получает «огласку» не только как факт биографии, но и как факт, нашедший отражение в их творчестве. Об этом пишут книги, пьесы, создают фильмы, живописные полотна (Пушкин и Лермонтов, Бальзак, Байрон и Гете, Горький, Маяковский, Высоцкий и др.).

Не случайно называю имена великих поэтов. Так уход из жизни супруги Фаины, первой любви Ф.Васильева, был величайшей для него трагедией. В цикле стихов, ей посвященных, он писал:

Ты италмас – мой нежный цветок,
Горящий зимой и летом,
Смертно певучее сердце твое,
А ты в моем сердце бессмертна.

Поэт – человек особой духовной формации: восприятие им мира и людей, его внутренний мир, его сознание и подсознание иные, чем у «простого смертного», его сердце обнажено, подвержено малейшим воздействиям извне.

В программном стихотворении, которым открывается сборник «Узел голосов» (2001), Вениамин Ившин так выразил свой поэтический замысел:

Я хочу, чтоб в тебе, моя песня, светло и бесхитростно
Отразились, как в тихой Чепце, и мониста цветов,
И слою облаков, и дубок, по-мальчишьи расхристанный,
И грядущее наше, и тени былых городов.

В стихотворении отсутствует слово «любовь», оно – в подтексте. Это тихая, без всплесков любовь к своей земле с ее природными богатствами, к отчужденному краю, родному дому, матери, памяти детства: «надежный свет и боль воспоминанья». На этих двух психологических и эмоциональных «столпах» и держится поэзия В.Ившина. Он хотел бы их «разделить на части»: одна вместила бы «прошлых лет страданья», другая – «счастье будущих годов». Но, оказалось, – жизнь неделима, ибо «ведь это жизнь не чья-то, а моя».

Внутри двух половин идет сложный, диалектический процесс: наряду с реалиями бытия живых и памятью о покинувших этот мир автор страдает, печалится, любит, и во всех случаях ему помогает песня – «песня любви будто жажды утоление», она сопровождает человека на протяжении его горестного или счастливого пути. Поэт заклинает песню согреть собой его поэзию, «как солнце согревает землю». Но человек на земле не одинок, он – частица своего народа. «Арчинская песня» В.Ившина посвящена непокоренному народу, предкам Арчи, которые погибают от «дружины адской», но внутренне не сдаются, поэтому и песня о них будет жить вечно. В.Дементьев верно отметил, что В.Ившин «продолжает песенные традиции народа».

Поэзия В.Ившина многотемна, и одна из главных – тема сердца, переполненного любовью. Это тема, как говорилось выше, – мировой, русской, советской поэзии.* Выдающийся советский поэт Василий Федоров, автор поэм (самая значительная из них – «Проданная Венера»), романа в стихах о любви «Седьмое небо» писал:

Сердца! Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!**

Тема любви глубоко психологична. В малых жанрах лирической поэзии В.Ившина она раскрывается в сборнике «Узел голосов» в разделе «Весеннее слово», посвященном Валентине Михайловне Ившиной, супруге поэта (оба они – мои студенты). Дружба и любовь этих молодых, одаренных людей зарождалась в годы учебы в университете. К чести их – они пронесли ее через всю нелегкую, но счастливую жизнь.

Поэт пишет о своей любви как о самом дорогом и сокровенном.

Небольшое отступление. В начале 60-х годов состоялся разговор с Г.Д. Красильниковым. Я сказала ему: «В удмуртской прозе и поэзии нет большой любви, как у классиков русской и европейской литературы или как в поэме М.Горького «Девушка и смерть» – «сильна как смерть». Он ответил: «Вот напишу третью часть романа «Олексан Кабышев», будет вам и большая любовь». К сожалению, писатель ушел из жизни раньше, чем завершил задуманное...

* Мы не ставили цель исследовать одну из сложнейших проблем эмоциональной жизни человечества – любви, говорим о ней лишь в связи с творчеством В.Ившина.

** Эти строки из стихотворения В.Федорова часто цитировал О.Поскребышев.

В поэзии В.Ившина живет «большая любовь», и начинается разговор о ней с «Весеннего слова». Эпитет «весенний» (весна – пора любви) придает особую световую окраску образу любимой женщины. Несомненно, стихи о любви, посвященные конкретному адресату, несут в себе и определенное обобщение. Они раскрывают широту понимания автором одной из сложнейших проблем в жизни людей.

Стихотворение, которым открывается раздел «Весеннее слово», – преамбула к исповеди о любви:

Сегодня созрело в душе моей слово,
Еще никому не сказал я такого.
Еще никогда не твердил, замирая,
То слово в преддверии ада и рая...
Прекрасно, певуче, могуче оно.
Услышать его лишь тебе суждено.

Поэт трепетно раскрывает смысловое значение «весеннего слова». Это слово-признание стало не только выражением начала любви, но и всей будущей жизни лирического героя. Он обрел его «через свою судьбу».

Первый раздел книги «Узел голосов» как бы готовит читателя к восприятию главного события жизни поэта – любви не только к конкретному лицу, но и ко всему сущему на земле. Одно с другим связано. Стихи о любви В.Ившина – возвышенная ода, песнь о любви.

К.Герд в статье «Удмурт в своих песнях», написанной в начале 20-х гг. прошлого века, в разгар классово-борьбы в стране, утверждал, что песня исстари вошла в разум, плоть и кровь удмуртского народа. Она живет в нем сознательно и в подсознании как память, оживающая в минуты светлые и горестные, становясь боевым призывом, кличем или утешением. Песня у В.Ившина соединяет прошлое и настоящее. В одном стихотворении-посвящении женщине, прожившей долгую жизнь, он через песню изображает судьбу той, через душу которой прошел «старинный крылатый мотив». Героиня – свидетель многих трагических событий в жизни народа, поэтому песни – свидетельницы ее жизни – «омыты» народной слезой, поэтому «среди моря огня эти песни...», но эти «нежные песни» в то же время – «горькие песни тяжелых минут». Так через песни, их мотивы поэт раскрывает исторический путь не только личности, но и страны, народа. Здесь и преемственность поколений: «Я пою их... Мне душу они берегут» – так автор завершает свое повествование.

А рядом с песней – память, она вбирает в себя все, что прожито и пережито, потери и обретения. В стихотворении «Тень» возникает образ умершего отца, который словно тень следует за сыном, являясь высшим его судьей. Грустной мелодией звучит стихотворение о том, как «умирает деревня». Ее смерть сравнивается с тем, как «в пруду задыхается карп». Исход людей из умирающей деревни сопровождается деталями быта, перечислением тех, кто уезжает: лесники, трактористы, пастухи, агрономы – труженики полей, создатели материальных ценностей. Тем не менее, след свой деревня оставляет: дороги, ограды,

сады. «Уезжает деревня...», но «оставляется жизнь», остается то, чем жили люди. Лирический герой горестно восклицает: «Где домашнего хлеба мы отведаем с корочкой в теплой золе?»

Это стихотворение перекликается со стихотворением В.Владыкина «В деревне хлеб уж не пекут», в котором с сожалением повествуется о разрушении вековых народных традиций. Все это ранит сердце не просто бывшего сельского жителя, а человека, корни которого глубоко проросли в почву народной жизни. И включение в ткань повествования риторических вопросов («Где ты встретишь теперь солнце нового дня?»), и образ сиротливой ветки березы, приглашающей в новый дом, – все это углубляет трагедию уходящей, умирающей, «переезжающей» деревни.

Книги поэзии В.Ившина строятся так, что событийные стихи перемежаются с пейзажными, лирические – с эпическими («Мамонт», «Арчинская песня», «Иднакар»).

Нельзя не отметить особенность удмуртской поэзии в ее историческом и современном аспекте. Фольклорное начало (сюжеты, образы легенд, сказаний, мифов) до сих пор проникает в поэтическое мышление А.Белоногова, В.Ар-Серги, В.Владыкина, В.Ванюшева, А.Перевощикова, М.Атаманова, Ф.Пукрокова, В.Ившина. Многие зависят и от тенденций, запросов времени. Причем на разных этапах фольклорные мотивы, сюжетные фольклорные включения носят разный содержательный, философский характер, связанный, прежде всего, с осмыслением места поэта в мире, в искусстве, с поиском себя, с ощущением и выражением того, что несет в себе художник слова.

В.Ившин писал: «Капли счастья и тоски вбирает в себя сердце каждого поэта, и потому в себе самом себя ищу я». Затрагивает поэт и одну из вечных тем «писатель и читатель». По-прежнему остается главной темой любви, включается в разные поэтические жанры и сюжеты. Размышляя о родном языке, его генезисе, его назначении, словесном многоцветии, смысловом наполнении поэзии в связи с историческими переменами, пишет:

...Он учит нас, мирит и судит,
И прошлое помнить зовет,
И силы в нас новые будит,
И новые песни поет –
То холодно-мудр, то беспечен,
То снова горяч, словно кровь...
Я верю, что будет он вечен,
Как труд наш, как хлеб и любовь.

Язык, как и любовь, включается в категорию вечных тем. Эта тема тесно связана с нравственными проблемами языка («Добряк»). Во многих стихах В.Ившина преобладает личностное начало, автобиографическое содержание («Я снова юный и влюбленный», «Прощай, сказала...»):

Все о себе поведать, не тая,
Обязан вам не кто иной, как я.

Личностное начало усиливается афористичностью

Что сад без надежных корней?
Кто я – без народа,
Без мудрого отчего края?
Бескрылая птица,
Без песен своих соловей.

Внутренним планом душевное состояние лирического героя сравнивается с состоянием предметов и явлений природы, иносказание, замена одного образа другим, олицетворение неживой природы («Облака»), перенесение действия из одного исторического времени в другое – все, что знает и видит поэт, сливается в узел голосов. Это шелест трав, плеск ручья, горн гусей, писк полевки, свист синиц, квохтанье дроздов, кукование кукушек, их пророчества, жужжание пчел, песни цветов, и «только Нюлэсмурт в полумраке сумрачном таится, выкрик свой шальной отдать боится в узел голосов». Так поэт в природе открывает гармонию, носителей красоты, добра, но и зла. Нюлэсмурт (леший) разрушает поэтическое совершенство природы, сам же поэт с природой на «ты».

Ф.Васильев, представляя всесоюзному читателю стихи В.Ившина на страницах «Литературной России», писал, что он «воспитывает у читателя чувства точного слова». Имеется в виду умение создавать смысловую доминанту слова. В стихотворении «Мое небо» возникает многоликий образ неба, которое меняет цвет от земных перемен, – в частности, «когда цветет гречиха в поле», когда станут «желтыми колося, и небо желтизной нальется», когда сорняки «покрывают небо тучами». Но небо – это тайна, великая загадка для человечества. Как бы ни менялся цвет неба, оно, по убеждению поэта, не изменяет главной своей сути:

...ты
Как зеркало передо мной,
Всегда сияешь, отражая,
Мою любовь,
Мою печаль,
Мои заботы и мечты.

В восприятии поэтом неба заметна художественная и содержательная новизна. В прекрасном стихотворении в переводе Г.Иванцова о голубом небе он пишет не столько о цветовом, сколько о душевном восприятии неба. Поэт широко и смело пользуется сравнениями, так, например, пасмурный день он сравнивает со стариком, который, «сутулясь, кашляет». Поэт пытается понять, «в какие места, за какие холмы» день уносит человеческие радости и беды и все явления и предметы природы – солнце, луну, дождь («Магнит»), ветер, ураган, град. Поэт убежден: каким бы ни был сумрачным, ветреным день, «он не унесет меня к невидимым планидам». Романтик, он прочно стоит на реальной почве, где много прекрасного и в природе, и в человеке («Дождливый день»).

Флор Васильев писал: «Когда в семье рождается ребенок – черемуху у дома посади». Многие темы и

мотивы поэзии В.Ившина перекликаются с темами и мотивами поэзии его учителя и талантливого современника. Образ неба в разных вариантах присутствует во всех жанрах народного творчества, а также в русской, европейской, восточной (Омар Хайям, Низами), финно-угорской литературах. В удмуртской – у Ф.Васильева, В.Ар-Серги, С.Широбокова, Н.Байтерякова, А.Перевощикова. Известно, что источником художественного поиска мастеров слова больших и малых народов является устно-поэтическое творчество. До сих пор в молодых литературах непременно присутствует фольклорное мышление, особенно в сельском сценическом искусстве последних лет, лишенном профессиональной драматургической, музыкальной, поэтической подпитки.

Лирика В.Ившина дает основание сделать подступы к «вечной» теме искусства – теме любви. Из чего она психологически складывается? Из любви к матери, к близким по крови людям, из любви к дому, женщине, детям, к малой и большой Родине. Что способствует формированию любви? Семья, школа, среда, профессия – все, что окружает человека с детства и сопутствует ему на протяжении жизни. Немаловажную роль играет народное и профессиональное искусство: книги, театр, живопись, музыка. Все это, на первый взгляд, элементарно, но стоит лишь вторгнуться в индивидуальный мир чувств человека, как легко обнаружить, что именно это является главным, определяющим характер личности, ее внутренний мир. Именно об этом говорила одна из героинь пьесы К.Симонова «Русские люди», написанной в годы Великой Отечественной войны. Подтверждением сказанного – строки из стихотворения В.Ившина «Взгляд»:

О поля и леса! Мы – друзья, мы – родня!
Очарованный трепетными голосами,
Счастлив я от того, что глядят на меня
Эти нивы и рощи моими глазами.

В 2007 году в издательстве «Удмуртия» вышла новая книга поэзии и прозы В.Ившина «Пуньи буясь конь» («Белочка, раскрашивающая ложечки»). Книга для семейного чтения». Она прекрасно оформлена известным художником В.П. Мустаевым, редактор – С.В. Матвеев. И эта книга, как и все, о чем бы ни писал поэт, согрета его душевным теплом, любовью к миру людей, детей, к миру живой и неживой природы.

Заканчивая статью о творчестве В.Ившина, размышляя о его тематическом многообразии, богатой художественной системе, прихожу к выводу: в удмуртской поэзии этот поэт стал рядом с Ф.Васильевым, в русской – с О.Поскребышевым. Оба они – его наставники и учителя, и каждый из них внес в его поэзию, в его поэтический мир частицу своего опыта и таланта, частицу своей души.

СТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ В ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЙ КУЗЕБАЯ ГЕРДА

В лингвистических и литературоведческих работах последних десятилетий активно развивается направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, исследуются проявления культуры народа, которые закрепились и нашли отражение в языке. Соответственно, в литературоведении индивидуальный стиль художников слова также изучается с учетом соотношения языка и мышления, мировоззрения, менталитета. Именно этот аспект – взаимосвязь языка и культуры – ярко демонстрируют переводные поэтические тексты. Когда «взаимодействуют «свой» и «чужой» текст, возникает особая проблема – соотношение разных культур, культурных традиций»¹, именно язык позволяет проникнуть в самое себя, ментальность нации, культуру общества. Поэтому исследование переводных текстов является актуальной проблемой и в удмуртской филологической науке.

Исследованию переводной лирики Кузебая Герда посвящена глава монографической работы А.В. Камитовой «Образный мир Кузебая Герда» (2006). В работе представлены содержательные наблюдения и выводы на основе сравнительно-сопоставительного анализа оригинальных и переведенных на русский язык текстов. Автор отмечает: «Отсутствие в удмуртском языке грамматической формы выражения рода как результат и закон многовекового развития языка порождает в переводных текстах двойную интерпретацию: лирический герой – лирическая героиня. Иными словами, это тот яркий пример, когда обнаруживается проблема различной «грамматики мышления» на разных языках (Михайлин 2002: 322). Следствием подобных языковых сдвигов являются и семантические отклонения от оригинала в результате субъектного переводческого интерпретирования».² На наш взгляд, большой интерес вызывают тексты, переведенные не только на русский язык. А надо сказать, с конца прошлого столетия стихи удмуртского поэта активно переводятся на венгерский, финский, эстонский, коми, марийский, мордовский, английский и другие языки. Мы предлагаем некоторые наблюдения над поэтическими текстами К.Герда, над видением мира поэта сквозь призму национальных языков.

Проведенные исследования позволили сделать некоторые выводы. Надо отметить, что при переводах неизбежен субъективизм, проявляющийся

в наложении модели мира переводчика на модель мира поэта. Как известно, переводческая деятельность – это своего рода со-участие, со-творчество, где естественно происходит пересечение мировоззрений (В.Михайлин, Е.Эткинд и др.). Более того, перевод – это переплетение разных философий, культур и менталитетов. Здесь многое зависит от выбора переводчиком доминант и стиливых эквивалентов тексту оригинала: слова, близкие к центру поэтического мира художника, могут оказаться вне ядра, или, используя один и тот же образ, можно не донести до читателя мысли и переживания автора оригинального текста.

Так, например, в звуковом пространстве К.Герда, наполненном бурной музыкой жизни, трагической симфонией «мирового оркестра», где преобладают звонкие звуки ж–г–р–л, в переводах на финский язык появляются более гармоничные, спокойные тона. Например, в программном стихотворении «Бусь» («Поле») ономастопоэтические слова жинграк/ чаштрак/ жильыр-р-р передаются через слова *helähtää/ suhinaa/ solinaa*:

Чаштрак! огпала някырско.
Жильыр-р-р! пальккисько, гыало.
Ваче зег йыртьес шуккисько –
Жингыр-р-р! Жингыр жин-н-н! жинграло.

Suhinaa! Tätkat taipuvat.
Solinaa! Peltoväreilee.
Toisiaan tähkät hipovat:
Helinä kirkas helisee!

Игривость, яркость гердовского текста в финском варианте («Pelt») заменяется большей таинственностью, загадочностью. Образ священного поля завуалирован звуками s–h–l.

Семиотизация звукового фона анализируемого стихотворения в сопоставительном плане создает оппозицию звук/беззвучие (по Т.В. Цивьян), в пространственном отношении соответствующую оппозиции движение/неподвижность. В неподвижности, в беззвучии, возможно, отразился спокойный, тихий, немногословный характер финского народа. К тому же, финский язык очень богат звукоподражательными словами, и, возможно, смысл звуков наиболее понятным и близким становится в финских словах.

В венгерском переводе стихотворения «Бусь» («Mez») преимущественно сохранен звуковой фон текста, как, чаще всего, – и в переводах на русский

¹ Родионова Е.В. Интертекстуальность // Культурология. XX век: словарь / Сост., гл. ред. С.Я. Левит. – СПб., 1997. – С. 153.

² Камитова А.В. Образный мир Кузебая Герда: оригинал и переводческая интерпретация / Авт. предисл. А.В. Камитова; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2006. – С. 134–135.

язык (Камитова 2006: 128). Звучание колосьев спелой ржи автор перевода А.Бэдэ передает через ономато-поэтические слова *csingrak*, *csastkrak*, *csingir-csin* и так далее:

«Csastkrak!» – hajladoznak es
«Cskir-r» – fodrozodnak.
«Csingir-csin» – zeng a rozsvetes,
Rozs-fejek bodrozodnak.

Это, несомненно, придает венгерскому переводу оттенок новизны и оригинальности, дает возможность проникнуть в мир звуков удмуртского этноса, но для иноязычного читателя, на наш взгляд, эти звуки порой предстают малозначащими символами, – так же, как, например, не всегда понятны бывают фразеологизмы, устойчивые выражения, сравнения другого народа, другой культуры. Поэтому, возможно, далее в тексте А. Бэдэ уже оформляет крики журавлей в несколько другие звуки, нежели в оригинале: *Neha darukent szolanak*, / *Krugatnak*, «Tur-furt» *mondva*, чем приближает текст к своему читателю.

Но, следует заметить, звуки, фонологическая организация текста, сама артикуляция несут семантическую нагрузку: появляются ассоциации, подтексты. И, как следствие этого, в силу своего видения мира авторы-переводчики вводят в текст новые образы, а вместе с тем – и новые смыслы.

Так, в переводах стихотворений К.Герда на финский язык обнаруживается замена зооморфных образов-символов. Например, в стихотворении «Сяськаос» («Цветь») дети сравниваются с воробьями: *Зольгыриос – пинальёс, / сиён курса бёрдйсьёс...* В переводных текстах сборника Р.Бартенс («Kukat») появляется образ овсянки (*sirkkuset*), маленькой перелетной птички отряда воробьиных (воробей – *varpunen*) (*Lapsoset kuin sirkkuset – / muulloin kenties kerjuulla...*). Ее чириканье схоже с детским шумом, галдежом. Автор, возможно, пытался усилить образ, а может быть, если заглянуть глубже в культурологию, это связано с национальными особенностями мировосприятия.

Также и в стихотворении «Толою» («Вчера», «Eilen») вместо сяла 'рябчика' появляется *kuovin 'кроншнеп'*:

Кыдэкин кесяськызы
сялаос, туриос...
Котыр шуккиськызы
соослэн куаразы...
Kaukaa kirkunaa
kuovin ja kurkien
ja kaiku toisti
niiden huutoja.

Как известно, рябчик – это лесная птица, кроншнеп же – болотная птица. В текст сознательно или бессознательно вошли реалии окружающего автора перевода мира. Прав Г.Д. Гачев, отмечая, что «первое, очевидное, что определяет лицо народа,

– это Природа, среди которой он вырастает и совершенствует свою историю. Она – фактор постоянно действующий. Тело земли, лес (и какой), горы, пустыня, тундра, климат..., животный мир, растительность – все это предопределяет <...> и образ мира»¹, который проецируется в художественный мир писателя.

Например, и в венгерском переводе стихотворения К.Герда «Мынам кырзанъёсь» («Мои песни») Ш.Каняди («Enekeim») обнаруживается замена азвесь 'серебра' на *gyemant 'алмаз'*:

Азвесь гырлыё
Турагаедлэсь,
Зарни чыртыё
Чуж учёедлэсь...
Pacsirtak gyemant-
Csengettyi hangjat,
filemüleknek
arany danajat
mind megtanultam.

Для удмурта серебро издавна было наиболее предпочитаемым металлом. По серебряным украшениям оценивали состоятельность девушки, серебро использовали во врачевании и т.д.; сравнение с серебром было равноценно наивысшей оценке. Так и в своих стихах К.Герд в этот образ вложил понимание о самом чистом, звонком. В венгерской же культуре наибольшее распространение имеет драгоценный камень алмаз. Как и в мировой традиции, он связан с понятиями чистоты, невинности, твердости и храбрости. Этот камень, приносящий счастье и удачу, связан с плодовитостью и богатством. Контекстуально замена «серебра» «алмазом» оправдана: семантический эквивалент позволяет читателю проникнуть в затекстовый уровень, почувствовать все тончайшие движения мысли и души автора оригинального текста.

Семантический анализ «дерева» и его ассоциативного поля в оригинальных и переводных текстах К.Герда также отражает изменения в ценностной системе авторов. Каждая культура – это «символическая вселенная» (Ю.М. Лотман), элементы которой содержат в себе особый этнический смысл и посему являются символами народов. В переводческой деятельности, при взаимодействии двух культур восприятие другой культуры идет «с позиций своей культуры».² Более того, ценности, общие для всех народов в каждом национальном мире, располагаются в разном соотношении, в зависимости от чего и определяется выбор стиливых доминант переводчиком. То есть приоритеты ценностей зависят от мировоззрения и мировосприятия переводчика.

Например, в стихотворении «Гужем жыт» (кырзан) («Летний вечер», песня), где удмуртский поэт рисует гармонию деревенской природы, умиротворенность деревенского вечера, конца дня, переходное время,

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. – М., 1998. – С. 27.

² Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов ВУЗов. М. 2001. С. 15. // <http://sch-yuri.narod.ru/intermed/maslova.htm>.

наделенное запретно-табуированной коннотацией, – акшан дыр 'сумерки', поэт исключает совершенно все природные звуки, подчеркнуто выделяя при этом иву и ольху, возможно, самые бесшумные, безгласные деревья, «деревья подземного мира, мира теней»:

Гурезь улын, ярдурын,
Бадьпуос чалмытскизы.
Пересь, губрес лулпуос
Куашетэмысь дугдйзы.

В финском варианте вместо ивы появляется тополь: Нореакуу, рорпелит / hiljaa tarinoimassa, символ, важный в различении национальных мирозерцаний. Именно эти изменения, замена реалий помогают увидеть тот культурный фон, который стоит за единицей языка и позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью. Ведь переводчик чаще всего стремится сохранить образную систему автора, его стиль. Поэтические сдвиги же реализуют проблему понимания текста, культурной интерпретации.

Подобного рода поиски актуализируют проблемы лингвокультурологии, геософии. Мы же настоящим исследованием обозначили новые подходы к изучению творчества Кузубая Герда.

Литература

1. Lépcsőfokok / Domokos P. – Numi-Tórem, Finnugor Alapítvány. Magyar Napló. – Budapest, 2004. – 160 с.
2. Suuren Guslin kaiku: Udmurttilaista taidelyriikkaa / Valikoinut ja suomentanut R. Bartens; Castrenianumin laitokset; Suomalais-ugrilainen seura. Vammala, 1995. – 150 s.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Изд-ий центр «Академия», 1998. – 432 с.
4. Камитова А.В. Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация / Авт. предисл. А.В. Камитова; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2006. – 192 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов ВУЗ-ов. – М.: Изд-ий центр «Академия», 2001. – 208 с. // <http://sch-yuri.narod.ru/intermed/maslova.htm>.
6. Родионова Е.В. Интертекстуальность // Культурология. XX век: словарь / Сост., гл. ред. С.Я. Левит. – СПб: Университетская книга, 1997. – С. 153–154.

Анна Зуева-Измайлова

ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ В УДМУРТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИРИКЕ

В современной удмуртской поэзии видное место занимает женская лирика. Л.Кутянова, Т.Чернова, А.Кузнецова, Г.Романова своими наиболее зрелыми произведениями внесли ценный вклад в культурную сокровищницу Удмуртии. Женщин-поэтов становится больше, появляются новые имена: М.Гаврилова-Решитько, З.Трухина, Л.Тихонова, Л.Нянькина, др.

Обширен и критический материал. Специфику удмуртской женской лирики раскрывают статьи исследователей удмуртской литературы: З.Богомоловой, Р.Яшиной, А.Зуевой, М.Ванюшева, А.Ермолаева, А.Шкляева, Л.Айтугановой и др.

Хотя существует высказывание «Она не поэтесса, а поэт» (П.Антокольский), литературная критика отмечает «узнаваемость» женской лирики, ее особенный характер. Тема женского творчества всегда интересовала общественную мысль. В книге С.Банникова «Русские поэтессы XIX века» содержатся сведения о том, что о женской поэзии писали М.Ломоносов, И.Киреевский, Т.Вяземский и многие другие. Читатели прошлого века, так же как, впрочем, и мы, искали в произведениях поэтесс раскрытия особенностей женского восприятия жизни, «лирику женского сердца».

Тему женского творчества мы попытаемся рассмотреть, опираясь на ряд литературно-критических статей. Рецензия В.Г. Белинского на стихотворения Е.Ростопчиной позволяет осмыслить состояние женской лирики и отношение к ней в XIX веке. О феномене женского творчества писали П.Флоренский

(статья «Имена») и Ю.Суровцев («Мир души человеческой»), которые сравнивали мужскую и женскую поэзию и находили корни этого различия в самой сущности полов и широте духовного пространства женского мира.

В работах женщин-критиков ощутим феминистический настрой. Женщины в жизни и творчестве пытаются расшатать «патриархальную» доминирующую парадигму мышления. Хотя еще В.Г. Белинский писал, что, «вступая в сферы, присвоенные себе силою мужчины, женщина должна иметь и мужские силы при женской грации». В статьях женщин наблюдается попытка рассмотрения творчества с точки зрения гендерного анализа.

Возникновение гендерных исследований как особой области было «спровоцировано» новым женским движением в Европе в конце 60-х, под влиянием которого авторы видели главную задачу в пересмотре патриархальных моделей во всех сферах, в том числе – и в литературоведении. Одним из центральных стал вопрос о том, что такое женская литература, существуют ли понятия «женская эстетика», «женский язык», «женский способ письма». Ключевую роль при обсуждении этих проблем играли философские концепции французских структуралистов и постструктуралистов (Р.Барта, Ж.Деррида, Ю.Кристевова и др.) и психоаналитические теории (прежде всего – Ж.Лакана). Среди многочисленных работ, изданных за последние десять лет за рубежом, особый интерес представляют монографии Б.Хельд и Дж.Эндрю. Их

цель – исследовать модели женственности в патриархальном дискурсе, показать механизм уничтожения, умаления, подчинения письмом, которое превращает женщину из субъекта в объект описания в проекции мужских желаний и страхов. На этом фоне авторы рассматривают женскую литературу.

Гендерные исследования проводятся и в России, хотя у нас они появились позднее. Особенности современного женского творчества рассматриваются в статьях С.Кайдаш «О женской культуре», Н.Габриэлян «Ева – это жизнь», «Фантомные пространства требуют человеческих жертв» и др.

«Женщина заперта в самой себе, в своей женской и женственной среде, и не может быть великим поэтом», – писал В.Г. Белинский. Но вместе с тем отмечал: «Женщина лучше, нежели мужчина, может изобразить женские характеры, и ее женское зрение всегда подметит и схватит такие невидимые оттенки в характере или положении женщины, которые всего ярче выражают то и другое и которых мужчина никогда не подметит».

В стихах женщин, как отмечает Ю.Суровцев, – «своя, непохожая на мужскую, сила и своя, непохожая на мужскую, слабость». Эту слабость автор называет «женственностью». Она и определяет типично женскую проблематику – «желание повитать в облаках, романтическую жажду неба», так как проза жизни сера, а иногда и страшна. Именно те жизненные условия, в которых оказывается женщина, заставляют ее обрести бесстрашный, сильный характер. «Я не привыкла, чтоб меня жалели», – писала Ю.Друнина, которая прошла Великую Отечественную войну в солдатской шинели.

Придает силу характера женским героиням и типичная женская тема – материнство. «Пафос материнской защиты живого, сущего», – для этого и нужно самоутверждение, сила характера. Философ и ученый П.Флоренский, дифференцируя «мужскую истину» и «женскую правду», писал: «Главная правда – в любви и самопожертвовании» для женщины. Многие критики отмечают, что в женском творчестве почти нет гражданской темы. Ведущая тема – тема любви и материнства.

Человечество издревле ощущало космический характер дифференциации полов. Во всех религиях мира от древних языческих до современных мировых и в явном, и в эзотерическом виде проходит мысль о взаимодействии, взаимопроникновении и взаимообогащении двух мировых начал – мужского и женского. Для женщины любовь – это та область, в которой проявляется ее сущность, ее интуитивная, эмоциональная природа. Женщина смотрит на мир через призму любовных отношений. Субъект сознания в произведениях женщин – это всегда носитель преломленного любовными отношениями сознания.

Любовь – это древнее чувство. И нового не придумано с тех пор ни в определении, ни в поэтических средствах передачи. Задолго до Сафо на берегах Нила во времена древнейшего из древних челове-

ских обществ было пропето:

Забота у сердца одна:

Чтоб милый меня возлюбил.

Этот голос проник через толщу веков, он слышен и в наши дни:

Наша жизнь –

Это крик единственный

От рождения и до упокоения,

Крик отчаяния и мольбы:

«Полюби меня!

Полюби!»

Л.Кутянова

Любовная лирика сущностна, экзистенциальна, она захватывает глубокие чувства и эмоции женщины. «Вечная» тема любви касается коренных аспектов бытия, вплотную подходит к решению смысла жизни, ценностных ориентаций личности. Часто для субъекта сознания в любовной лирике женщин любовь осмысливается на уровне понятий жизни и смерти:

Любви мы платим нашей кровью,

Но верная душа верна,

И любим мы одной любовью...

Любовь одна, как смерть одна.

З. Гиппиус

Как правило, поэтессы обращаются к изображению несчастной любви, благодаря чему верно и тонко передаются внутренний мир человека и психологическое состояние смятенной и страждущей души. Неразделенная любовь в женской поэзии существует как древний постулат, который воспринимается как неизбежность, требующая жертв.

Не мать, а мачеха – Любовь:

Не ждите ни суда, ни милости.

М. Цветаева

«Трагизм любви обусловлен, с одной стороны, непредсказуемо своенравной природой любви, а, с другой стороны, – ее социальной зависимостью», – отмечает Г.Л. Стрельцова в статье «Судьба в любви сегодня».

Любовь с древнейших времен интересовала философскую и общественную мысль. Диалог Платона «Пир» положил начало систематическому философскому анализу любви в европейской философии. Эта тема рассматривалась крупнейшими учеными и мыслителями: Ж.-П. Сартром, А.Шопенгауэром, З.Фрейдом, Ч.Ломброзо и др. В русской философии этой проблемой занимались В.Соловьев, В.Розанов, Н.Бердяев и др. Современными исследованиями любовь объясняется уже и на биохимическом уровне.

Формы передачи любовных ощущений поэтами-женщинами отличаются от мужских. «Мужская душа рациональнее и суше», – пишет Ю.Суровцев и приводит пример патриархального понимания любви в творчестве Б.Пастернака:

О, если бы я только мог

Хотя отчасти,

Я написал бы восемь строк

О свойствах страсти.

В этих строках субъект сознания выступает носителем маскулинного типа мышления. Характеризуя

так называемую «патриархальную» парадигму мышления, многие исследователи подчеркивают, что ей свойственны «жесткая дихотомичность и иерархизм»: это восприятие мира как некой структуры, элементы которой жестко дифференцированы, более того, – полярны по отношению друг к другу (объект-субъект, верх-низ и т.д.). «Женское» отождествляется с материей, хаосом, природой, пафосом, культурой, силой. Хотя носителем «патриархального» сознания может выступать и женщина. Гендерные исследования не позволяют жестко проводить границу между «естественным» и «социальным». Почти все литературоведы отмечают, что женщины о любви пишут «по-женски»: эмоциональнее, тоньше, раскрывая больше нюансов. В стихах женщин прослеживаются «женская логика» и интуиция. Именно в любовной лирике с необычайной яркостью проявляется эмоционально-бессознательная сущность женской природы.

В психоаналитике женское начало наделено такими качествами как «смутные чувства и настроения, пророческие озарения, восприимчивость к иррациональному и... способность контакта с подсознанием». Возможно, бессознательно-эмоциональная сущность женского начала определяет ведущую особенность женской любовной лирики – заклинательность.

«Мотив ворожбы и гадания», популярный у наших поэтов, со времен Ахматовой и Цветаевой присутствует в женской лирике. Пожалуй, о нем стоит говорить как об особой жанровой разновидности. Она не фольклорна по существу, но часто использует символику, эмблематику, ритмику фольклорного лиризма.

Заклинательность в поэзии позволяет идентифицировать архаический пласт художественного мышления. Это особое, бессознательно-художественное, мифопоэтическое мышление, которое обнаруживается в современной поэзии именно через ее заклинательность посредством специфических категорий. Необходимо их перечислить:

1) мифопоэтическое мышление не выделяет человека из окружающей среды; анимистическое мироощущение и антропоморфизация природы создают параллелизм, который является основным моментом архаической поэзии (проблема параллелизма в этих заговорах рассматривается в трудах А.Н. Веселовского);

2) чертой архаического стиля и мощнейшим средством структурирования архаических произведений является повторяемость (иногда дословная, а иногда – только структуры);

3) важнейшей категорией мифического вымысла выступает мифологическое время; это эпоха творения первопредметов, создаваемых первопредками, демиургами, культурными героями;

4) в современной литературе поэтический вымысел продолжают питать мифологические модели, прежде всего – мифологемы инициации, борьбы с си-

лами Хаоса и др.;

5) характерно оживление особых мифологических архетипов.

Данные критерии ярко проявляются в женской любовной лирике. Любовь как древнейшее чувство, как генетически заложенная необходимость способна пробуждать в человеке древнейший пласт мифологического мышления.

Ведущая особенность женской любовной лирики – заклинательность – присуща и удмуртской поэзии. Большое влияние оказал жанр молитвы (куриськон) на творчество Людмилы Кутяновой, хотя другие жанры заклинательной лирики почти не проявляют себя. Это можно объяснить складом характера лирической героини и моделью описываемой любви. Лирическая героиня Л.Кутяновой – внешне робкая, но закаленная драматизмом жизни, жертвенная и нравственно стойкая женщина. Для нее подходит термин «лунная сиротка». Если вспомнить предание, несчастная девушка-сирота, измученная горестями жизни, обращается с просьбой о помощи к луне. Услышав ее обращение, луна помогает ей, забирает к себе. Подобную ситуацию можно ощутить, прочувствовать в любовной лирике Л.Кутяновой. «Сиротство» характерно для ее лирики. (Не стоит путать сиротство с одиночеством. Для одиночества характерна модель «я одинок, т. к. ущербен, несовершенен», тогда как для сиротства применима психологическая модель «я одинок, я страдаю, т.к. ущербен мир, и все губит стечение обстоятельств»). Лирическая героиня Л.Кутяновой чувствует несовершенство мира, жесткий характер любви и ищет понимания, сочувствия в окружающем мире. Учитывая нравственные устои лирической героини, ее праведность, следовало бы ожидать, что она обратится к светлым силам: к богу, небу, небесным силам с просьбой о помощи.

Природа, ее стихии обожествляются лирической героиней. Она верит в их силу, в их способность оказать психологическую помощь. Вторая часть ее стихотворения «Синмаськон» («Влюбленность») является молитвой:

Му Кылчин и верховный Бог,
Перенесли бы вы меня
На берега реки-счастья.
Влажные щеки
Обратила бы навстречу ветру,
Свою лебедь-сестру по реке бы отправила,
А потом все ждала бы. Ждала бы, ждала...*

В этой молитве лирическая героиня обращается к верхнему пантеону языческих богов. В ее просьбе улавливается мотив мифологемы счастливого места (Шудбуро шур дуре / Берега счастливой реки). Архетип берега типичен для удмуртской мифологии. Чаще он символизирует границу, пограничное состояние, неопределенное, неизведанное место. Желая изменить свое печальное положение, героиня просит

* Здесь и далее подстрочный перевод А.С. Зуевой-Измайловой.

перемещения на еще не тронутые тоской и горем места воображаемой счастливой реки. Берег, река одновременно являются архетипами границы, за которой начинается другой мир. В качестве посредника между двумя мирами выступает образ сестры-лебедя. Архетип белой птицы известен в мифологии как образ посредника, посла из другого мира.

Языческая молитва в удмуртской женской лирике трансформируется. Она индивидуализируется по целям и абстрагируется по смыслу, сохраняя при этом структуру магического текста. Если в молитвах древнего жреца, прежде всего, слышалась просьба о материальных благах для всего рода, то в любовной женской лирике субъект сознания нуждается в психологической помощи. Лирический герой в своих просьбах в основном перечисляет абстрактные понятия: любовь, счастье, понимание и т.п., молитва в женской любовной лирике носит глубоко личный, психологический характер:

Хранитель мой, помоги мне,
Во мне что-то сломалось...
На сердце след грязного сапога.

Заклинательный характер лирики поэтессы Аллы Кузнецовой проявляется в мотивах перевоплощения. Ее главный образ – женщина-оборотень, выраженный зооморфным символом. В известном философском стихотворении «Кобла мон» («Я кобыла») суть женщины, ее противоречивый характер полностью выражается зооморфными архетипами. Зооморфный архетип выступает в разных ипостасях в зависимости от предмета изображения. Образ лошади используется Кузнецовой в начале произведения, в котором субъект сознания хочет выразить свой социальный статус. В строках, где выражено понимание женщиной предназначения любви, употреблен образ овцы:

Овца я –
Баранами окружена...

Использование пары зооморфного символа быжыр // такаос (овца // бараны), который выражает отношения между полами, говорит о том, что субъектом сознания любовь осмысливается как проявление инстинкта (овца – олицетворение безвольного подчинения). Зооморфный архетип проявляет себя и в восприятии лирической героиней образа возлюбленного:

Приручу, как теленочка, любый,
Вечерами меня будешь ждать,
Стокскавшись, шершавые губы
До зари будешь мне целовать.

Зооморфность архетипа является вернейшим способом изображения любви-инстинкта, которая с особой силой воспевается в лирике А.Кузнецовой. Ее лирическая героиня – земная, страстная женщина. Ее образ близок архетипу древней всесущностной прародительницы. Любовь в ее творчестве получает интерпретацию всесущностного, рождающего (т.е. мифологического) начала. А.Кузнецова читателям и критикам известна как певица страстной любви. Ее поэтическому стилю свойственна торжественно-риторическая речь, метафоричность языческого мышления. В образной системе ее лирики как бы

оживают древнейшие архетипы Матери-Земли, Женщины-Любви, Огня и т.д.

Любовь-страсть заставляет лирическую героиню обратиться к любовной магии, и здесь обязательно присутствие любимого человека. Именно «грешная и святая, возвышенная и земная» женщина А.Кузнецовой, противоречивая как мир и как сама любовь, осознает значимость любви для человека. В любовной лирике поэтессы выражается весь спектр эмоциональных переживаний влюбленной женщины. Любовь заставляет ее уступать и ненавидеть, жертвовать и идти на преступление. Поэтому в лирике А.Кузнецовой мы находим все виды жанров заклинательной поэзии: обращения-призывы, заклички, благопожелания, проклятья, языческие молитвы, присушки, отсушки. Лирическая героиня благодарит возлюбленного, используя магию благопожелательного слова:

Спасибо тебе, свет мой – любимый,
За ночь, проведенную с тобой.
Давно уже песня моя зазвучала...
Спасибо тебе, – ты понял, ты остался со мной.

Но любовь не всегда приносит радость, порой она мучает и губит человека. В подобных случаях в народе обращались к отсушкам. В отсушках А.Кузнецовой любовь осмысливается как страшная роковая сила, данная свыше:

Вспылившая из-под ног,
Вылезшая из болота,
Изводящая душу нечисть,
Выходи из меня:
Не мучай, не слепи, не своди с ума.
Как гашеный водой
Угасающий костер,
Не дыми, черный уголь, –
Ненужная любовь.
Страшный рок, пульсирующий кровью,
Уходи! Уходи! Исчезни! По ветру развейся!
Больше в моем сердце никогда не гнездись.

Отсушки в фольклоре определяются как слова изгнания ненужной любви. Магическая сила отсушек заключается в зловещих сравнениях, сопоставлениях; особую силу придает повтор, как обычно, закрепительной (заключительной) части.

В творчестве А.Кузнецовой часто можно встретить открытый магический текст в его фольклорном варианте. Широкому кругу читателей она известна как автор молитв-куриськонов. Но, в отличие от А.Кутяновой, А.Кузнецова создает молитвы-куриськоны на социальные, гражданские и материнские темы. В любовной же лирике она является автором непревзойденных по своей красоте и силе языческих заговоров:

Я разлучу тебя с женой
И у сына украду тебя.
Как Богу я тебе молиться стану,
Буду на руках тебя носить.
Для тебя сошью я платье-радугу,
Испеку тебе блинов перед пробуждением,
И водою родниковой
Я по жилам твоим в сердце заберусь.

Эмоционально насыщенные, мистически настроенные любовные заговоры А.Кузнецовой близки к заклинательности русской женской классики:

Развела тебе в стакане
Горстку жженных волос,
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилося, не спалось.
Чтобы младость не в радость,
Чтобы сахар – не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

М. Цветаева

Влияние заклинательных жанров (проклятье и отсушка) можно проиллюстрировать и на примере любовной лирики Татьяны Черновой. Заклинательность ее лирики имеет свои отличия. Т.Чернова в любовных стихотворениях вскрывает архаический пласт любовных чувств и эмоций. Для ее лирической системы характерен особый эмоциональный тон, в котором преобладает пафос мистического страха. «Страх – это определение грядущего духа, и в качестве такового он принадлежит сфере психологии», – определяет Кьеркегор.

Страх-дух, мистический ужас выражается в любовных произведениях Т.Черновой преобладанием древних архетипов, относящихся к темным, потусторонним силам. Это архетипы огня, ветра, чужого недоброго человека, зверя, оборотня и т.п. В ее стихах ощущается присутствие некоего зловещего существа, которое представляет опасность для субъекта сознания. В любовной лирике соперница часто изображается в виде мистического образа:

Нас разлучила черная женщина.
Как черная туча, она ходила одна.
Тебя украла русалка у меня, она – вумурт.

Сакральное и профанное пространство в ее произведениях наполняется зловещими угрожающими силами, от которых лирическая героиня стремится защититься. Даже в молитвах-куриськонах Т.Черновой звучит просьба о магических оберегающих силах:

Господи, дай мне,
Чтобы уберечься–защититься,
Хотя не острую – иглу.

Импульсивная и романтическая, смелая и решительная лирическая героиня Т.Черновой стремится к действию, к борьбе со зловещим окружением. В этой борьбе лирическая героиня сама начинает преобразаться в существо мистического мира. Часто она предстает в образе мифического существа с магическими атрибутами:

Я смогу, еще смогу,
Нечисть за бока возьму,
Взявши в руки я метлу.
Кто подобен был врагу,
Замелькался кто в глаза,
Я смету, их всех смету.

Символ женщины-оборотня у Т.Черновой – атмосферный символ, т.е. принадлежащий воздушной среде, летающий, передвигающийся по небу. В большинстве любовных произведений лирическая героиня предстает в образе летящего огня, кометы,

которая обладает взрывоопасной силой:

Я – готовый к взрыву огонь.
Я исчезающее, летающе-светящееся,
Заставляющее заблудиться в полночь.

Лирическая героиня Т.Черновой уподобляется мистической колдунье, умеющей защищаться магией (по представлениям народа, колдуны превращаются в огонь, летящий шар).

Своеобразна и структура произведений Т.Черновой. Ее стих лаконичен, резок, экспрессивен. Часто используется повтор, который характерен для магических текстов.

Среди жанров заклинательной лирики Т.Чернова наиболее часто и ярко использует жанры заклинаний-отсушек, оберегов и проклятий. Эти жанры соответствуют желанию субъекта сознания оберегаться, защищаться. Отсушки Т.Черновой проникнуты архаическими образами и мистическим смыслом. Если цель присушки – приворожить, то цель отсушки заключается в обратном:

Чужой мужчина – уйди!
Не смотри – глаза зеленые.
Чужой мужчина, нет,
Даже не голыми руками меня не возьмешь.
Я – готовый к взрыву огонь.
Уходи с моего пути! Стой!

Это стихотворение можно назвать отсушкой, и сила его – сила устрашающая. Повелительное наклонение усиливает мощь устрашающей функции символов. В первой части преобладают интонации повеления, дается описание изгоняемого объекта. Объект представляет мистическую опасность для лирической героини. Об этом свидетельствует цветовая символика глаз. Зеленые глаза в представлениях народа символизируют неведомую, а, значит, опасную силу. В природе чаще встречаются обладатели карих и голубых глаз, а зеленые являются редкостью и поэтому наделяются исключительными способностями: чаще вредоносными, так как исключительность – это неопределенность, а, значит, – вредоносность. Лирическая героиня старается оберечься чертой (гож), символизирующей оберегающую грань, порог, который переступать опасно.

Образ лирической героини тоже включает в себя магический заряд. Она уподобляется существу, которое обладает колдовской силой. Следовательно, мы имеем дело с так называемой «черной магией».

Напротив, лирическая героиня Галины Романовой в любовной лирике выступает робкой, чувственной и незащищенной, боится всего мистического:

В темное окно
В эту тихую ночь
Кто-то в глаза
Мне, кажется, смотрит.

Но именно в этом мистическом образе приходит к ней любовь.

Кто ты? Человек или пери,
Может, ты Бог –
Оберегаешь меня от несчастных дней,
Прячешь от недобрых, злых глаз?
Или ты злой дух –

Топишь меня в темном глубоком море,
Поднимаешь ввысь, в голубое небо?

Любовь меняет характер лирической героини Г.Романовой. Из робкой, незащищенной женщины она превращается в одержимую. Хотя у Г.Романовой преобладает понимание любви как мистического чувства, в ее любовной лирике зловещий тон не приобретает такой силы, как у Т.Черновой. Героиня Г.Романовой как бы самим присутствием в жизни любимого человека хочет внушить ему свою любовь:

Если б кудрявым облачком была,
Я бы плавала в голубом поднебесье
И над домом милого
Теплым дождичком пролилась.

Надо отметить, что в образе женщины-оборотня Г.Романовой проявляется архетип экологического символа. Чаще всего это растительный или орнитоморфный символ (родник, черемуха, птица).

Лирическая героиня Г.Романовой запоминается в образе ведуньи, стремящейся к гармонии, противопоставляющей хаосу, мистически опасным силам светлые силы природы. В молитвах-закличках Г.Романовой ощутим пафос стремления к гармонии:

Не мешай мне, осень,
Думать о любимом,
Не стучи в оконце веткой золотой.

Куриськон Романовой – это не крик-просьба о помощи, а, скорее, просьба о ненарушении внутренней гармонии, в которой пребывает субъект сознания стихотворения. О светлой силе магии Г.Романовой свидетельствует использование жанра благопожеланий:

Обиды и печали
Пусть останутся в прошлом.
Как капли воды,
Объединившись вместе,
Широким руслом
Пусть расстелется наше счастье.
Ну, обними меня сильней,
Сильней!

В целом любовная магия Г.Романовой – это светлая, добрая сила. Хотя для субъекта сознания любовь часто ассоциируется с мистическими образами, лирическая героиня предстает в образах природы, которая своим присутствием завораживает.

Женская поэзия всегда узнаваема. Для нее характерно наличие сугубо женских тем: любви, материнства, романтического стремления ввысь, а также особая форма передачи внутренних переживаний. Женская психология, преобладание в ней эмоцио-

нального, бессознательного позволяет ярче, тоньше выражать чувства и переживания. Это и определяет главную особенность удмуртской женской лирики – ее заклинательность. Любовная женская лирика генетически и онтологически близка к народной заклинательной поэзии.

Анализ образцов женской поэзии показывает, что любовно-заклинательная поэзия являлась составляющей женской любовной лирики на всем протяжении исторического развития данного вида литературы. Уникальные по своей заклинательной природе произведения создавали родоначальница удмуртской женской лирики Ашальчи Оки и поэтессы 70-90-х гг. (А.Кузнецова, Л.Кутянова, Т.Чернова, Г.Романова и др.). В последнее время она получает наибольшее развитие, отражая свои языческие корни и мифологическую сущность в индивидуальном поэтическом слове Л.Тихоновой, Л.Нянькиной, Л.Бадретдиновой, З.Трухиной, О.Ведровой, З.Рябининой.

Сравнительный анализ текстов заклинательной поэзии, фольклора и любовной лирики современных удмуртских поэтесс позволяет обнаружить в них черты сходства и некоторого различия. Сходство на уровне структуры и ритма проявляется: а) существованием трехчастной формы стихотворного произведения заговорного типа с вводной, основной и заключительной частями; б) частым употреблением повторов для усиления ритма и эмоционального заряда; в) использованием сравнений и метафор языческого характера, преимуществом метода художественного параллелизма.

Сходство на уровне системы образов и мотивов выявляется: а) частым повтором древних архетипов (Великой Матери, Земли, Воды и т. п.); б) наличием образа посредника, медиатора, вступающего в контакт с потусторонним миром (чаще с женщиной-оборотнем и птицей); в) использованием мифологических мотивов (перевоплощения, борьбы с Хаосом и др.).

Наблюдения показывают, что в современной женской любовной лирике наиболее популярны такие жанры заклинательной поэзии, как присушка (любовный заговор), заговор, молитва-куриськон, проклятие. Причем заговоры и проклятия в современной лирике чаще соответствуют форме магических текстов фольклора, а молитвы встречаются в несколько трансформированном виде. Они индивидуализируются по целям и абстрагируются по смыслу, сохраняя первоначальность магического текста.

ВДОХНОВЕННАЯ ПЕСНЯ ЖИЗНИ

В каждом слове, в каждой строчке
даже самой темной ночью
все равно сияет свет.

В.Ившин

Имя народного писателя Генриха Ксенофонтовича Перевощикова стоит рядом с именами классиков удмуртской прозы: Г.Медведевым, М.Петровым, Т.Архиповым, Г.Красильниковым. Широко известны его роман-тетралогия «Йыбыртты музейемль» («Поклонись земле», 1977–1986), диалогия «Йовалег» («Гололед», 1989), состоящая из двух завершенных частей («Летний снег» и «Гололед»),¹ роман «Тоды куака» («Белая ворона», 1994), рассказы, повести, очерки.

Как известно, роман представляет собой развернутое во времени и пространстве произведение, в центре которого – эпическое повествование о судьбе одного или нескольких персонажей в процессе их развития и в связи с другими героями.² Роман, являясь вершиной литературы, определяет зрелый этап развития писателя. Исходя из идейно-художественной структуры «Гололеда» Г.Перевощикова, каждую его часть можно с полным основанием назвать романом, а в целом – романом-диалогией, так как части самостоятельно значимы и вместе с тем неотделимы одна от другой, сплетены тематическим единством и единством героев, объединены фабульно и сюжетно.³

«Гололед» является, на наш взгляд, этапным произведением не только в творчестве писателя, но и в удмуртской литературе. Г.Перевощиков одним из первых национальных литераторов обратился к показу новой стороны духовной жизни общества 80-х – начала 90-х годов, изобразив интеллектуальную среду: писателей, журналистов, деятелей народного образования. Роман Г.Перевощикова⁴ – произведе-

ние о добре, милосердии и покаянии, об ответственности перед обществом и человеколюбии. Носитель этой идеи – главный герой «Гололеда» Роман Петрович Овчинников. Еще до перестройки 80-х он предложил каждому заглянуть в самого себя и начать «самолечение», пробудив совесть и отринув равнодушие и эгоизм, что чрезвычайно актуально и в наши дни. Герой романа воспринимается сегодня как идеал: почти утраченный в современной литературе и тем более необходимый.

Обратимся к первой книге «Летний снег», в самом названии которой кроется аномалия, нарушение законов природы. В романе раскрывается искажение человеческой сути – равнодушие, осуждение, гневное обличение вместо понимания и действенной помощи. Образ главной героини Рины – один из наиболее сложных в психологическом отношении. Роман Овчинников сравнивает ее с ослепляюще меняющимся цветком своей жизни. Заметим, что сравнение женщины с цветком характерно для удмуртских писателей (М.Петров, С.Широбоков, Ф.Васильев, В.Семакин и др.). В повествовании цветок становится и метафорой души человека: «От бездушных поучений он замыкается в своей скорлупе. Наверное, многим приходилось видеть белую лилию. Перед ненастьем или похолоданием, перед наступлением ночной темноты она наглухо захлопывает свои лепестки. Но стоит солнышку коснуться ее ласковыми лучами, она вновь доверчиво открывается. Так же и озябший душой человек...».⁵

¹ В 1991 году вышел русский вариант романа в переводе В.И. Емельянова.

² Основы литературоведения: Учебное пособие для филологических факультетов пед. ун-ов / Под общ. ред. В.П. Мещерякова. – М.: Московский Лицей, 2000. – С. 47.

³ Богомолова З.А. Голоса эпохи. Любовь к родному пепелищу. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 325.

⁴ Народный писатель УР, лауреат премии комсомола, лауреат Государственной премии УАССР Удмуртии Генрих Ксенофонтович Перевощиков родился 14 сентября 1937 г. в деревне Верх-Нязь Игринского района Удмуртской АССР. После окончания в 1960 г. историко-филологического факультета Удмуртского госпединститута работал радиожурналистом, с 1976 г. – литературный консультант Союза писателей Удмуртии. В 1979 г. – председатель Правления Союза писателей УАССР, в настоящее время писатель-профессионал. Член Союза писателей СССР с 1977 г. Начал писать во второй половине 50-х. Первый сборник рассказов для детей «Тоды гырль» («Белый колокольчик») вышел в 1960 г. В 1970 г. увидели свет повесть «Омырын – Меркушев» («В небе Меркушев», в соавторстве с Ю. Кедровым) и сборник очерков и повестей «Кыдазы егитъёс» («Мужала молодежи») о подвигах наших земляков в годы Великой Отечественной войны. Эта тема была в центре внимания и в сборнике очерков «Куатетиез сальтол» («В грохоте бури»). Большую популярность среди удмуртских читателей приобрел первый удмуртский роман-тетралогия «Йыбыртты музейемль» («Поклонись земле»), первая часть которой вышла в 1977 г., вторая – «Югдонь зард» («Рассвет в «Югдоне») – в 1980 г., третья – «Тулкымлы пумит» («Наперекор волне») – в 1981 г., четвертая – «Нуназе азын» («В полдень») – в 1986 г. Роман отмечен премией колхоза имени В.И. Ленина Селгинского района и Государственной премией УАССР. – Писатели Удмуртии: Библиографический справочник / Сост. А.Н. Уваров. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 306-307.

⁵ Здесь и далее цитирую роман Г.К. Перевощикова «Гололед»: – Роман-диалогия / Пер. с удм. В.Емельянова. – Ижевск: Удмуртия, 1991.

Следует отметить использование писателем разнообразных повествовательных форм: не собственно прямой речи, а также внутреннего и прямого монолога. В данном фрагменте речь идет о монологе Овчинникова на читательской конференции, которую вспоминает заместитель главного редактора журнала «Камские огни» Бушмакин, присутствуя на заседании правления. «Речь и мысли автора в романе Г.Перевощикова, – писала З.А. Богомоллова, – как бы незаметно для читателя переходят в речь и мысли героя, сливаются с нею, или же речь героя переливается в авторское повествование. Это наиболее трудная форма создания стилизованных потоков прозы...».¹

Можно предположить, что в первой части романа «Летний снег» закрытые лепестки лилии являются синонимом страдающей души Рины. Если вначале обрисовка героини, мотивировка ее поступков и действий кажутся несколько нечеткими, то впоследствии, анализируя образ Рины и трагическую ситуацию, в которой она оказалась, автор психологически точно объясняет, что беды ее – не только от эгоизма очень красивой женщины, от ее легкомыслия и ошибок, совершенных в юности, но и от невнимания окружающих. От равнодушия и предательства человек, испытавший это на себе, впоследствии от малейшего невнимания со стороны близких может впасть в подавленное состояние, потерять веру в себя и совершить поступки, которые выходят за рамки понимания. Героиня проходит этапы становления зрелости мучительно, потому что сосредоточена на себе, избалована мужским вниманием, не увлечена творческим делом. Но во второй части диалогии Рина обретает себя, семью, любимого человека и в неустанной работе над собой ощущает себя нужной в обществе, учится отдавать, а не брать. Образ женщины получился в романе многогранным, психологически интересным, не шаблонным.

В первой части диалогии «Летний снег» привлекает внимание многозначный образ черемухи, воспеваемый многими писателями и художниками Удмуртии: С.Широбоковым, Н.Байтеряковым, Ф.Васильевым, В.Шибановым, П.Елкиным, А.Ложкиным и др. В романе Г.Перевощикова «высокая, раскидистая черемуха» – живое существо, страдающее и испытывающее боль подобно человеку. Роман Овчинников вспоминает детство и эпизод, когда оставленная без присмотра лошадь с плугом повредила лемехом черемуху, росшую под окном его родного дома. Приведем фрагмент повествования, наполненный печальной, скорбной музыкой: «... у дома сквозь шелест листьев

услышал какой-то странный звук. Нагнулся к черемухе – вроде от нее идет этот звук. Будто всхлипывает кто-то. Посмотрел за комель – никого. Тогда он прижался ухом к стволу и понял: это – из нее, из черемухи. «Да она же от боли, от раны так плачет!» – догадался Роман. Долго стоял он, обняв черемуху, и тихие, жалобные стоны пронизывали все его тело».

Воспоминания Романа о раненой черемухе словно песня завершают девятую главу, обобщая, углубляя, подытоживая думы главного героя о страданиях и запоздалом прозрении жены погибшего Загребина Юлии Кирилловны и о директоре школы Алевтине Никитичне, не сумевшей предотвратить беду, постигшую учителя. Лейтмотив романа-диалогии «Гололед» – осознание главным героем своей вины и ответственности за все, что происходит с близкими и чужими ему людьми. «Давно сторела черемуха... Но когда слышит он человеческий стон, всегда вспоминает о том, как скрипела она, особенно по ночам, в непогоду, беря его сердце и выжимая из его глаз неудержимые слезы неизбывной вины. И в скрипе любого дерева чудится ему человеческий плач, напоминая о единстве и вечности, о разлуке и кратковременности всего живого...».

Завершается первая часть романа «Гололед» внутренним монологом² Овчинникова, в котором его воспоминания о черемухе детства перекликаются с мыслями о жене и дочери погибшего Загребина. Здесь вновь перекликаются мотивы страдающего, подрубленного дерева и незаживающей сердечной раны человека (Юлии Кирилловны).

Как и в крупном музыкальном произведении – симфонической поэме, фантазии – наряду с драматическими, трагедийно звучащими темами слышатся и безмятежные, лирические мелодии: «... в березняке за рекой раздается тихое пощелкивание, щелчок, другой – все слышнее, все звонче. И вдруг – такое колесо выдает внезапно запевший соловей, что мрачные мысли отступают, и душа трепетно внимает вечной песни жизни и любви. Жизнь! Пусть никогда не гаснет теплый, окрыляющий, бесценный огонь твой! Слушайте, люди, вдохновенную песню жизни!».

Повествовательную ткань диалогии «Гололед» нередко можно соотнести с полифоническим произведением, например, трехголосной фугой.³ Рассмотрим небольшой фрагмент одиннадцатой главы. Овчинников едет на автобусе в деревню Бадьяровыр, и воображение рисует ему картины родной природы. Далее он вспоминает телефонный разговор с дочерью Верочкой, затем упрекает себя за то, что долго

¹Богомоллова З.А. Голоса эпохи: Статьи, воспоминания, эссе, очерки, письма. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 327.

²«Одним из приемов в раскрытии образа мыслей, чувств, а также выражения общественной позиции человека, его отношения к людям, к жизни является внутренний монолог». – Богомоллова З.А. «Любовь к родному пепелищу». Голоса эпохи. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 327.

³Фуга (от лат. fuga – бег, бегство) – форма полифонических произведений, основанная на имитационном проведении одной, реже двух и более тем во всех голосах по определенному тонально-гармоническому плану. Фуга – высшая форма полифонии. Тема фуги – обычно выразительная, запоминающаяся, краткая мелодия. ЭМС. Авторы-сост. Б.С. Штейнпресс и И.М. Ямпольский. Сов. энциклопедия. – М., 1966. – С. 548.

откладывал поездку, радуется отпуску и омрачается, вспоминая объяснение с Сергеем Бушмакиным. Можно представить голосами полифонического произведения, звучащими одновременно, дорогу, по которой едет автобус... («попетляв по душным улицам города, вырвался наконец <...> в сосновый бор»); природу, рожденную воображением Овчинникова («...казалось, уже ощущал дыхание родных ветров, гуляющих по давно знакомым полям, его скучающее сердце жадно впитывало терпкий запах зреющих хлебов, омывалось медвяным настоем луговых цветов...»), и телефонный монолог дочери Верочки («... а в ушах звенел, щебетал голосок его «Черной шубочки»). В этом фрагменте главы показаны различные эмоции, перепады настроений Романа Петровича, передано многообразие его мыслей и чувств подобно тому, как в музыкальном произведении усиливается или ослабевает сила звука, меняются тональности, варьируются мелодии. Здесь можно говорить и о параллели с кинематографом, имея в виду частую «смену кадров» в романе, объединенных раздумьями главного героя.

Во второй главе второй книги встречается музыкальное описание природы, звучащее оркестровой пьесой, созданной рукой мастера: «Луга, боры, лесные поляны, ласкающие взгляд зеленым шелком травы <...>, Кама, встречающая их простором, свежестью и разноголосием (чего только не было в этом оркестре жизни: в вышине, бляя суховатыми голосами, носились неугомонные бекасы; в болоте вздыхала выпь; густым басом перекликались в туманной дали степенные теплоходы; позванивали юркие катера и моторные лодки; за рассыпающейся веером мелочью с тяжелыми всплесками гонялись щуки и жерехи; камнем пикируя на серебристую рябь, с пронзительными криками носились белые чайки...»).

Рассмотрим приведенный фрагмент повествования. Огромное воздушное пространство, своего рода – концертный зал, его «конечные» пределы обозначают три слова с предлогом «в»: в вышине, в болоте, в туманной дали. В нем помещается «оркестр жизни» и его «музыканты»: неугомонные бекасы, выпь, теплоходы, юркие катера и моторные лодки, щуки и жерехи, белые чайки. Ритмично звучащие сказуемые становятся музыкальными инструментами: бляя,

носились, вздыхала, перекликались, позванивали, гонялись, носились (повтор). Голоса «инструментов» имеют свою звуко-высотную характеристику – тембр: суховатыми голосами, густым басом, степенные, с тяжелыми всплесками, камнем пикируя, с пронзительными криками.

Этот фрагмент повествования выполняет функцию паузы, перерыва, так как большая часть второй главы посвящена описанию тяжелой болезни и смерти Тони – жены поэта Бориса Клементьева. Если говорить языком музыки, то перед нами – светлое, радостное интермеццо, то есть пьеса промежуточного значения в инструментальной композиции или в опере (например, оркестровые пьесы в «Царской невесте» Н.Римского-Корсакова и «Сельской чести» П.Масканьи, Симфонический антракт в опере Бизе «Кармен» и др.)

Продолжая тему внутренних монологов Романа Овчинникова, следует обратить внимание на вопрос, которым задается главный герой: «Удивительно, почему некоторым людям приносит радость чужое горе?». И на страницах книги есть ответ. Потому что не все, как Овчинников, поступают в соответствии с внутренним кодексом чести, всегда готовые помочь, спасти человека в беде, проявить милосердие и покаяние, предъявляя к себе высокие требования. И это вызывает у пенсионера, бывшего фронтовика, орденосца, возмнившего себя талантливым автором Алексеева и у маститого писателя Емельянова, живущего прошлыми заслугами, бесконечную, беспредельную, мучительную зависть – «зависть середнячка к таланту, дряхлости к молодости, подлости к честности, великодушию».

Образ Романа Петровича – удача автора. Овчинников является прообразом тех людей, которые живут и будут жить по законам совести и человечности.

Владимир Емельянов писал в предисловии к роману: «О непростой любви, о поисках человека человеком, об открытии и познании человеком самого себя, об ответственности за все и вся – роман Генриха Перевошикова. Как любое настоящее чувство, любовь его героев полна драматизма. Но за драматизмом и даже трагедийностью видится мне рождение образа сопротивления и воли к преодолению трагедийного миробеспорядка».

В ПОИСКАХ ЗЛАТОКРЫЛОГО ЖУРАВЛЯ

Творчество Н.Байтерякова

в контексте мировой и отечественной литературы

Вчитываясь в насыщенную колоритными образами и многообразием звуковых регистров оригинальную лирику народного поэта Удмуртии Н.С. Байтерякова, можно констатировать, что его творчество тесными узами связано с писателями-предшественниками разных эпох. Помимо поэтики местного фольклора, вселенная духа удмуртского классика вбирает в себя элементы европейского миннезанга, библейские образы, пантеистические воззрения И.В. Гете и Ф.Тютчева, романтическое мироощущение Новалиса, Г.Гейне и М.Лермонтова, любовные томления героев П.Ронсара, пейзажную панорамность стихов А.Пушкина, С.Есенина, И.Никитина, А.Кольцова, А.Толстого, реализм Н.Некрасова, мотивы одиночества П.Верлена и других поэтов-символистов, специфику батальных описаний из военной прозы и лирики русских писателей XIX-XX веков. С точки зрения формы, на авторский стиль Н.Байтерякова существенно повлияли звукоподражательное творчество К.Бальмонта, «лесенка» В.Маяковского, сонетная лирика Данте, Ф.Петрарки, В.Шекспира, Г.Сабитова, а также построенные на антитезе философские восьмистишия Р.Гамзатова.

В автобиографической повести «Сьод вальёс» («Черные кони») и других рассказах Н.Байтерякова неоднократно упоминаются герои и авторы его любимых книг: «...Чехов но Горький. Удмурт писательёс Михаил Петров но Игнатий Гаврилов... Уно вал соос, зечлы дышетись книгаос» [1, с. 44]; «Пияшен чош та шаерын улызы самой паймоно адямиос: Гекльберри Финн но Том Соьер, ...капитан Немо но Робинзон Крузо, Дерсу Узала но Данко, Метелица но Павка Корчагин...» [1, с. 90]. Вместе с персонажами полюбившихся с детства произведений удмуртский классик путешествовал по разным уголкам родной планеты: «...Книгаосысь геройёсын артэ вуыллиз со Африкае но Амазонкае, Париже но Шотландие, ортчиз Усурийской тайгаез...» [1, с. 14].

Само провидение дало в руки молодого бойца, защищавшего свое Отечество во время Великой Отечественной войны, книгу с лирическими сочинениями первого поэта России. Сборник со стихами А.Пушкина был выброшен к русским окопам взрывной волной из здания разбомбленной школы в городке Жуковка. С тех пор Н.Байтеряков никогда не расставался с пушкинским словом [2, с. 70-71]. Неизменно оставалась с бойцом и лирика Н.Некрасова. [1, с. 70].

Участвуя в боях под Брянском, удмуртский юноша часто вспоминал задушевные строки из лирики уроженцев тех мест А.Толстого и Ф.Тютчева [1, с. 48]. Впоследствии темы и проблемы творчества этих авторов неоднократно осмысливались Н.Байтеряковым,

цитаты из их произведений и мемуарных записок использовались в стихах и прозе удмуртского писателя, переводились им на родной язык: «Тон уд вала Русез визьмындыд... Кылемын огмылкыд на-оскон» [1, с. 48; 2, с. 416]. = «Умом Россию не понять...».

Через полные вдохновения строки С.Есенина о русских просторах в душу Н.Байтерякова вливалось восхищение неповторимыми пейзажами своего родного края. В стихотворном посвящении Н.Байтерякова русскому поэту можно найти утонченные отклики на его песенное творчество: «Малпай мон: садэз куртчылэ ке пужмер, / Сюлмы но мынам сизьыл сад кадь вужме» (Подумал я: если иней выпадает в саду, / То и сердце мое старится, как сад) = «Отговорила роща золотая / березовым веселым языком...»; «Оло воз бадяр со озы шыпыртйз!» (Или зеленый клен так прошептал?) = «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»; «Кызьпу-а, нылмурт-а мыным шоналтйз!» (Березка ли, девушка ли мне махнула?..) = «...Березки, девушки-березки...» [2, с. 196].

В творчестве Н.Байтерякова можно обнаружить и прямые тематические связи с творчеством С.Есенина. Например, стихотворение «Ох, вальёс, вальёсы...» явно перекликается с есенинским шедевром «Эх вы, сани! А кони, кони!..». Многократно в лирике удмуртского поэта варьировались образы из стихотворения «Отговорила роща золотая...». Магия есенинских строк сопровождала удмуртского поэта на всем протяжении жизни. Об этом свидетельствуют: сходство мотивов (на уровне метафор природного ряда), единство эмоционального тона произведений (восхищение красотой окружающего мира или грусть расставания с дорогими сердцу людьми), языковая структура строф (частое использование вопрошающих конструкций):

Жутйсько туриос лыз инме.
Я, мед зеч удалтоз сюресты.
Мынэсьтым та мөзмись сюлэмме,
Ой, уд басьтэ меда събрады?
Взлетают журавли в синее небо.
Это мое страждущее сердце,
Ну, да пусть удачен будет ваш путь.
Ой, не возьмете ли с собой?

(подстрочный перевод)

В 60-80-е годы XX столетия пейзажно-философская и любовная лирика Н.Байтерякова наполнена переливами красок и звуков. В ней много метафор, эпитетов, оригинальных сравнений, позволяющих создать романтизированный образ удмуртского края: «...югыт толэзь. / Воз: турынэ усе марзан весен» (...светлый месяц. / На зеленые травы ниспадает жемчужными бусами); «Ворекъясь тулкымъёс / Воз буртчин ярдурен / Маке шып верасько» (Мерцающие волны / С зеленым

шелковистым берегом / О чем-то тихо разговаривают) [2]. Особенно внимательно поэт всматривается в таинственные образы ночных пейзажей: «Нырулыса уя толэзэ / Сясыка полынь, лысву вылын» (Клюя носом, плавает месяц / Среди цветов, по росе).

В стихах и прозе удмуртский поэт неоднократно подчеркивал сказочную сущность родной природы. «Выжыкыл» (сказочный) – одно из наиболее часто используемых слов в поэтическом лексиконе писателя: «Тодъы вёт кадь сылэ тол нюлэс, / Тани возьма: потоз палэсмурт» (Словно в белом сне, стоит зимний лес, / Вот погоди: выйдет палэсмурт). Лирика Н.Байтерякова изобилует понятиями, мотивами, темами и образами, характерными для творчества европейских романтиков: поэт-творец, герой-странник, тернистый путь героя, картины его безоблачного детства, опасные встречи, оппозиция «добро – зло» («жизнь – смерть»), туманные пейзажи, неосуществимые мечты, неразделенные чувства и др. [3, с. 225-238]. Именно в духе сказочной романтики Н.Байтеряков разрабатывает в поэме древний сюжет о богатыре Эштереке: нечистая сила Вумурт-водяной отнимает любимую девушку и жизнь удмуртского батыра.

Картины ночных пейзажей и сновидческие сюжеты позволяли Н.Байтерякову творить поэтическое инобытие по классическим канонам романтического двоемирия. Это особенно заметно в его лирическом цикле «Лана». Удмуртский поэт создает романтизированный образ неземной девы, которая является лирическому герою в его грезах: «Мöзмылон дыртьёсам тонэ, Лана, / Мон аслам скулэмам кылдытй, / Адзйтэк но тонэ яратй...» (Во времена печали тебя, Лана, / Я создал в своем сердце, / Даже не видя, полюбил я тебя). Цикл «Лана» обнаруживает эмоционально-сюжетное сходство с легендой рыцарских времен о «дальней любви», разрабатывавшейся в лирике французских трубадуров, в частности, – в канцоне Дж.Рюделя о принцессе Триполитанской: «...Даю безбрачия обет, / Коль не увижусь с дамой дальней. / Ее милей и краше нет / Ни в ближней нам земле, ни в дальней» [4, с. 19]. Аналогичные мотивы встречаются и у Г.Гейне («Я спал, забыв печаль во сне, / И, как виденье сна, / Явилась девушка ко мне, / Прекрасна и бледна...», пер. Н.Зиминой) [5, с. 17]. Охотно читающему мировую и отечественную классику деревенскому пареньку Николаю Байтерякову были близки эти образы: «Нылтьёсыз но яратылйз уй малпантьёсаз гинэ. Кычөөсь вал соос? Гуртын ой вал сычө нылтьёс. Солэн нылтьёсыз тодмотэм шаерын улйзы. Бус сьöрын. Туссы но буслы кельшылыз» (А девушек он любил только во сне. Какими они были? В деревне таких не встречалось. Его девушки обитали в других краях. За туманными далями. И обликом своим они походили на неясные видения) [2, с. 14].

Многие стихи Н.Байтерякова стали песнями. В его пейзажных зарисовках можно услышать шум ветра, колышущего ветви деревьев, шорох падающих листьев, шепот луговых трав, звон весенней капли, треск ломающихся льдин на пруду, барабанную

дробь дождя, журчание светлого родника, переливы речных волн, плеск лодочного весла, скольжение лыжных полозьев по насту, трели залиvistого соловья, вздохи и поцелуи влюбленных, радостные или печальные голоса современников. Несомненно, принцип звукоописательной интерпретации семантики текста роднит творчество Н.Байтерякова с лирикой К.Бальмонта, активно вводившего в свои произведения природные голоса.

В поэзии Н.Байтерякова тишина обретает особую значимость, ибо даже в стихах батальной тематики поэт-фронтовик бережно ограждает читателя от грубого нагромождения звуков, имитирующих рокот военной канонады. Изображая послевоенный «удмуртский мир», поэт исключительно редко прибегает к описанию грозы или урагана. «Тöл» («Ветер», 1940) – пример звукоописательного стихотворения из его раннего творчества. Характеризуя при помощи десятка глагольных конструкций деяния задиристого ветра в его динамично-шумовых проявлениях (куашетоз, поръялоз, бергалоз, инме тубалоз, шальтыртоз, лысьёсын вырытоз, сясыкаез вешалоз, урмыса куашетоз, шулалоз, писпуэз музьемозь някыртоз / прошумит, полетает, покрутится, поднимется до небес, прошуршит, покачает хвойными ветвями, приласкает цветы, дико прошумит, посвистит, пригнет деревья до земли), поэт воспроизводит картину мощного воздушного вихря. И, с точки зрения формы, начинающий поэт Н.Байтеряков близок русским поэтам-модернистам начала XX века.

Но чаще всего лира поэта прославляет тишину и гармонию окружающего мира. В одном из своих стихотворений Н.Байтеряков соотносит музыкально-щипковый инструмент крезь с сердцем поэта, на котором должно быть натянуто четырнадцать струн («Малы скулмы öвöл зэмзэ / Дас нъыль сие золтэм жин крезь?»). По мысли автора, этот таинственный инструмент позволил бы ему достойно воспеть окружающий мир, окрылить поэтическим словом людей, вызвать у них слезы при виде прекрасного явления, воскресить павших на поле брани солдат, исцелить живительной родниковой водой немощных. И только по исполнению этих благородных помыслов душа Поэта имела бы право покинуть бренный мир.

Природа у Н.Байтерякова одухотворена. В его стихах окружающий мир показан как быстрая смена цветных слайдов. И в этом – кинематографичность стиля поэта, заимствованная из мировой культуры XX столетия. Не случайно в автобиографической прозе писатель упоминает свои любимые фильмы, которые по технике монтажа и сегодня остаются шедеврами мирового кино: «Броненосец «Потемкин», «Александр Невский», «Чапаев» [1, с. 44]. Динамика сменяющихся друг друга образов в лирике удмуртского поэта завязана на семантике глагольных и отглагольных конструкций. Художественно-темпоральный ряд его стихов дискретен, прерывист, избирательно точечен: «Ворекъяло, шудо / Инмын кизгшиос, / Синучко

нэ сямен / Учко тем шур вуэ. / Изисъ нуны выллем
/ Някыръясько бадъёс, / Толэзъ тулкым вылэ / Зар-
ни чигвесь куэ» (Мерцают, играют / На небе звёзды,
/ Словно в зеркало, / Смотрятся в темень речных вод.
/ Подобно спящему ребенку, / Клонятся ивы, / Месяц
на волнах / Золотое покрывало ткет).

Взор лирического героя избирательно выхватывает отдельные моменты важных событий земного и небесного бытия. Планета Земля мыслится поэтом как яркая звезда в океане Вселенной. Авторская «камера обскура» то удаляется в запредельные небесные выси с панорамным охватом планет и звезд, то очень близко приближается к самой земле, чтобы углядеть на ней мельчайшие детали: пульсацию сердца родника, наливающиеся жизненными соками почки, тончайшие прожилки на лепестках цветов, парчовые нити снежинок.

Поэт подчеркивает, что окружающий человека мир сказочно прекрасен. Подобно отправляющимся на поиски волшебных явлений героям книг немецких романтиков (в частности, братьев Грим, Новалиса), лирический герой Н.Байтерякова пускается в путь в надежде на встречу с златокрылым журавлем – предвестником поэтической удачи: «Телъёстй калгыкум, мон ѓтчай / Зарням тыльё туриез...» (Блуждая по лесам, я звал / Журавля с позолоченными крыльями). Он жаждет найти затерявшийся в пестром разнотравье неведомый цветок – символ поэтического вдохновения: «Шур дурысь, возь вылысь мон утчай / Калыкын адъымтэ сяськаез» (У реки, на лугу я искал / Невиданный людьми цветок).

В стихах Н.Байтерякова звукопись тесно переплетена с цветоописанием: явления природы и жизни человека воспринимаются лирическим героем в гармонии звуков и красок. Его поэзия насыщена радужными бликами, темной зеленью хвойных веток, пестрым разнотравьем, белокипеным цветом черемух, красными гроздьями рябин, золотистыми лучами солнца, алыми сполохами утренней зари, медно-желтыми и багряными красками осенних листьев, алмазным сверканием изящных снежинок, жемчужным сиянием капель воды, серебристо-зеркальным блеском спокойно несущей свои воды реки Варзи, таинственно-светозарным отсветом лунных лучей, ослепительно белым цветом зимних сугробов, налитых солнечным нектаром медвяных яблок. В стихах поэта голубые глаза возлюбленной часто соседствуют с высоким насыщенно-синим звездным небосводом.

Родные места в окрестностях села Варзи-Ятчи Алнашского района были опозитизированы Н.Байтеряковым и воспеты во многих его лирических произведениях: «...мынам гуртэ / Улэ сяськаясъ-кись музьем вылын» (...мое село / Располагается на цветущей земле); «Мон мыно ворекъясъ луд вылтй / Горд шунды пумитэ» (Я выйду по мерцающему полю / Навстречу солнцу); «Котырысь нюлэсьёс но лудъёс / Азвесьлы укшало» (Окрестные леса и поля / Уподобились серебру); «Зар уй ваське паськыт музьем вылэ, / Выль лымые усе лыз-лыз вужер» (Темная ночь опу-

скается на землю, / На свежевыпавший снег ложатся синие-синие тени). Вчитываясь в художественное слово поэта, убеждаешься в первозданности красоты удмуртской природы.

Большое место в творчестве Н.Байтерякова занимает философская лирика. Выразителем его взглядов на мир является поэма «Зэмлык» («Истина»), написанная в 80-е годы в виде венка сонетов. Н.Байтеряков использует сочетание сонетных форм двойкой формы: английскую с завершающим дистихом gg и французскую с двумя терцетами, рифмуемся параллельно по схеме ccd и eed. Применяя пятистопный ямб и максимально избегая лексических повторов, Н.Байтеряков строго следует канонам европейского жанра [6, с. 327]. Поэт осуждает войны и социальные катаклизмы, прославляя жизненную энергию человека. По своему эмоциональному накалу и синтаксическому построению центральная часть поэмы похожа на заклинания. «Зэмлык вылын югыт дунне сылэ, / Зэмлык понна вордски музьем вылэ» (На правде зиждется мир, / Ради правды родился я на земле) – этим многозначным дистихом-куплетом завершает удмуртский классик свою сонетную поэму.

Не чужды Н.Байтерякову и гетевские реминисценции. С немецким классиком удмуртского поэта сближают не только пантеистические воззрения на мироздание. В одном из стихотворений 90-х годов умудренный жизненным опытом лирический герой Н.Байтерякова заявляет: «... Одйг пол ке эшшо адъысал / Аръёсын шобьртэм сюресме, / Жалятэк периллы вузасал / Азьланзэ, вуоно нуналме» (Если бы хоть раз еще довелось увидеть / Годами исчерченный свой путь, / Без сожаления продал бы демону / Будущее, свой предстоящий день). В другом стихотворении этого же периода из уст поэта звучит поистине фаустовский вопрос: «... Но вонь меда дунне вылын / Шудо музьем, шудо калык?..» (Но есть ли в мире / Счастливый край, счастливый народ?..) [2, с. 445]. Стихи Н.Байтерякова этого периода наполнены пафосом трагического мироощущения.

Лирика Н.Байтерякова гуманистична, многокрасочна, патриотична, афористична. В объемном поэтическом наследии мастера художественного слова открыто высказано жизненное кредо автора. В его поэтических сборниках проникновенно и искренне звучит признание в любви к отчому краю: «...мон яратско тонэ, улон, / Иыбырттйсько дуно шаерель» (Я люблю тебя, жизнь, / Кланяюсь низко своему родному краю). В главе «Вашкала Русь музьем вылтй» («По землям Древней Руси») из автобиографической повести «Съод валъёс» автор мысленно раздвигает привычные пространственные границы «удмуртского мира»: «Бадъым но пичи шаеръёс одйг ѓре вутто. Озьыен, тон котырысь быдэс музьем – со тынад огъя шаеред» (Большая и малая Родина сливаются в единое русло. Таким образом, все окрестные земли – это твое единое родное пространство) [1, с. 74].

В поэме «Зэмлык» поэт открыто выражает свою принадлежность ко всему человечеству: «Быдэс

музъем мыным – вордэм дунне» (Вся земля для меня – породивший меня мир). Вспоминаются слова литературного критика Н.Вильмонта: «Вторжение инородного начала (расового или культурно-сословного) обычно только и делает большого человека полновластным хозяином национальной культуры» [7, с. 49]. Обращаясь к высоким образцам мировой литературы и органично растворяя художественные достижения отечественных и зарубежных писателей в ткани собственных произведений, Н.Байтеряков завоевал высокое звание народного поэта Удмуртии. Сегодня его одухотворенное художественное слово звучит на русском, эстонском, венгерском и других финно-угорских языках народов России.

Литература

1. Байтеряков Н.С. Съод вальёс: Повесть, веросьёс,

гожтэтъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1995.

2. Байтеряков Н.С. Жин азвесь кретьгурен: Кылбуртёс но поэмаос = Серебряная мелодия: Стихотворения и поэмы. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – Все цитаты из стихотворений Н.С. Байтерякова приведены по этому изданию. Подстрочные переводы с удмуртского языка даны в нашей интерпретации. – Н.Л.

3. Шумкова Т.Я. Зарубежная и русская литература XIX века. – М.: Флинта: Наука, 2002.

4. Жизнеописания трубадуров / Сост. М.Б. Мейлах. – М.: Наука, 1993.

5. Гейне Г. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. – М.: Худ. лит., 1956.

6. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2 кн. Кн. 2: Строфика. – М.: Флинта: Наука, 2002.

7. Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. – М.: Сов. писатель, 1989.

Тамара Пантелеева

ЯЗЫК МАЛОЙ ПРОЗЫ ОЛЕГА ЧЕТКАРЁВА

Усьтоз меда, уз меда но
Та ворсам но капказэ?
Гажалоз ке, ой, усьтоз но,
Оз ке гажа, уз усьты.

Удмуртская рекрутская песня

Откроет ли, нет ли
Эти закрытые ворота?
Если уважает, то откроет,
Если не уважает – не откроет.¹

Олег Геннадьевич Четкарёв – прозаик, известный как удмуртскому, так и русскому читателю очерками, рассказами, повестями. Его произведения актуальны и злободневны. В них писатель поднимает нравственные проблемы современности, раскрывает причины, приведшие к деградации одной личности и формированию мужества и трудолюбия у другой.

В течение всей жизни человеку приходится делать выбор между добром и злом. Этот выбор – главная тема произведений О.Четкарёва. Ей посвящены его рассказы «Йо вылэ тэтчон» («Крещение – грехам отпущение», 1993), «Воргоронъёс» («Мужики», 1989), «Учы вай» («Соловьиная ветвь», 1989), «Зеч адями» («Хороший человек», 2000), «Быръён» («Выбор», 2002) и другие.

Малая проза О.Четкарёва насыщена колоритными образами. Это Кирилл Кашков («Крещение – грехам отпущение»), Душкин и Павел Тимофеевич Рощаев («Выбор»), деревенские мужики («Мужики»). Всех их объединяет необходимость выбирать между правдой и кривдой.

Кирилл Кашков из повести «Крещение – грехам

отпущение» выбрал жизнь обеспеченную, но несправедливую. Сбежав после аварии с места происшествия, он продолжает жить на стороне зла: помогает своему начальнику расхищать народное добро, а затем и сам начинает воровать. Кирилл «умеет жить», «вертится, как может», ничем не брезгуя. А начальство на работе его даже поощряет: выделило квартиру; на деньги, добытые несправедливым трудом, он купил машину. У Кашкова все благополучно: дом – полная чаша, прибыльная работа водителем на стройке, жена и сын. Но это только внешняя сторона жизни персонажа. На самом деле жену он не любит, и сын у него приемный, а богатство и вовсе ворованное: не жизнь, а одна видимость, мираж. Автор создал психологически верный образ несуну, который пугается малейшего шороха. Кажется закономерным, что Кашков, в конце концов, совершает наезд на женщину и, скрываясь от преследования ГАИ, сам оказывается в полынье. Преступник получает по заслугам: «смерть за смерть». Но автору этого мало – он лишает персонаж возможности даже после смерти обрести «место» на земле: после несчастного случая тело Кирилла не

¹Здесь и далее – подстрочный перевод автора статьи.

находят. Кирилл и ему подобные выбрали свой путь в жизни сами. Устами главного героя Рошаева из рассказа «Выбор» писатель говорит: «*Быдэс улон – со бырҕен. Кызыы бырйид – сыче ик улод...*» («Вся жизнь – это выбор. Как выберешь – так и проживешь...»).

О. Четкарёв психологически достоверно изображает своих героев. В этом ему помогает знание родного языка, культуры, быта и нравов удмуртского народа. Для раскрытия глубинных причин поведения персонажа писатель использует сравнительные обороты, фразеологические единицы, тем самым делая образ наглядным, ярким, впечатляющим.

Повествователь, знакомя читателя с детскими годами Кирилла, подчеркивает, что это были тяжелые послевоенные годы. Мальчик рос в материально обеспеченной семье, но был маленького роста, физически отставал от своих сверстников, а те его обижали. В результате человек вырос озлобленным на весь мир: «*Озыы ик быдэ вуиз Кирло, вожпотонзэ пушказ ватыса но ас понназ лекен малпаса: «Возьматэ ай мон тиледлы, буди ке...*» («Так и вырос Кирилл, скрывая свою злость внутри и думая про себя: «Покажу еще я вам, когда вырасту...»). Фразеологические сочетания «*быдэ вуиз*» (стал совершеннолетним), «*вожпотонзэ пушказ ватыса но ас понназ лекен малпаса*» (скрывая свою злость внутри и думая про себя злобно) раскрывают внутренний мир закомплексованного подростка. В свою очередь, отец, любя и жалея своего позднего ребенка, учит его жизни по-своему, потому что, как пишет автор, «*Паньти угось кос эгырысь но вой пызыртыны быгатоз вал*» («Паньти мог выжать масло даже с сухого угля»). Это фразеологическое выражение подмечает талант мужчины добыть, достать, вывернуться, исхитриться. Но употреблено оно негативно и, в свою очередь, развенчивает его скупость, жадность, скопидомство и объясняет неуважение к нему односельчан. Талант Пантелея направлен в сторону наживы, обогащения, его дар не дает душевного тепла и уюта. Впоследствии этот талант передается сыну, но и его умения и старания не принесут ему желаемого счастья.

Другое фразеологическое выражение – «*Бер чилы дуно луэ угось*» («Поздний цыпленок бывает дорогим») – метафорично: автор тем самым подчеркивает ценность позднего ребенка для престарелых родителей. Можно предположить, как воспитывали свое дитя немолодые родители, если он вырос хапугой. Фразеологическое сращение «*кыдыз бертылэ*» объясняет, что мать Кирилла состарилась, «впала в детство» и неадекватно воспринимает действительность. Или: «*Озыы ик улизы, жуась гуре сурем кык ыльыс пистёс музэн чындыса*» («Так и прожили, как две головешки из сырого поленья, – чады»).

Один и тот же фразеологизм употребляется в разных ситуациях по-разному. К известным фразеологическим единицам писатель подбирает их варианты и использует в противоположном значении, например: «*Эх, шу, мултэс ваньбур но кисыез пазь кароз выльэм*». («Эх, что и говорить, лишнее добро, оказы-

вается, карман дырявит»). Это вместо «*Нош мултэс коньдон кисыез пазь уг кары*» («Деньги лишними не бывают» или «Деньги карман не продырявят»). Повествователь, характеризуя персонаж, называет его «*пенькылли*» (недоросль), вкладывает в уста деревенского шофера фразу: «*Кирло – пичи сюрло*» («Кирилл – маленький серп»).

Для достоверного раскрытия душевного переживания героя автор использует художественный прием персонифицирования. После аварии, когда по просьбе отца Кирилла не осудили, он два года до армии по деревне ходил сам не свой: «*Кык ар чоже ветлиз гуртэти сингёссэ ныд азбысьтыз жутъяны дисьтытэк, кык ар чоже улиз кадь адкисьтэм борддоръёс сьорын. Адямиос доры матэктэ но, со борддоръёс уг лэзэ вазыны, кизэ сётъыса зечбуръяськыны <...> Урамети ортчылыкуз, борсяз шылырто. Укноослэн пияла сингёссы но со шоры чушмырес учко*» («Два года ходил по деревне, не смея поднять глаз от земли, целых два года будто жил за невидимыми стенами. Когда приближается к людям, эти стены не разрешают ему говорить, поздороваться, подавая руку. <...> Когда проходил по деревне, вслед шептались. Даже оконные стекла смотрят косо на него»). Стены и оконные стекла олицетворены, они смотрят косо, запрещают говорить, здороваться. Или: «*Машина жождиськыса-жождиськыса тубиз эшишо одиг бамалэ*» («Машина, жалуюсь-жалуюсь, поднялась еще на один пригорок»). Или: «*Нош ик кужмо ыргетиз «ЗИЛ», кынмем дэри люкёс вылти тэтчаса*». («Снова злобно зарычал «ЗИЛ», подпрыгивая по замерзшим грязевым кочкам»).

Наряду с художественными приемами олицетворения, сравнения, фразеологическими единицами О. Четкарёв также использует литоты (уменьшение чего-то или кого-то). В частности: «*Ужас вуыса, Рошаев жок сьораз пуксиз но ужамъяськыз, нош пельёсыз шырась кучыранлэн кадь сакто, коридорысь кутлэсь бызгетмэз но кылысалзы, дыр*» («Придя на работу, Рошаев сел за свой стол и притворился, будто работает, а уши настрожены, как у мышкующей совы, они, наверное, слышали бы надоедливое жужжание мухи в коридоре»). Фразеологическое выражение (*уши – Т.П.*), «наверное, слышали бы надоедливое жужжание мухи в коридоре» основано на литоте «жужжание мухи», которая ярко изображает психологическое состояние героя, его напряженное ожидание: он настолько превратился в слух, что, сидя в кабинете, мог слышать самые тихие звуки. Или: «*Аслыз сямен ик, Насьталы но улон шудзэ чечы пуныен гинэ вергятэм*» («Как и ему, Насте жизнь дала счастье только на пробу, из маленькой ложечки для меда»). Чечы пуны переводится буквально как ложечка для меда. Или: «*Киосыз мыно, изысь но вой пызыртыны быгатоз, вень пасети майталтэк потыны дышиз бере, паньгатэм легковушкаез выль кадь кариз...*» («Руки золотые, из камня масло может выжать, раз научился без мыла через игольное ушко пролезть, легковушку после аварии так отремонтиро-

вал, стала как новая»). Фразеологическое выражение «пролезть сквозь игольное ушко» образовано на основе литоты и означает высокую степень мастерства человека. В старину верили, что через игольное ушко могли пролезть только ведуны и колдуны – люди с особыми магическими способностями. Из мифологических устных рассказов удмуртов знаем, что покойники-колдуны «возвращаются» домой в образе мышки и могут мстить обидчикам. Но если у героя дом – крепость, куда мышка не сможет пролезть, то такой человек явно является хозяином своей жизни, ему никто не страшен в этом мире: «Пересьлэн юртэз-ерез шыр. Пыронтэм шыкыс выллем вылэм. Улыно-вылыно из корка...» («Дом старика, словно сундук, куда даже мышка не пролезет. Двухэтажный кирпичный дом...»).

О. Четкарёв также умело использует энантиосемию, когда слово становится антонимом самому себе. Например: «Пересь мурт сыче «небыт» ваземьсь нокыче ик оз кариськы, азьло сямен ик пальпотыса юаз» («Старик не смутился от такого «ласкового» обращения, как и раньше, улыбаясь, спросил...»). Слово «ласково» употреблено в значении «грубо», «резко». Прямое лексическое значение слова раскрывается в контексте. «О-о, кыче куно лыктэм. Пырее, пырее, ос кусын эн сылэ. <...> Павел Тимофеевич капчиен лулзиськиз: «Я, табере ваньмыз валамон». («О-о, какой гость пришел. Заходите, заходите, не стойте на пороге. <...> Павел Тимофеевич облегченно вздохнул: «Да, теперь все понятно»). Слово «гость» в этом случае использовано в значении «враг».

Язык произведений О. Четкарёва – народный. Он пишет так, как говорит удмуртский народ. Одна из особенностей устной удмуртской речи – стремление избегать в высказываниях ненужных «острых углов», прямолинейности, однозначности: человек, говоря о чем-то неприятном или страшном, старается сообщить об этом мягко, подобрать иносказательные слова и выражения, чтобы его речь стала более де-

ликатной, менее резкой и грубой. Речь персонажа становится своеобразной, емкой, многозначной, приобретает индивидуальные черты. Писатель часто употребляет вводные слова и конструкции: «Музьем, пе, бордаз кыске ини». («Говорит, что земля уже к себе тянет»). Автор не пишет, что мать Кирилла скоро умрет, а использует фразеологическое единство в косвенной форме. И такое страшное понятие как «смерть» воспринимается читателем и слушателем не так устрашающе грозно. Или: «Пиос азьвыл «гындылызы» ук» («Парни раньше избивали же»). Здесь слово «гындыны» употреблено в необычном значении: «избивать человека». Раньше это слово использовалось только в значении «бить шерсть в шерстобитке». Или: «Азьвыл чик юылысьтэм мурт кебитысь бертыса замырзяны одяз» («Раньше совсем не пьющий человек, возвращаясь из кузницы, стал пригублять»). Автор не написал, что его персонаж стал пить, а употребил иносказательное фразеологическое единство «замырзяны одяз» (стал пригублять, стал причащаться).

Язык произведений удмуртского писателя О. Четкарёва емкий, сочный, меткий, четкий, ясный, выразительный. Каждое слово, выражение несет определенную нагрузку. Используя богатство родной речи, слова и словосочетания, фразеологические выражения, сравнительные и вводные конструкции, писатель тем самым сохраняет их для будущих поколений и обогащает родной литературный язык.

Литература

1. Четкарёв О.Г. Йо вылэ тэтчон: Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1989. – 224 с.
2. Четкарёв О.Г. Крещение – грехам отпущение: Повести и рассказы / Перевод с удмуртского А. Демьянова. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 256 с.
3. Четкарёв О.Г. Зеч адыми. Верос / Кенеш, 2000. № 4. – С. 32–35.
4. Четкарёв О.Г. Быръён. Верос / Кенеш, 2002. № 1. – С. 49–60.

ПОЭЗИЯ

«Это только кажется, что поэзия сейчас почти никого не интересует, что информационная цивилизация разбила ее в пух и прах, что царствуют политика, журналистика, коммерческая литература. Нет, поэтическое слово всегда живо и притягательно. Только иногда оно притягательно для миллионов, а иногда для сотен людей. И нам не дано предугадать, когда вдруг поэтическое слово станет необычайно востребованным...».

Геннадий Иванов,
первый секретарь правления СП России

Сергей Жилин

В маленьком городе

Маргарите Зиминой

Трудно поэту жить в маленьком городе,
В маленьком городе множество глаз.
Здесь на поленицах снежные бороды,
В маленьком городе все напоказ.

Даже семейные беды и горести
Знают, наверно, в квартире любой.
И обсуждают все местные новости
Запросто – Вера, Надежда, Любовь.

Трудно поэту жить в городе маленьком,
Здесь он со всеми знаком.
Вера, Надежда, Любовь ходят в валенках
И поутру топят дом.

Если захочешь, поставь многоточие,
Только вот кто упрекнет их в грехах?!
Вера, Надежда, Любовь и все прочие
В душах живут и стихах.

* * *

Беспризорная русская речь
На просторах страны затерялась.
Остается поэтам лишь малость –
Хоть частицу ее уберечь.

Будет снежною крупкою сечь,
Опрокидывать ветром в потемки.
Кто бы знал, что в родимой сторонке
Так причудлива русская речь!

И премудрости книжной учен,
Я под крышей случайного крова
Вдруг ловлю стариковское слово,
Понимая, что сам не при чем.

Не при чем, ибо верил другим,
Тем, кто в радио-, телеэфире
Рассуждал о России и мире,
Но не видел такой вот пурги,

Не сидел на завалинках изб,
Не крутил самокруток в беседе –
По России на велосипеде
Проезжал, как обычный турист.

Словно грозный, неведомый лик,
Будто церковь в житейском болотце
Или звезды дневные в колодце, –
Зачарует вдруг русский язык.

Станет ясно, тоскуем по ком,
Колобродим, беснуемся, любим,
Чтобы сжатые дрогнули губы, –
Значит, вечно отныне живем.

Перед ледоставом

Вот замерзнет река, и отправлюсь в деревню –
И на почту, и в магазин.
Все же скучно живется без вестей и без денег
Меж родимых берез и осин.

На другом берегу, на горе на высокой,
Крыш, наверное, более ста.
Ну, а в нашем починке стрекочет сорока,
Предвещающая речной ледостав.

И когда опускаются сумерек тени
На два дома в осенних лесах,
Ах, как манят меня огоньки той деревни,
Завлекают ее голоса.

Как же надобно мало порой человеку,
Чтоб житьем был доволен своим...
Вот придет ледостав, и отправлюсь за реку –
И на почту, и в магазин.

Август

Время зрелого лета,
Время спелых плодов,
Только речь не об этом –
В суматохе годов
Что-то важное скрылось,
Отошло в никуда...
Так скажи мне на милость:
Все же плыть нам куда?

Первый утренник ляжет
На траву сединой,
Ничего не докажет,
Только ты сам не свой.
Миновали три Спаса,
Нам спасения нет,
И до смертного часа –
Сколько зим, сколько лет?!

Стынут астры на воле,
Им недолго цвести.
Что ж, обнимемся, что ли,
Перед тем, как уйти!
Время зрелого лета,
Время спелых плодов...
Только речь не об этом,
Если ждешь холодов.

Дом

Простые хлопоты домашние:
Доска, рубанок, молоток...
Пусть в доме будет все по-нашему –
И палисад, и водосток.

Когда бы нам прозреть заранее,
Какое было бы житье!
Вот и прикладывай старание:
Пусть поздно – все-таки свое!

Уже дрова у топки сложены,
И печь заводит разговор.
Какое это счастье, Боже мой,
Глядеть на слякоть из-за штор.

Слабы надежды иллюзорные,
Что мир лишь сладкого припас.
В хорошем доме мысли вздорные
Одoleвать не станут нас.

Для жизни все здесь обустроено:
Колодец, баня, дровяник...
Тысячелетними устоями
И крепок русский наш мужик.

В округе окна все погашены,
Лишь мой мерцает огонек.
Пусть в доме будет все по-нашему –
И палисад и водосток.

Подражание

Павлу Роготневу

Все, что осталось от этой деревни, –
Мой покосившийся старенький дом.
Ни электричества, ни вдохновенья,
Поздняя осень стоит за окном.

Свет керосиновой лампы надежен,
Кот приبلудившийся спит у печи.
И выползает из ватных одежек
Месяц такой, что хоть криком кричи.

Ищут медведи глухие берлоги,
Лоси испуганно жмутся к стогам.
Кто это едет по темной дороге? –
Ах, неужели и нынче не к нам?!

Только все ближе колесное пенье,
Скрипнут ворота, и въедут во двор,
И от бессонниц осенних спасенье –
Дружеский поздний мужской разговор.

Утренний посетитель Свято-Данилова монастыря

Из дальних странствий возвратясь,
Поставь свечу святому Павлу
Рукой усталой и беспалой, –
Пусть он глядит, облокотясь.

Пусть он измерит вкривь и вкось
Судьбы наросты и коросты.
Ответишь на любой вопрос ты –
Вот только будет ли вопрос?

И стынет мартовская синь,
И на свечу монет хватило.
Ах, Боже мой, ужели было
С тобою то же, что и с Ним?

А коль воскреснуть не дано,
Дай в полной мере насладиться, –
Прочтя последнюю страницу,
Ты пьешь церковное вино.

И снова в мартовскую стынь...
И, захлебнувшись небом, небом,
Зажав в руке кусочек хлеба,
Кому ты говоришь «прости»?

Вокзал Казанский потеплей,
А Ленинградский поприличней...
В метро зеленой электричкой
Ты мчишься прочь от февралей.

Из дальних странствий возвратясь,
Поставь свечу святому Павлу
Рукой усталой и беспалой, –
Пусть он глядит, облокотясь.

Наталья Новгородова

Лунная дорога

Месяц остророгий
В облачном окне.
Лунная дорога
Пролегла во тьме.
Лунная тропинка
На воде пруда.
Таает, точно льдинка,
В облаке звезда.
В этот лунный вечер
Ты идешь ко мне.
Я лечу навстречу
В звездной тишине.
Сердце, как на крыльях,
Над землей несет,
И ничто не в силах
Удержать полет!

Азарт жизни

Эхом мчится в поднебесье
И разносится в столетьях
Отклик древних снов чудесных,
Снящихся перед рассветом:

Звук охотничьего рога,
Опьяняющий азартом,
Предвесенняя дорога
И вино из полной чарки...

* * *

Не надо слов, не надо фраз,
Войди во мглу зовущих глаз,
Отпей из моего бокала!
Безмолвен разговор любви,
Все скажут мне глаза твои.
Ах, как для счастья нужно мало!

Кольцо твоих горячих рук,
Прикосновенье, ласка губ –
Так неожиданно и странно!
И близость твоего лица,
И в сердце нежность без конца,
И ощущение nirваны.

Что это – продолженье сна?
Иль, может, полная луна
Сегодня пошутила с нами?
Но даже если все игра,
И будет завтра, как вчера,
Останется отрада – память!

Предчувствие грозы

Ласточки мечутся мимо окна,
А у окна я сегодня одна.
Что нам несут они: дождь и грозу?
Музыка рока бушует внизу...

Воздух застыл, не колыхнется зной, –
Может, гроза обойдет стороной?
Я у окна в ожиданье стою
И повторяю молитву свою:

Господи Боже, спаси, сохрани,
Чтобы прошли непогожие дни!
Сын мой в далекой, чужой стороне –
С кем он сражается в новой войне?

Хоть бы вернулся домой поскорей,
Хоть бы проснулся звонок у дверей...
Вечная участь и боль матерей –
Ждать из походов своих сыновей!

Боль пробирается даже во сны.
Боже, невинные гибнут сыны!
Господи, все мы во власти твоей,
Не для войны мы растили детей...

Не допущу я до сына грозу
И материнской любовью спасу!
Вместо ответа во мраке ночном
Прогрохотал оглушительный гром...

Осень-ведьма

Я иду сквозь листопад
В синий вечер,
Листья-бабочки летят
Мне на плечи.

От луны на склоне дня
Веет стужей,
Ветер около меня
Листья кружит.

Я иду, одета в грусть,
Как в кольчугу,
Не узнаем, я боюсь,
Мы друг друга.

Отгороженный стеной
Листьев этих,
Разминешься ты со мной,
Не заметив.

Засыпает все пути
Осень-ведьма.
Как теперь тебя найти?
Ты ответь мне!

Николай Мрыхин

Романс

Солнце рыжее за дальний холм садится,
Паутинка нежная парит.
Никуда не надо торопиться,
Ни о чем не надо говорить.

Потянуло холодком от речки,
Небеса окрасились в кармин.
Милая, давай затопим печку –
Деревенский славный наш «камин».

Много ли для счастья в жизни надо?
После всех дорог и всех разлук
Любоваться заревом заката,
Слышать рядом милой сердца стук.

Застелю кровать я тишиною,
Притушу сияние звезды,
Милую туманами укрою
И украшу радугами сны.

Пусть мгновенье это дольше длится –
Промелькнет: его не повторить, –
Когда нам не надо торопиться,
Ни о чем не надо говорить.

Пятьдесят

Кротом я жил, я бечеву тянул,
В своих обидах мелочных копался,
Когда же пятьдесят перешагнул,
В другой как будто жизни оказался.

Веселый, бородатый и большой,
В алмазных росах омывая ноги,
Босой иду я, словно Лев Толстой,
На солнце бронзовея понемногу.

Щегол поет – в тетрадку запишу,
Трещат сороки – их увековечу,
А о годах прошедших не грущу,
Они лишь предвечерье, а не вечер.

Мир предо мной – не тусклое стекло,
Весенних рек бурлящие разливы.
И счастлив я – как много мне дано:
Лазурь небес и золотые нивы.

Жить начинаю только в пятьдесят,
До этого не жил, а куролесил,
И сединой уже виски блестят –
Приходит время добрых, светлых песен.

На площадях пускай провозгласят,
Пусть знают города и слышат веси,
Что жить я начинаю в пятьдесят,
А прежней жизни я поклон отвесил!

Деревня

Я земле моей древней
Не прохожий – родня.
Словно мама, деревня,
Ты вскормила меня.

Подарила мне небо
До скончания дней,
С поду теплого хлеба.
Что быть может вкусней?

Родниковой водицы
Зачерпну поутру.
Как Илья, от землицы
Жизни силу беру.

Полустанок

Когда душа томится, что-то ждет,
Трепещет сердце, как птенец-подранок,
Пред взором моим всякий раз встает
Далекий и забытый полустанок.

Стоянка поезда – минуточка одна,
И вновь по стыкам застучат колеса.
Колышется в глазах голубизна
У девочки, что машет нам с откоса.

К ее ноге прижался рыжий пес,
Такой же рыжий, как сама хозяйка.
А у хозяйки в конопушках нос
И чистый взгляд – открытый, без утайки.

Когда притушит краски ночи тень,
Туман периной на луга приляжет,
Вновь память оживает: ясный день,
Девчоночка рукой с откоса машет.

* * *

Живу, судьбы не ведая,
Над строчками тружусь.
Есть деньги – пообедаю,
А нет – и обхожусь.

Не думаю о вечности,
Душа же молода.
Милы мне долы вешние,
Тишь сонного пруда,

Леса ночные, темные,
Вечерних трав настой
Да ивушки, склоненные
Над Позимью-рекой.

Ольга Денисова

Одуванчики

Одуванчики, братья мои,
или вы мне не рады?
Поднялись в придорожной пыли,
будто солнца солдаты.

Хорошо вам заведомо знать
свою цель неземную.
Почему бы сестру не позвать
на звезду золотую?

Или будете ждать седины,
провожая закаты?
Разве сильному солнцу нужны
в этом мире солдаты?

* * *

Облетели листья бересклета,
обнажив наивные сережки.
Тихо, будто жизнь, уходит лето
по лесной извилистой дорожке.

Вот моя любимая поляна,
где трава пока нежнее шелка.
Здесь кроты копают норы рьяно,
здесь всегда стою я долго-долго.

Потому что здесь – моя защита,
потому что ель – моя подруга,
а с рябиной столько пережито,
что уже не бросим мы друг друга.

* * *

Опять с тобой кататься на метро!
В миры искусственные медленно спускаться.
В твоих глазах нахально отражаться,
но вежливо помалкивать про то.

Под мраморными сводами стоять,
играя в ожидание с толпой,
но электричку чувствовать спиной –
поверьте, чувствам можно доверять.

И целых пять минут лететь потом
с тобой, прижавшись к поручням вагона,
запоминая космос за окном
и запах твоего одеколona.

Запоминая скрежет тормозов,
все эти тянущие, тягостные звуки,
там, наверху, зажатые до слов
о неизбежности, о долге, о разлуке.

* * *

Расскажи мне о древних мирах,
о навеки ушедших народах,
о сраженьях, победах, пирах,
о своих неприкаянных годах.

Расскажи мне, пока мы одни,
как слова о любви не стареют.
Может быть, быстротечные дни
нас за это еще пожалеют.

Не казнит исторический мрак
археологов собственной эры.
Неужели расстанемся так –
осторожные, как пионеры.

Ты наконец построишь дом

Ты наконец построишь дом,
а я все так устрою,
что окна засияют в нем
небесной синевою.

И эти книги на полу
на полки станут стройно,
и станем вечером в углу
мы лампу жечь спокойно.

Не странно ли, что знаю я,
как мы с тобой поладим?
К нам будут приходить друзья –
мы их за стол посадим.

– Ну, как живете? – спросят нас,
наверное, вначале...
Или о чем, скажи, сейчас
о чем мы замолчали?

* * *

Зима. Труба. Картонный дым над крышей.
Я на огни морозные иду.
Я выгляжу навязчивой и лишней,
демонстративно верящей в беду.

По снегу белому, по этой зыбкой глади,
с вмерзающим в ладонь мою кольцом,
с непобедимой гордостью во взгляде,
наверное, с обиженным лицом

куда иду? А вам какое дело?
Мне нравится мой одинокий путь.
Там за спиной – все так осточертело!
Смогла уйти – приду куда-нибудь.

* * *

Белый пластик стола,
на столе остывающий кофе.
Я не знаю, когда
мы увидимся снова с тобой.
Мне бы только забыть
этот низко опущенный профиль...
Разговор – так себе,
и не серый, и не голубой.

Сколько можно курить!
Разметался по комнатам пепел,
улетели все ангелы,
очарованье ушло.
И летает над нами
«Верблюд» под названием «Кэмел»,
и никак не пройдет
сквозь стальное иголки ушко.

Говорю невпопад,
попадаю, почти что не целясь.
Только бы не молчать!
Что теперь говорить – все равно.
Я, наверно, уже
никогда-никогда не осмелюсь
посмотреть на тебя
равнодушно, как в это окно.

* * *

Ах, не спрашивайте меня,
не спрашивайте!
И не спрашивайте никого.
Ходите, ходите!
Свой старый пиджак донашивайте,
одергивайте, оглаживайте
его.

А можно выйти?
Ну, хотя бы за мелом...
Нельзя? А цветы полить?
Я? Неплохо учусь
и желаю, в целом,
свое обучение
продлить.

А хотите,
все время дежурить буду?
Только не спрашивайте,
не ужесточайте огня!
Я тогда ваш урок
никогда не забуду,
и цветы,
и пиджак...
И не спрашивайте,
не спрашивайте
меня!

* * *

Подари мне, пожалуйста, синий сапфир!
Я его заслужила за тысячу лет.
В нем увижу я в синих подробностях мир
и другой, у которого имени нет.

Я увижу глубокие тайны морей,
голубые растения и облака,
лазуриновых бабочек и журавлей,
что летят через грани его и века.

Стану камень небесный, как книгу читать,
восхищаться экспромтами быстрых лучей,
научусь васильковую речь отличать
от индиговых песен церковных свечей.

А еще я узнаю, как ты поживал
в окруженьи кристально-холодных идей,
как меня забывал, предавал, продавал
и любил человечество, а не людей.

Пусть расскажет и это любимец жрецов –
цвет «электрик» от серого я отличу.
Подари мне сапфир – талисман мудрецов!
Черно-белая жизнь мне давно по плечу.

* * *

Неровным клином вытянутый лес,
едва живой от собственной отваги,
трепещущий от каждой колымаги,
отчаянно несущейся в прогресс.

Какой-то реденький и сухонький на вид,
беспомощный, зажившийся не в меру.
Неужто ночью это он шумит,
вдыхая жизнь в большую атмосферу?!

* * *

*«По этой дороге, Мастер, по этой...»
М. Булгаков*

По небу тучи конницей –
все кончится, все кончится –
веками бьется истина
в томах, в домах, в висках.
Замки с законов сорваны,
и замки иллюзорные
уже давно разрушены
на выжженных песках.

Все кончится, все кончится –
угрюмо тени корчатся,
и пламя плавит светлую
озябшую свечу.
Я знаю, все кончается.
Не думай, я не сетую.
Пойдем дорогой этою,
пойдем. Я так хочу.

Сергей Гулин

Обменное бюро

Какой попутал черт? Какой там бес в ребро?
Гордыня, наконец, смирилась:
Я робко постучал в обменное бюро,
где ты меняешь гнев на милость.

Я перепутал все – обиду и вину,
я ждал твоих шагов навстречу,
не зная, как войду, кем буду, чем верну
и что спрошу, и что отвечу.

И крылья за спиной, и бездна впереди,
и кто-то отпер дверь неблизкий,
и кто-то дорогой отрезал: «Уходи!» –
и выстрелил замок английский.

Потом возник сосед и подмигнул хитро:
«Ну что, браток, пошли?» Пожалуй...
Мы пили во дворе обменного бюро,
под окнами твоей державы.

Он врал про корешей, про кражу, про тюрьму,
он врал, что полный срок отмерил.
Он думал, что щадит, что верю я ему,
он врал, а я кивал – и верил.

Я предпочту обман сочувствиям любим,
я тоже приведу примеры...
Как хочется любить и верить, что любим,
когда нет ни любви, ни веры.

* * *

Все реже, но зато мучительней и резче
часы, когда себя стараешься понять.
Как хорошо, что есть еще на свете вещи,
которые не надо, не надо объяснять.

Попробуй объясни, зачем ты лбом об стену,
когда к услугам дверь и невысок порог.
Как хорошо, что есть звонок на перемену,
которая, возможно, кому-то и урок.

Обманчивее нет предчувствия кончины –
тебя еще спасет неверная судьба.
Как хорошо, что есть тревога без причины,
которая сегодня совсем не за себя.

Ты ходишь по земле, обязанный кому-то
тем, что согрел его, и выходил, и спас.
Как хорошо, что есть счастливая минута,
которая как вечность или хотя бы час.

Два ангела

То к призраку метнусь, то к миражу:
в чужих домах подолгу я бываю,
в своем – постель согреть не успеваю
и снова с головою ухожу

в какой-нибудь чертог многоэтажный
и там кружу и маюсь, сам не свой,
полуутопленник в реке бумажной...
Два ангела летят над головой.

Залог тому, что никакая сила
нас не собьет, не разведет во мгле,
не разлучит, как это раньше было,
пока они ходили по земле.

Для вас, пожалуй, только птицы это,
но кто, как не они, все эти лета
вели меня, хранили, как могли...
Два ангела – родители мои.

Баллада о часовом мастере

Ни дочки господь не послал, ни сынишки...
Вчера и последнее взял. Ни души.
И самое время просить передышки –
какие там к черту с работы его барыши.

А мастер костюм выходной надевает,
торопятся часики, им не впервой.
Он белою скатертью стол покрывает,
он чай наливает в стакан и коньяк – во второй.

Не будет гостей никаких, только старость
сидит потихоньку в углу за спиной.
Вчера заявила она – и осталась,
и тикают часики, тикают наперебой.

И надо б избавиться от подозренья,
что это не старость глядит из угла.
И надо бы окна открыть хоть на время,
а время такое – слепые стоят зеркала.

Теперь промедленье совсем безопасно:
чем больше спешишь, тем сильней отстаешь,
ведь жаждут любые часы ежечасно
тебя самого провести и продать ни за грош.

А звезды все те же – других не бывает,
все та же планета летит по кривой,
все тот же нетронутый чай остывает,
да тикают часики, тикают над головой.

Николай Сомов

Обретение

Среди ночи проснулся, и вдруг:
Никого я не вижу вокруг.
Ни друзей, ни жены, ни родни –
Сочтены мои ночи и дни.
Так бывает, когда заболел
Самочувствием, что не у дел.
Но еще три часа, рассветет,
И какое-то дело придет.
И друзья, и жена, и родня –
Все появится вновь у меня.

В провинции

Просторные лежат снега в отчизне,
Среди лесов – широкие поля.
И думается: нет предела жизни,
Жить хорошо – и это знаю я.

Спокойные в полях мерцают дали,
Когда луна, когда сухой мороз.
И этот вид, как должно, чуть печален,
Но только чуть, а вовсе не до слез.

Вон там огни далекого селенья,
Где жители в своих делах мудры,
Они не знают праздности и лени,
Не грезят про заумные миры.

Они работают. Для них земля надежна.
Им время есть. И думы их просты.
Да по-иному им и невозможно –
Земля не терпит лжи и суеты.

И вижу я – чем взгляд уходит дальше,
Тем дальше мысль в глубины бытия.
И если нет в душе ни зла, ни фальши,
Жить хорошо – и это знаю я.

Ты

Ты – как поздняя радость моя на земле.
Для чего ты, откуда ты и почему?
Ты – осенняя ветвь у меня на столе.
Ты – озябшая роза в осеннем дому.

Буду, глаз не сводя, опекать и беречь,
Как огонь сберегают в холодной степи.
Жаль, печи нет, не то затопил бы я печь,
Чтоб тебя в этом доме от стужи спасти.

Наследство

На одно окошко домик,
Вдоль забора лес...
Ничего не надо, кроме
Жизни до небес,
И жасмина, и сирени
Тут же под окном,
С гостем – чая и ступенек
К разговорам перед сном,
Пробужденья на рассвете,
Птичьих голосов
О прекрасном этом лете.
Кроме этих снов,
Ничего не надо в жизни,
Кроме детских рук –
С ними мы в одной отчизне
Оказались вдруг.
Что же передать им, кроме
Родины своей?
На одно окошко домик?
И простор полей?
И романтику, и прочие
Звезды в небесах?
Белым днем и синей ночью
Ветер в парусах?
Жизнь мерцает в Интернете
Прагматична и мудра.
А конфликт «отцы и дети»
Вызрел не вчера.
Мы останемся до смерти
Вечно на своем.
Вот и адрес на конверте:
Лес, окошко, дом...

Домашний уик-энд

Не надо спешить на работу,
И вот, в полшестого утра
Вдруг вспомнишь, что это суббота
И что за компьютер пора.

Тайком проберешься за дверью
На кухню, и чаю нальешь,
И, глядя в окно, не поверишь,
Как день этот будет хорош.

Какая чудесная осень,
Где Пушкин когда-то гулял,
И дождик листву уже сносит
К поэту на пьедестал.

Любовью и лаской согретый,
Я выпью потом корвалол,
И выкурю полсигареты,
И сяду за письменный стол.

Ибрагим Биектаулы

* * *

Не паши чужое поле,
Семя там не сей, тем боле...

* * *

Погибает героизм –
Процветает эгоизм.

* * *

Все, в мире живущие, тронуты метой:
Кому-то – летать, кому – камнем на дно.
Немногим дано сверкнуть яркой кометой,
Но, слава Аллаху, – кому-то дано.

* * *

Бедняк – кому же нужен он?
Ушли: жена, друзья и сон.

* * *

Те, кто мысли изрекают,
В суть и плоть их облачают.

* * *

Время-кнут раба все бьет:
«Очи долу – и вперед!».
А ему все невдомек:
До Аллаха путь далек.

* * *

Язык любой имеет моду
То яду испускать, то меду.

* * *

Ангел, изгнанный из рая,
Будет съемщиком сарая.

Пушкину

Александр Сергеевич!
Вы искренне надеялись,
Что «взойдет заря».
Я тоже ждал – но... зря!

* * *

Вот и семьдесят лет,
Сходит время на нет,
А природа поет, тем не менее...
Жизнь всегда хороша,
Веселись же, душа,
И готовься к любой перемене!

* * *

Долго слушал песнь Осла я,
Чем обидел Соловья я.

Проблема

Наш Творец и наш Отец
Дал Адама наконец
Как всех дел своих венец.
От детей того «венца»
Мир страдает без конца –
Вот проблема для Творца!

* * *

Чтоб червям на корм не пригодиться,
Надо, видно, вовсе не родиться.

* * *

Те божьи твари, что из глины,
Из серебра пьют в именины..

Поэту

Перо твое – что топор.
Что вырубешь им, интересно?
Пегас твой даже на спор
Не вынесет к далям небесным.
И даже твоя Джульетта
Полюбит другого поэта.

* * *

Силы природы чудное творят:
Долю бальзама имеет и яд.

* * *

Задумайтесь вы, о, беспечно бредущие, –
А чем вас помянут потомки грядущие?

Перевод с татарского Николая Мрыхина

Ксения Новэра

* * *

Страдая, бьется сердце,
Его не убедишь,
Что жизнь – всего лишь дверца,
Ее не затворишь.

Я не была ни снегом,
Ни солнцем, ни дождем, –
То тьмой была, то светом.
Сказала: «Подождем!»

Прошу – никто не слышит.
Им всем не объяснить,
Кто без тебя не дышит,
Любя, не может жить.

А память убивает
И, мучая, кричит.
Все говорят: «Бывает.
Пройдет. Переболит».

Уходи

Уходи, я не держу.
Ты свободен, словно ветер.
Ничего я не скажу,
Ничего мне не ответишь.

Ты не бойся, я жива.
Будет все со мной в порядке.
Я сожгу любви слова,
Что написаны в тетрадке.

Снова снег летит с небес.
Рядом ты. Опять простужен.
Но внезапно ты исчез.
Я кричу: «Ты мне не нужен!».

Уходи, я не держу.
Будет все со мной в порядке.
Ничего я не скажу –
Я сожгла свои тетрадки!

Елена Бухтулова

Рябиновое

Любовь мне, Господи, прости
Мою нечаянную, позднюю.
Моей рябине срок цвести,
Когда давно другие с гроздьями.

Стоит зеленая до слез,
А уж иные листья сбросили.
Как защитить, когда мороз
Ударит крепкий поздней осенью?

* * *

В одиночество уйти, словно в дождь.
Дрожь дождинок, и вокруг никого.
Словно в облаке летишь и плывешь,
Ощущая тишины волшебство.

Свет неяркий, теплой влаги уют.
Ах, как думать обо всем тут легко.
Хорошо, что летом дождики льют,
Хорошо с дождем идти далеко.

Перемучаться тобой и забыть.
Ты души моей покой не тревожь.
Я попробую дожди полюбить,
Одиночество похоже на дождь.

* * *

Словно дальний звон, затихает звук,
Затихает звук, тишина вокруг,

Тишина вокруг, только снег упруг,
Только снег упруг после зимних вьюг,

После зимних вьюг крепок елей сон,
Крепок елей сон, здесь у белок дом,

Здесь у белок дом: скинут шишку вдруг,
Скинут шишку вдруг, гулким эхом стук,

Гулким эхом стук – до высоких крон.
До высоких крон затихает звон...

* * *

Все жены по сути – Сизифы.
Вот вымыты пол и плита:
Как радостно, чисто и тихо,
Какая кругом красота.

Но вот уже вечер, и дети
Устали, отправились спать,
А вещи – их будто в балете
Торнадо крутил в пируэте,
Потом разбросал по планете.
...С чего бы уборку начать?

Валерий Никулин

Зимняя баллада

С ветром прилетели к нам морозы,
Запуржила вьюга, замела,
Рассердившейся зимы угрозы
Эта круговерть нам принесла.

Ночью бушевала и свистела,
Как в угаре пьяный лиходея,
Что могла, своим крылом задела,
Как, на волю вырвавшись, злодей.

Утром стихла – не понять, что было,
Солнце появилось из-за туч,
Обласкало землю, осветило
Все вокруг, пустив янтарный луч.

Все, что ночью плакало, стонало,
Оказалось в белом серебре,
Принакрылось снежным покрывалом
И блестит на утренней заре.

Белый мех одел лохматый лапник,
Как кокетки, елочки стоят,
Дуб седой, как будто старый бабник,
В окруженье топольками взят.

Клен любовно обнялся с калиной –
Свадьбу сыграли под пургу,
Капли крови девушки невинной –
Ягоды калины на снегу.

* * *

Гадаю часто в одиночестве:
Чем занята сегодня ты?
И невидимкой быть мне хочется,
Чтоб за тобою вслед идти...

От зрелости назад в отрочество
Любовь построила мосты,
И сбудутся твои пророчества
И юности моей мечты...

И невзначай, как в детстве, хочется
Тебя коснуться... Уж, прости!
Хочу, чтоб не звала по отчеству,
А говорила мне на «ты»...

Как муза, силы даришь к творчеству
И стимул к новому пути.
Я буду звать тебя «Высочество!»,
Моя принцесса красоты.

Оды мороженому

I

В вафельном стаканчике –
Заснеженный нектар,
Душу освежающий
В солнца летний жар.
За глоток прохлады
Ничего не жаль,
И звенит средь лета
Снега пастораль...

II

В серебряной обертке
Негроид-эскимо,
Под шоколадной кожей,
Как снег, бело оно.
Полуденным светилом
Вокруг раскалены
Земля, вода и воздух,
А мы – охлаждены...

III

В розетке-нержавейке
Иль в тонком хрустале
Лежат снежки, как будто
На праздничном столе.
Гранатовые зерна
На сливочном снегу, –
Как капли, что теряют
Подранок на бегу...

Осенний роман

Осень – дожди, туманы,
Хрустящий лист под ногой.
Пустынны лесные поляны,
Где мы гуляем с тобой.

А нам никого не нужно –
Нам счастье дано на двоих.
И руки касаются нежно,
И радость в глазах твоих.

Осень – зимы предтеча,
А я вспоминаю: зной,
Твои обнаженные плечи
Склоняются надо мной...

Я помню лишь то, что будет,
Забыл я все, что прошло, –
Пусть жизнь круговерть закрутит,
Пусть лето давно ушло...

Осень – природы старость,
Грустящей перед зимой.
Но знаю я, это – младость
Нашей любви простой.

Неправда! Соврал, наверно,
И нету здесь простоты –
Есть сложное счастье, верность,
Есть я и, конечно, ты!..

Счастье

Как невесты, белые березы
В снежном одеянии стоят,
Не боятся сильного мороза,
Меж собой тихонько говорят.

Говорят о том, что дуб могучий
Почему-то в жены елку взял:
Неужели в целом лесе лучше
Он себе подруги не сыскал?

Может, просто рядом подвернулась,
Да всегда стройна и зелена,
Иль под настроенье улыбнулась,
Пробудившись как-то ото сна?

Но напрасно сетуют подруги,
Знать, пришла счастливая пора:
Хворого оставят все недуги,
Старости осыплется кора.

И стоят, не слыша шум деревьев,
Дуб могучий, елка зелена
Белые, как птицы в снежных перьях:
Гордый муж, счастливая жена.

* * *

Жизнь не поле – враз не перекаатишь,
Может, где-то в яму я попал,
Но любовь в ней долго не запрячешь,
Хоть и очень сильно я устал...

Выберусь без стонов, как мужчина,
Стенки разгребу или пробью,
Даже землю грызть мне не противно,
Потому, что я тебя люблю.

Я приговорен, я это знаю,
Только, и взойдя на эшафот,
О тебе подумаю, родная,
И любовь со мною не умрет.

* * *

Люблю хорошую бумагу,
Перо иль ручку, карандаш.
Они – как для дуэли шпага
Иль для охоты – патронташ.

И мысли без бумаги наги,
Она – как хлеб насущный наш.
И вот перо рождает саги,
Стихи, рисунки, рифмы, шарж...

Уколы слов больнее шпаги:
Коль в опытных руках перо,
То чудеса творит, как маги,
Иль как удача – на «зеро».

* * *

Под утро тихо спит природа,
И снится ей прекрасный сон,
Что вдруг задумались народы
Про мир, что в муках был рожден.

Греметь не стали больше взрывы,
Леса не стали вырубать,
Что все живое будет живо,
Никто не будет убивать.

Ей снится небо голубое,
Его не портит черный дым,
И море чистое такое,
И остров в море, нелюдим.

Растут на острове три пальмы:
Надежда, Вера и Любовь,
Бьет под горой родник хрустальный –
Прозрачная природы кровь.

Надежда – будут в мире разум
И чистота торжествовать,
А зло и грязь однажды разом
Вдруг прекратят существовать...

А Вера – в правду, справедливость,
Что сгинут ложь и клевета,
И, сбросив ложную стыдливость,
Пусть миром правит доброта...

Любовь – как высшая награда,
Как жизни цель, как счастья храм,
Где душу ждет твою отрада,
Куда приходит каждый сам...

Родник питает пальмы эти,
Листы их ветер шевелит.
Прекрасней места нет на свете,
Но... лишь в мечтах – природа спит...

Надежда Мирошниченко

Русский манифест

Валентину Распутину

Не столицами только ты славишься,
 Русь, но деревнями,
Там и тайна характера нашего, и ремесла.
Почему-то мы можем представить лягушек –
 царевнами,
Да и где бы сестрица козленочка-братца спасла?
Почему-то нам жаль целый мир, а себя не пожалуем
И последней рубахой воистину не дорожим.
И по Млечному запросто ходим, как будто по палубе,
И над золотом, кому посчастливится вдруг,
 не дрожим.

Он, конечно, не выгоден, этот характер невиданный
Прежде всех самому, да такой уж случился народ.
Ну, а я расцветаю, как будто девица на выданье,
То ли песню услышу, то ль в русский войду хоровод.

Пропадет моя Русь, так никто на земле
 и не выстоит.
Нету русским начала и, видно, не будет конца.
И какой бусурманишка в белую лебедь
 ни выстрелит,
Все вернется стрела и убьет самого же стрельца.

Что вы, черные вороны, по полю черному рыщете?
Что вы, черные вороги, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы не лучше, не хуже. Мы просто такие одни.

* * *

Он говорит, говорит, говорит
Все невпопад, невпопад, невпопад.
Господи! Что он еще натворит?!
Он понимает, что сам виноват.

Улицы стали как будто светлей.
Это от холода сердца в груди.
Ну, пожалей ты меня, пожалей.
Что теперь сделаешь? Все позади.

Дайте мне выбраться в солнечный сад.
Падают яблоки прямо в траву.
Не оглянуться бы только назад.
Я тогда просто не переживу.

Господи! Что же так сердце болит?
Воспоминанья теснятся подряд.
Он говорит-говорит-говорит.
Что же поделаешь? Все говорят.

Русский гимн

Вышита красным и черным по белому
Родины вещая суть.
В бешенстве тщится орда оголтелая
Крест ее перечеркнуть.

Колокола над вершинами подняты
В неба бездонную близь.
Это чтоб мы, неразумные, поняли:
Родина, объединись!

Родина! Рощицы, россыпи, роздыми,
Роздыхи – через судьбу.
Что же твой путь, не усыпанный розами,
Светит звездой во лбу?

Что ж твои отроки входят былинами
В сполохи пламенных лет?
Что же на песни твои журавлиные
Мира слетается свет?

Вот и открыты и тайны, и замыслы.
Вот нам и проще идти.
Самая русская и православная,
Лучше тебя не найти.

Светлая, чистая, чинная, смелая,
Вечно такую же будь.
Вышита черным и красным по белому
Родины высшая суть.

* * *

А всего и было, что душа.
Господи, какая это малость!
Ни плоха была, ни хороша,
А почти вселенною казалась.
А всего и было, что любовь.
Господи! Лишь одного прошу я:
Подари мне эту муку вновь
И не отбери, пока дышу я.

* * *

Эта жажда разговора со своим.
Это детское братанье – навсегда.
И наивное: потом договорим.
А потом и не бывает никогда.
Это вечное желание мое
Все собрать и воедино, и навек.
Это то, что называется «свое»,
По чему тоскует русский человек.

Владимир Тяптин

Национальная идея

Идет дискуссия, – немея,
В экраны смотрит вся страна:
Национальная идея –
Какая все-таки она?

Как возродить престиж России?
Что может нас объединить?
Каков наш путь, и кто мессия?
Чему нам верить и служить?

А все и просто, и безмерно –
Величье Родины и честь,
Служить Отечеству примерно –
Лишь в этом смысл и путь наш весь.

Мы – россияне. Без России
Великой, сильной – нам конец.
Отдать Отчизне жизнь и силы –
Лишь в этом жизни всей венец.

Хотя сейчас не в моде совесть,
В прицеле многих – чистоган, –
В другую верую я повесть:
России лучший жребий дан.

И пылким сердцем пламенея,
Я утверждаю по сему:

Национальная идея –
«Патриотизм спасет страну!».

Верю в Россию!

Верю в Россию, как верить могу
В высшую правду и Бога.
В сердце – Россия, как кровь на снегу,
Вечная боль и тревога.

Выше заботы, чем Родина, нет,
Эта забота священна.
Верю, наступит духовный рассвет,
Вырвутся души из плена.

Гордый Российский двуглавый орел
Трудности все одолеет,
Как Буревестник, взлетит на простор,
К солнцу пробиться сумеет.

Верю в великий российский народ
Верой без края и меры.
Зреет в нем силы могучий полет –
В этом залог моей веры.

Так уж устроен российский народ –
Трудности сил добавляют,
Долго он терпит, но крепко прижмет, –
Прочь все с дороги сметает!

Любовь Иванова

Цветок

Срезала розу я – милый шиповник,
Вазы хрусталь засиял на столе.
Ну, а герань заняла подоконник,
Мир наблюдая в оконном стекле.
Встречи, любовь, расставанья, интриги...
Между страницами юности книги
Я засушу этот дивный цветок –
Жизни моей лепесток.

Поэзия

Живу в себе, сама с собой
Веду внутри беседу
И размышляю над судьбой
Про ту себя и эту.
Что чувствует моя душа,
Чем дышит плоть вовне, –
Я размышляю не спеша.
И смотрит в сердце мне
Мой бог – моя поэзия...

Сон

Облако выткано лебеда пухом,
Сонные звезды встречают рассвет.
Робкого ветра слышатся звуки,
Нежности голос из прожитых лет:

В голосе мамином слышу заботу,
Мамины руки коснулись, любя...
Вряд ли мне чудится это сегодня, –
Да, это мама гостит у меня.

Мне удержать бы вот эти мгновения.
Мамино сердце теплей, чем весна.
Вот она сила любви. В упоении
Сердце стучит: «Мама помнит меня!».

И, возвращаясь из детских мечтаний,
Думаю только: нет, мама жива.
«Боже, спасибо за это свидание», –
Сердце мое отбивает слова.

Александр Гребенкин

* * *

В деревню, тоскою влекомый,
Вернусь я, не медля ни дня, –
Под крышу отцовского дома.
Присяду на миг у огня.
В печи разгорятся поленья,
И в комнате станет светлей.
Растают былые сомненья
В душе беспокойной моей.
Пусть колкий, порывистый ветер
Рябину за окнами гнет,
Но жить станет легче на свете,
И веру душа обретет.

* * *

Нет песен на свете чудесней,
Чем песни родимой земли.
И зимней порою, и вешней
Они с нами рядышком шли.

Их гордые пращурсы пели
И в сердце, как знамя, несли.
Мы к песне душой прикипели,
Для внуков ее сберегли.

Ее величавое слово
Светло над землею плывет.
Оно – нашей жизни основа –
Нас за душу властно берет.

Живем только так – не иначе,
Хоть жизнь наша – миг небольшой.
Поем и от радости плачем,
А в горе – мужаем душой.

* * *

Отчий край! Сторонушка родная!
Если станет вдруг невмоготу,
Снова детство молча вспоминаю,
Родников и речек чистоту.
Вот навстречу из сосновой чащи,
Средь осоки острой и хвощей,
Выбегает, песнями звенящий,
Никому не ведомый ручей,

А в кустах малиновка запела,
Наклевавшись ягоды хмельной...
Край родимый, что со мной ты сделал,
Окропив целебной водой?

Позабыл я мигом про усталость,
И тревоги чувство улеглось.
Так легко давно мне не дышалось,
Так светло давненько не жилось!

* * *

– Люблю!..– Сквозь времени туман
Мне из былого
В устах твоих, как талисман,
Звучало слово,
И в окруженьи воронья,
Где правды мало,
Средь словоблудья и вранья
Оно звучало
И, став основой жизни всей,
Горча полынью,
В душе израненной моей
Живет поныне.

* * *

Дождь моросит над головою,
От ветра ежатся сады,
И пахнет прелюю ботвою.
Земля намокла от воды.

Туман струится над долиной,
Мглою затянуло окоем.
И только старая рябина
Горит негаснущим огнем.

* * *

Жизнь – речка быстротечная –
По камушкам течет.
Твоя любовь сердечная
К себе меня влечет.

Глаза – озера синие.
Взгляд нежный твой ловлю.
Открой мне сердце, милая,
Я так тебя люблю!

Мне в наше счастье верится,
Оно нас ждет давно.
И нам с тобою встретиться
Судьбою суждено.

Жить не могу иначе я –
Взгляну в твои глаза,
И вспыхнет в них горячая,
Счастливая слеза.

Борис Левин

«ПИКОВАЯ ДАМА». ПРОРОЧЕСКАЯ ТРЕВОГА Историко-культурные наблюдения

Сегодня представляется актуальным проследить, каким образом архетипическая для всей европейской культуры идея рока находит в России XIX в. воплощение в образах бесчеловечно-безликой силы денег, разрушающей человеческие связи и, в конечном счете, самого человека. В европейской музыке одним из главных выразителей этой темы был Вагнер. Уместно вспомнить его известную метафору собственной тетралогии: «Если мы вообразим в руках нибелунга вместо золотого кольца биржевой портфель, мы получим законченную картину страшного образа призрачного владыки мира».¹ Первоформителем этой темы в России следует считать, очевидно, Гоголя в «Петербургских повестях». Одна из художественных кульминаций этой темы – роман «Преступление и наказание» Достоевского – имеет несомненное композиционно-смысловое сходство с «Пиковой Дамой» в своем центральном сюжетном повороте: одержимость идеей приводит героя к роковому столкновению со старухой, олицетворяющей эту идею.

Говоря о «Пиковой Даме», нужно ясно очертить своеобразие, которое выделяет ее и 6-ю симфонию из всего творчества П.И. Чайковского. Как всякий художник, Чайковский формирует и предполагает своего слушателя, – то собирательное «мы», к которому обращена его «весть». В этом «мы» Чайковского до 90-х годов часто преобладала обыденно-наивная парадигма волшебной сказки, что-то сродни прекраснороду Мендельсона (имеется в виду не только «Спящая Красавица», но и 4-я симфония, и даже «Манфред»). Жизнь в ореоле «искусства», жизнь «по-нарошку» – вот смысловой оттенок, окрашивающий многие произведения и вдруг отброшенный композитором в 6-й симфонии и «Пиковой Даме».

В большинстве сочинений Чайковского, созданных до «Пиковой Дамы», при всем их разнообразии и музыкальном совершенстве имело место глубинное несоответствие наивно-обыденного мироощущения и патетически возвышенной образности², которое Петр Ильич несомненно и сам чувствовал (об этом говорит

его оценка своей 5-й симфонии). Несответствие это связано, очевидно, с тем, что Чайковский долго оставался в плену представлений раннего романтизма с его исторически неоправданной поэтизацией русского дворянско-помещичьего уклада. Изображение этого уклада освещает и освящает добрую половину русской художественной культуры. Если обратиться к изображению этого быта в русском искусстве от Пушкина и Глинки до Чехова³ и «кучкистов», мы увидим, что Чайковский выделяется своей «тоской по идеалу». По известной фундаментальной закономерности /Л.Выготский/ в искусстве образы «идеальные», возвышенные нуждаются в уравновешивании юмором, трагедийностью, снижением стиля и т.п. Показателен отрицательный пример Вагнера с его титаническими, ослепительно светлыми или мрачными персонажами, которые вызывали насмешку Л.Толстого и не только.

До 90-х годов возвышенные образы Чайковского не уравновешивались ни иронией, ни скепсисом. Трагическое и возвышенное в его музыке часто носило «театральный» характер (например, «роскошно-трагические» проведения главной темы в «Манфреде», которые проигрывают по силе воздействия короткой фразе тромбонов в 4-й картине «Пиковой Дамы»). В параллель Чайковскому до 90-х можно поставить не трезво-скептического Чехова, как это делается по традиции, а скорее Тургенева (Лиза из «Пиковой Дамы» – героиня вполне тургеневская). Речь идет не о декларируемых принципах, а о позиции, которая вырисовывается из всего творчества художника.

Широко поэтизировали быт Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», Пушкин в «Повестях Белкина». Но их сюжеты основаны на, так сказать, «чертовщине случая». Как заметил Л.С. Выготский, сюжеты этих повестей трагичны, и именно эти несостоявшиеся или отчасти состоявшиеся трагедии придают художественную силу и глубину идилическим картинам быта.⁴ У Чайковского тяготение к светлым идеаль-

¹Р.Вагнер. Познай самого себя. Цит. по Б.В. Левик: Музыкальная литература зарубежных стран. – М.: Музыка, 1970.

²Нам слишком дорог Чайковский в целом, чтобы отказаться от выявления деталей эволюции его творчества.

³Социально-исторический аспект темы вынуждает обращаться к литературе чаще, чем к музыке, так как у литературы богаче связи с этой темой, а Чайковский – единственный русский композитор, подошедший к этой теме «изнутри», из лирики, а не в сатирическом или эпическом плане подобно «кучкистам».

⁴Л.Выготский, с.212.

ным образам, «моцартианство» до «Пиковой Дамы» не было уравновешено, как у самого Моцарта, трагизмом самых мажорных его вещей.⁵ Тем глубже восполняется оно трагизмом его последних шедевров.

Если представить все творчество Чайковского в виде одного большого произведения, то его можно было бы уподобить некоторым повестям и пьесам Чехова, где среди мирной, часто милой жизни прорывается в финале трагедия, обнажающая клубок антагонизмов в подкладке этой обыденности. «Пиковая Дама» и 6-я симфония явились бы этим трагическим финалом «повести».

Если продолжить сравнение Чайковского с его любимым Моцартом, то Чайковский 90-х – это Моцарт «Реквиема»: человек, который чувствует жизнь утекающей, как песок сквозь пальцы. Об этом он говорит в известном письме А.Глазунову: «Переживаю очень загадочную стадию на пути к могиле. Что-то такое совершается внутри меня, для меня самого непонятное. Какая-то усталость от жизни, какое-то разочарование: по временам безумная тоска... чувствую, что как будто моя песенка уже спета...».

Эта перемена мировосприятия Чайковского ко времени написания «Пиковой Дамы» была столь же значительна, как у Шостаковича при переходе от его балетов и 3-й симфонии к «Катерине» и 4-й. Если своеобразии художника или произведения представить как особенность его взгляда на отношение «сущего» к «должному», то можно сказать, что в «Пиковой Даме» Чайковский стал реальнее оценивать «сущее», взглянул «жизни в лицо». Поэтому символичность его музыкальных образов в «Пиковой Даме» достигла, используя координаты А.Ф.Лосева,⁶ ступени мифа, т.е. уровня актуально действующей исторической личности. С этой точки зрения Герман как художественный образ – это не только не офицер XVIII века (что было ясно уже современникам композитора), но и не интеллигент XIX. Герман как образ – это та сторона души каждого человека, которая обращена к «должному», в которой и ныне маниловские мечты сменяются иногда отчаянной идеей Раскольникова или Гамлета.

Глазами Германа дано все действие оперы. Моноцентризм этот таков, что дразнящие голоса на балу мы слышим как галлюцинации, звучащие в голове Германа, Сурин же с Чекалинским кажутся лишь материализацией этих голосов. Отсюда же известное «двоение» фигуры Графини, когда она видится то просто старой дамой, то роковым наваждением. Отсюда же необычный музыкальный полистилизм оперы, назначение которого – очуждение происходящего, видимого как бы глазами Германа. Это изумительные по музыке стилизации бальной и русской хоровой

музыки XVIII века, православной службы, раннего классицизма, армейских сигналов, городской песни и русской плясовой (в кульминации – подлинная музыка Гретри). При этом светлые, мажорные эпизоды и номера в опере явно тяготеют к декоративности, доходящей до пародийности (русская пляска во 2-й картине и «Игрецкая» в заключительной). Все это «вытесняет» музыкальную образность Германа и Лизы в «островок человечности», замыкает их, словами Т.Чередниченко, в «капсулу «Я», в которой замкнуто человеческое бытие».⁷ Таким образом, в каждой сцене появление «германовской катилень» сопровождается эффектом появления человеческого лица среди масок.⁸

Открыто прием очуждения выступает в Пасторали, повторяющей прием «сцены на сцене» «Гамлета», где Шекспир «допускает как бы условность в квадрате и... второй условностью затушевывает и скрывает невероятность первого плана».⁹ «Сцена на сцене» в Пасторали придает ощущение особой подлинности тому, что происходит вне нее. А сумасшествие Германа нуждается в придании ему правдоподобия: при страстной любви Германа его бред о трех картах после обретения им любви Лизы выглядит психологически неубедительно. «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе так же, как два тела не могут в физическом пространстве занимать одно и то же место», – заметил еще Пушкин. Этой неубедительности легко можно было бы избежать, если бы, не отходя далеко от пушкинского текста, не выписывать любовь Германа глубокой, а саму Лизу столь возвышенно-жертвенной. Однако Чайковский идет именно этим путем – путем напряжения ситуации до границ правдоподобия и, соответственно, напряжения средств драматургии до удержания этого правдоподобия. И все это – ради утверждения главной мысли либретто о разрушительности идеи трех карт в душе Германа.

Принимая во внимание глубокое отношение Пушкина к случаю, к «судьбе» / А.Синявский/, смысл этой стороны его «Пиковой Дамы» можно принять близким поговорке «Не садись не в свои сани»: судьба жестоко смеется над попыткой расчетливо «припрять» случайность в лице молодой воспитанницы при Графине, владеющей тайной. Традиционный «сюжетный» офицер должен был бы преуспеть в любви, а три карты уже как-нибудь сами свалились бы ему в руки (стоит вспомнить здесь «Выстрел» или «Метель»).

В опере отношение к случаю и судьбе иное, чем у Пушкина. Вызов Германа судьбе – это не расчет игрока (как у Пушкина в «Пиковой Даме») и не дерзость бретера (как в «Выстреле»), а бунт отчаяния, заранее обреченный. Случай здесь пролагает путь

⁵Г.Чичерин, с.130, 147-160.

⁶А.Лосев, 1976, с.166-174.

⁷Т.Чередниченко, с.270.

⁸Что отличает «Пиковую Даму» от опер эстетики веризма, где окружение и герой музыкально более однородны.

⁹Л.Выготский с.180.

Фатуму. Уже в 1-й картине квинтет «Мне страшно» возникает немотивированно, необъяснимо. Показательно и то, как изменился в либретто образ Лизы, поскольку в общей композиции отношение Германа к Лизе – показатель того, кто и что он есть. У Пушкина обстоятельство, что Лиза живет при Графине, – случайность анекдотическая, для оперного Германа Лиза – ступенька к Графине. В опере эта случайность по смыслу роковая, а во времени – обратная: вначале возникает любовь Германа, а затем уже появляется фигура Графини. Во 2-й картине это становится еще явственнее: Графиня появляется в момент признания.

Дыхание Фатума особенно наглядно в той иррациональной неотступности случая, с которой на протяжении всего действия за Лизой, за мыслью о ней или даже ее запиской сразу же следует явление Графини, голосов или мыслей о ней, о трех картах. Это тот ответ Судьбы, который открыто звучит только в партии тромбонов (сцена в спальне) после мольбы Германа «Откройтесь мне!». Герман этого ответа не понимает и потому гибнет. Все дальнейшее действие – его агония, реализация «ответа Судьбы».

Следует отметить и особенность темы Графини, которая в виде хроматической секвенции в своем развитии тяготеет к разрушению тональности (речь не об атонализме, который выступает принципом организующим, а о деструктивной тенденции этой темы). Эта тенденция звучит особенно остро на фоне тематизма тонально традиционного. В сочетании с почти Бетховенской концентрацией ритмо-интонации тема Графини в опере является наиболее музыкально действенной, хотя она уступает по времени звучания и тематизму темам главных героев и музыке «фона» действия.

Элементы иррациональности в сценическом действии и в тематизме при лирическом моноцентризме оперы и симфонический масштаб музыки создают эффект, при котором помрачение Германа начинает выступать не как его внутреннее состояние, а как состояние мира: «сумерки богов». Таким образом, «Пиковая Дама» выступает аналогом тетралогии Вагнера, потому что также пророчествует о потрясении культуры, основанной на примате индивидуализма, или, говоря словами А.Ф. Лосева, на «самоутверждении отъединившихся индивидуальностей».¹⁰

Поэтому так мифологичен, т.е. жизненно актуален, в понимании Лосева,¹¹ образ Графини. У нее мало общего с Графиней Пушкина. Аналогией может служить скорее тень Петра из «Медного всадника», который из всех Пушкинских произведений ближе всего опере Чайковского: по общему образному строю, по масштабу и трагизму противостояния и торжественно-сумрачной атмосфере. Медный

Всадник несоизмерим с образом Евгения так же, как образ Графини-Фатума с Германом. Тем ярче различия этих произведений. Главному герою в «Медном всаднике» противостоит персона историческая, хотя и мифологизированная, идея государства, уже исторически явленная: соблюдена дистанция, позволяющая охватить одним взглядом целое в его антагонистических частях – рвущаяся из берегов Россия и «маленький человек».

В произведении Пушкина сохраняется равновесие горизонтالي повествования и вертикали смысла. В «Пиковой Даме» эта горизонталь замкнута в круг внутри гнетущего смысла: краткое финальное просветление композиционно закругляет последнюю картину, однако оно явно не призвано служить уравновешивающим завершением всей оперы. Общее выражение «Пиковой Дамы» получается вопросительным, и в ответ память и воображение пускаются вновь по кругу сюжета.

Смысл образов Графини и трех карт как символов Фатума проступает яснее, если проследить эволюцию родственных образов в симфониях Чайковского. Показательно изменение темы Фатума от 4-й симфонии к 6-й.

В 4-й тема дается сразу фортиссимо, «в полный цвет», в высоком регистре и интонируется предельно сухо и скупо. Эта тема – междометие, эмблема, где неразличимы смысловые детали. Она вторгается извне, сверху, издалека.

В 5-й вступительное проведение аналогичной темы дано исподволь, оно очеловечено задержаниями, эллипсисами сомнения. Образ обретает глубину: здесь и угроза, и скорбные вздохи. Этот образ – рядом, близко.

И, наконец, в 6-й образ рока вообще не имеет постоянной тематической «привязки». Вступление дает образ настолько обобщенно-объемлющий, что его можно определить только с помощью предельных категорий, например, «человечество» или «жизнь», как намеревался первоначально озаглавить симфонию сам Чайковский. То, что поднимается из глубин «первобытной» квинты¹², неназываемо и неотвратимо: образ Фатума насыщает воздух всей симфонии.

Таким образом, из несколько декларативной, не лишённой нарядности эмблемы в 4-й симфонии образ рока постепенно становится смыслом атмосферы в 6-й. Этот образ – полюс, вокруг которого выстраивается движение всего произведения. Аналогичным образом Графиня противостоит Герману не как персона, не в действии, а композиционно-музыкально, по смыслу. В этом ее роль аналогична роли призрака отца Гамлета с той лишь разницей, что о роковой тайне повествует за Графиню Томский. Участие Графини в действии сводится фактически к присутствию,

¹⁰ А. Лосев, 1995, с. 683-691.

¹¹ А. Лосев, 1976, с. 168-185.

¹² Можно вспомнить аналогичный по своей обобщенности образ вступления 9-й симфонии Бетховена, также вырастающий из квинты.

но ее сценическое бездействие возмещается активностью ее темы. Как Фатум в 6-й симфонии, три карты и символизирующая их Графиня – это музыкально-смысловой полюс. Вторым полюсом является, разумеется, любовь Германа. В этом пространстве его душа движется к катастрофе.

С точки зрения реализма (да и романтизма тоже) непонятно, отчего ломается судьба Германа: нет ни «родового проклятья» как в операх Вагнера, ни принципиального столкновения с обществом. Для Даргомыжского аналогичная ситуация (бедный влюбленный знатной невесты) послужила поводом к созданию сатирически-бытового «Титулярного советника». Не сойди Герман с ума, он вполне мог бы жениться на богатой наследнице. Единственный, перед кем он виноват, – Елецкий. Но координаты оперы Чайковского таковы, что как раз Елецкий вопреки рассудочным резонам сочувствия не вызывает. Остается одно, в чем рациональный взгляд XIX века мог бы упрекнуть Германа: в нарушении евангельского «не пожелай». Однако в моноцентрических координатах оперы именно это обстоятельство оказывается глубоко катастрофичным: зло обретает силу в душе Германа, и этого достаточно, чтобы и его, и остальных вовлечь в гибельные события. Герману еще возвращается разум и тем самым как бы возвращается Лиза (тремоло струнных), но все это – умирающему, вышедшему из жизненного круга: любовь его, его душа – гости неземные.

Герман несет в себе задатки порока, что не удивительно, учитывая характер его литературного прототипа, однако явно не соответствует ни духу, ни образному строю, ни эстетике оперы Чайковского. Из духа и логики оперы следует скорее обратное: Герман подвержен притяжению зловещей тайны именно как самый благородный из персонажей. Германа губит не романтическая «порочная страсть» к игре, женщине, богатству, которая по-человечески понятна, а нечто совсем иное: он сталкивается с неким зловещим, бесчеловечным принципом существования, воплощенным в Графине. М.Ш. Бонфельду (Материалы конференции 1980 года в Воткинске, посвященной Чайковскому) принадлежит глубокое наблюдение о том, что персоне Графини – это олицетворение того жизненного выбора, который она сама некогда совершила, и перед которым стоит теперь Герман. Его губит некая несоразмерная человеку тень, равнодушная и безлика.

В ряду подобных образов «Город-спрут» Г.Малера, «образы зла» Ф.Кафки, Д.Шостаковича, Э. Ионеско, собирательные образы обывателей из пьес Е.Шварца, зловещие силы из романа Д.Р.Толкиена. Объединяет их безликость и иррациональность, в чем их глубокое отличие от отрицательных персонажей Достоевского. Все это – образы XX–XXI столетий. Корни иррациональности этих образов в том, что для каждого нового поколения историческое движение необъяснимо. В свое время покров иррациональности приподнимался над этими образами мыслью Маркса: эти

зловеще-безликие силы – воплощение социальных отношений, основанных на требованиях рынка.

Взгляд Чайковского в «Пиковой Даме» направлен сквозь действие и текст либретто на смысл образного целого. И как бы ни трактовалось содержание этого целого оперы, очевидным остается ее основной эмоционально-содержательный тон: чувство неизбежности надвигающегося несчастья. Так в первом приближении можно обозначить смысл образа-мифа «Пиковой Дамы», важный по отношению к теме «Россия 1890-х».

В композиции оперы с самого начала прослеживается принцип, который можно назвать «от света к мраку»: от детского марша – к квинтету «Мне страшно», от светлого дуэта «Уж поздно» – к романсу Полины, от бального торжества – к болезненным кошмарам Германа. К 3-му действию логика этого принципа выступает в обнаженном виде: дуэт «О да, миновали страданья» звучит хрупкой идиллией на краю бездны, точно так же звучит ария Германа в финальной сцене. В драматургии оперы, таким образом, последовательно формируется взгляд, прозревающий нечто, стоящее за внешним действием. Это нечто – мрачная тень иррационального образа судьбы. В 1890-х за внешне благополучными формами жизни, которые ранее представляли милыми, Чайковский начинает прозревать приближение чего-то, чему в XIX веке еще нет названия. Только с исторической дистанции более ста лет мы можем догадываться, что мог предчувствовать столь чуткий человек.

Взгляд художника на современность определяется тем, насколько в его представлении «сущее» приближается к «должному», насколько современная ему реальность отвечает его представлениям об идеале. Осознание дистанции до «должного» у Чайковского к 90-м изменилось. Следует предположить, что к 90-м Чайковскому-человеку становится все труднее нести бремя Чайковского-художника. Стоит привести слова Л.Шестова о Чехове, которые вполне можно отнести и к Чайковскому: «В «Иванове» главный герой сравнивает себя с надорвавшимся рабочим... Чехов надорвался, в этом почти не может быть сомнения». Если «надрыв» здесь понимать как надлом надежд и мировоззрения, то это вполне правдоподобно в отношении Чайковского. 90-е годы для Чайковского – годы признания, но вместо успокоения или просветления мы слышим в музыке и читаем про усиление трагического начала, как в вышеприведенном письме. Именно ощущение трагизма дает глубину и «Щелкунчику», самому значительному из балетов Чайковского.

Чайковский, в отличие от «кучкистов», не обращался к сочинению эпических и сатирических произведений, смысл которых соотносился бы с действительностью более или менее непосредственно. Исторические и сказочные темы звучат у него субъективно-лирически (И.Соллертинский, с.17). Тем не менее, его популярность на протяжении XX века была чрезвычайно высока, что объясняется не только «доходчивостью» его музыки, под которой обычно

Графиня. Художник Олег Ефремов

подразумевается кантиленная мелодика, насыщенная секвенциями. Востребованность его музыки объяснима в большой степени той жизненной позицией, которая в ней выявляется.

Многие произведения Чайковского способны восприниматься как родные, но в «Пиковой Даме» так же, как в 6-й симфонии, гений художника выразился в такой степени, которая не позволяет из-за их жгучей актуальности включить их целиком в круг родственного. Близость их не родственная, но – родовая, которую каждый раз необходимо пережить заново, чтобы к ней приобщиться.¹³

Заманчиво было бы подвести под идею оперы историко-реалистический базис, как это делает, например, Вагнер, и объявить, что Чайковский предчувствовал социальные потрясения, назревающие в России с конца XIX века. Однако это было бы неоправданным сужением смысла гениального произведения. Труднее, но плодотворнее попытаться соотнести «должное» художественной позиции Чайковского, сказавшейся в «Пиковой Даме», с сегодняшним «сущим».

Литература

1. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987.
2. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976.
3. Лосев А.Ф. Философский комментарий к драмам Р.Вагнера // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. – М.: Мысль, 1995.
4. Синявский А. Прогулки с Пушкиным. – СПб.: Всемирное слово, 1993.
5. Соллертинский И.И. Исторические типы симфонической драматургии. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1963.
6. Цветаева М. Эпос и лирика современной России // «Благословляю вас...». – М.: Эксмо, 2001.
7. Чередниченко Т.В. Музыкальный запас. 70-е. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
8. Чичерин Г.В. Моцарт. – Л.: Музыка, 1973.
9. Шестов Л. Творчество из ничего. А.П. Чехов. – Опубликовано в сети.
10. Эльконин Б.Д. Психология развития. – М.: Академия, 2001.

Германия

**Ариадна Голубкова
Александр Корепанов**

ХОРОВОЕ ТВОРЧЕСТВО ГЕРМАНА КОРЕПАНОВА

Значительное место в песенно-хоровом творчестве Германа Корепанова занимают крупные сочинения для хора, солистов и оркестра: кантаты, сюиты, хоры а капелла. 50-е годы – время появления сюит Г.Корепанова «Вордскем лудьес» («Родные поля»), «Асьмелэн егит дырмь» («Наша молодость»), кантат «Октябрьлэн шундыез» («Солнце Октября»), «Дано егит дыр» («Славная молодость»). Их характерные черты – доминирование песенного начала, подчиненная роль оркестра, отсутствие музыкально-драматургического целого.

Основная тема сюиты для хора, оркестра, солистов и чтеца «Асьмелэн егит дырмь» («Наша молодость») на стихи С.Широбокова – восстановление трудовой жизни после Отечественной войны, созидательный труд во имя мира. Раскрытие темы дано через образы родного края. Воспеваются речные просторы Камы, Волги, восхваляется труд, молодежь. С.Широбоков опирается в выборе изобразительных средств на народную песню позднего происхождения, но сужает ее образность, уходит от созерцательности и описательности, присущих народной песне, что дает возможность поэту выявить эмоциональную насыщенность

художественной речи и, в связи с этим, делает более четкой задачу композитора.

Музыка сюиты основана на песенном материале. Ряд частей – хоры «Чукна» («Утро»), «Родной Кам шурмь» («Родная Кама-река») и сольный раздел «Волгалэн чагыр вуэз» («Голубая вода Волги») – продолжают традиции песен о родном крае и звучат степенно, широко, торжественно. Интонационный материал этих разделов содержит близкие народной песне пентатонные обороты, которые «включены» в интенсивное мелодическое развитие, основанное на варьировании небольших интонационных ячеек темы, на свободном развертывании тематического материала с интересной кульминационной зоной, со значительными метроритмическими контрастами.

Значительный интерес представляют разделы сюиты, интонационный материал которых и общий характер хорового звучания близок удмуртской народной песне. Это хор «Ой, курыт!» («Ой, горько»), а также два хора с музыкально-тематическим материалом частушечного плана «Сычеесь милям ныльес» («Такие наши девушки») и «Келян» («Провожающие»).

¹³ Б.Эльконин, с.66.

В сюите 10 частей. Некоторые разделы построены в традициях русской советской массовой песни, – например, хор «Егитьеслэн кырзанзы» («Молодежная песня»). Он близок современным массовым молодежным песням, назовем хотя бы песни А.Новикова. Сюиты в музыкально-стилевом плане (если под стилем понимать историческую категорию выразительно-конструктивных средств в рамках канонов эпохи) явились переходными сочинениями от цикла хоровых песен к кантате и сюите как жанрам профессионального искусства. Они расценивались композитором как массовые панегирические сочинения, которые были характерны для музыкальной концертной жизни послевоенной эпохи.

В ином стилевом плане написана одночастная кантата «Зечкылан» («Здравница») для хора с оркестром на стихи Г.Сабитова в переводе А.Демьянова. Кантата имеет подзаголовок «Юбилейная» и, написанная в 1980 году к 60-летию Удмуртии, отличается торжественностью звучания и единством тематического развития.

Характеризуя особенности хорового письма кантаты, написанной для смешанного состава, следует назвать, прежде всего, мелодическую функцию хора и верность декламации. Слово диктует ритмический акцент, подъемы и спады мелодии. Четырехголосная хоровая фактура кантаты также наполнена интенсивным мелодическим развитием: отдельные голоса либо объединяются, либо образуют контрапунктические структуры.

Германом Корепановым были написаны хоры а капелла «Зарни сизьыл» («Золотая осень») на стихи С.Широбокова в переводе В.Семакина (1953), «Сизьыл кырзан» («Осенняя песня») на стихи А.Вотякова в переводе О.Поскребышева (1964), «Тау тыныд, солдат» («Слава тебе, солдат») на стихи А.Вотякова в переводе О.Поскребышева (1970), «Нунал мед луоз шундые!» («Пусть будет солнечным день!») на стихи С.Перевощикова, Г.Сабитова, А.Вотякова в переводе О.Поскребышева. Они стали вершиной не только хорового творчества а капелла Г.Корепанова, но и всей удмуртской хоровой музыки в этом жанре. Главное в этих сочинениях – более сложные художественные задачи, более сложные словесно-музыкальные художественные образы и приоритетное, глубоко осмысленное внимание к произношению текста: творческий замысел композитора, работающего в этом жанре, как считают многие известные деятели хорового искусства, определяется именно текстом.

В содержании хоров а капелла есть общие черты: это воспоминания о прожитой жизни, о войне («Зарни сизьыл», «Сизьыл нырзан»), размышления у памятника солдату («Тау тыныд, солдат»). Суровые воспоминания значительно опоэтизированы и смягчены зарисовками картин природы, но главная тема поэтических строк – философское

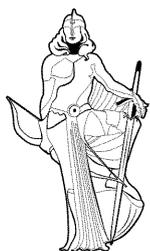
размышление перенесшего войну солдата – остается осязаемой, определяющей музыкальный образ. В истории российской музыкальной культуры подобные задачи раскрытия философских основ поэтического произведения в хоровых сочинениях а капелла мы находим у Н.Римского-Корсакова, П.Чеснокова, С.Танеева, Д.Шостаковича.

Отличие произведений Германа Корепанова – в новом подходе к принципам музыкального мышления и технике хорового письма. Особенно показательным является использование полифонических приемов развития и выделение в хоровых сочинениях слова не как эмоции, а как декламации в многоголосной хоровой партитуре. «Современная полифония, – пишет М.Н. Мамаева, – это не только тип многоголосия, она эффективно проявляет себя в других сферах музыкальной организации, ...наиболее полно звучит на уровне письма, в преобладании приемов контрапунктической техники..., а также в создании индивидуального «пространственно-звукового облика фактуры».

В хоре «Зарни сизьыл» («Золотая осень»), написанном для смешанного состава, мы встречаем небольшие имитационные включения, в хоре «Сизьыл кырзан» («Осенняя песня»), где также преобладает гомофонно-гармоническое изложение, композитор использует каноническую имитацию, что делает живой и подвижной теноровую и басовую партии. В значительной по масштабам хоровой фреске «Дан тыныд, солдат!» («Слава тебе, солдат»), основанной на сопоставлении нескольких образов, полифоническое изложение имеет разные приемы выделения текста: имитацию, удвоение хоровых партий, в которых звучат «ключевые» слова, помещение наиболее важных слов в крайние голоса партитуры и т.д. Именно здесь можно наблюдать интерес композитора к тембровой стороне звучания хора. Композитор охотно использует темброво-регистровые краски хоровой фактуры: звучание полных рабочих диапазонов голосов, сопоставление туги и отдельных голосов, поочередное проведение темы у разных хоровых групп.

Музыкальные образы этих хоровых сочинений обусловлены логикой текста. В цезурах, паузах, выдержанных звуках проявляется вокальная природа творчества, опора на певческие возможности, на дыхание. В первом хоре привлекает прозрачность звучания, лаконизм выразительных средств. Можно выделить как типичную для хорового творчества Г.Корепанова ведущую тему с двумя опорами на тонике и квинте лада, симметричную по структуре. Композитор использует принцип монотематизма. Во втором хоре интересен процесс «развертывания» статичной темы, близкой по характеру к эмоциональному высказыванию, наличие значительной кульминационной зоны и постепенное успокоение и затухание звучности.

Наталья Гущина-Закирова

КОРОЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ГГПИ

История города Глазова – одного из центров науки и культуры современной Удмуртии – необыкновенно богата. Но особое место в судьбе Вятского края, Глазова и Удмуртии занимает личность В.Г. Короленко.

130 лет назад неизвестным студентом прибыл он в глазовскую ссылку и прожил здесь с 3 июня по 25 октября 1879 года. По собственному признанию Короленко, именно на нашей земле начался процесс постепенного избавления от народнических иллюзий, продолжилось активное самообразование и, наконец, решился вопрос о жизненном предназначении: писатель победил в нем революционера.

Глазовские страницы представлены в наследии писателя в очерках «Собор с зарокотом», «Ненасущий город», «Чудная», в повести «Глушь», в рассказах волжского цикла «Ушел» и «Птицы небесные», в итоговой книге «История моего современника», в письмах, дневниках и записных книжках.

Жизнь, личность, талант Короленко уникальны. Память о нем в Удмуртии увековечена в названиях улиц, библиотек, театра, села (Старый Мултан ныне – село Короленко). Более полувека из своих шестидесяти носит имя Короленко Глазовский педагогический институт.

Работавший в ГГПИ в 40–50-е годы доцент Н.С. Смолко и его статьи «Три редакции очерка В.Г. Короленко «Ненасущий город», «Молодой Короленко и Глеб Успенский» и «Первый период литературной деятельности В.Г. Короленко», вышедшие в 1964 году, заложили основные направления глазовского королениковедения в последующие годы: биографическое, социологическое, краеведческое, текстологическое, историко-литературное и сравнительно-типологическое.

Эстафета была подхвачена пять лет спустя Л.А. Чешковой, доцентом кафедры литературы. Интерес к королениковской тематике в научном наследии Л.А. Чешковой отличался завидным постоянством, свежестью наблюдений, глубиной и обстоятельностью анализа. Выход в свет в 1971 году книги краеведа М.И. Буни «Глазовские находки», а затем работы «В.Г. Короленко в Удмуртии», встреча автора с коллективом кафедры литературы и развернувшаяся научная дискуссия стимулировали изучение глазовского периода в жизни и творчестве В.Г. Короленко.

С середины 1970-х годов в ГГПИ начинается изучение подлинных документов архивов Кирова, Ижевска и его глазовского филиала, устанавливаются связи с московским литературоведом и библиографом А.В. Храбовицким. Студентами выполняются курсовые и дипломные работы по королениковской тематике. Возглавил эту работу кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ГГПИ, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР А.Г. Татаринцев. Под его руководством в 1979 году в институте состоялось межвузовское координационное совещание, посвященное творчеству писателя и приуроченное к столетию его пребывания в Глазове. Четырнадцать докладов подготовлено преподавателями ГГПИ, остальные – гостями из Ижевска, Кирова, Воронежа, Костромы и Волгограда. Были рассмотрены различные аспекты королениковедения и, прежде всего, – ранние этапы творчества писателя, проблематика, жанровая специфика его наследия, особенности языка и стиля. При всем многообразии тематики докладов они не были разбиты на секции и прозвучали для всех участников совещания, к началу которого были изданы тезисы.

Следующая Короленковская конференция, названная Межвузовским координационным совещанием по проблеме «В.Г. Короленко и русская литература», состоялась в ГГПИ в 1984 году. В ней участвовали ученые из Воронежа, Свердловска, Ижевска, Кирова и Якутска. В пятнадцати докладах были проанализированы различные аспекты проблемы внутривузовских связей: от королениковской интерпретации древнерусской литературы до выявления влияния писателя на литературу Якутии. Восемь из прозвучавших на конференции докладов стали основой межвузовского сборника научных трудов «В.Г. Короленко и русская литература».

С этого времени в ГГПИ по-настоящему утвердилось королениковская проблематика, зарегистрированная в научном секторе как госбюджетная научная тема кафедры литературы, коллектив которой под руководством А.Г. Татаринцева подготовил в 1988 году книгу «Глазов в жизни и творчестве В.Г. Короленко». Вышедшая в издательстве «Удмуртия» небольшим тиражом, эта книга стала библиографической редкостью и получила высокую оценку

самого взыскательного короленковед А.В. Храбовицкого. На основе многочисленных архивных документов авторский коллектив в составе А.Г. Татаринцева, В.В. Захарова, Н.Н. Гущиной, С.И. Софроновой, Ю.П. Деминой наиболее полно восстановил обстоятельства пребывания В.Г. Короленко в Глазове: круг общения, место жительства и маршруты, прототипы героев произведений.

Третья Короленковская конференция состоялась в ГГПИ в октябре 1991 года. Она получила статус зональной научной конференции и, по нашей инициативе, стала впервые именоваться Короленковскими чтениями. В чтениях приняли участие свыше тридцати ученых, учителей-методистов, работников музеев и библиотек страны. Значительно расширилась «география»: помимо ижевских, Кировских и свердловских, конференция привлекла внимание ученых Москвы, Нижнего Новгорода, Челябинска, Арзамаса, Донецка, Орска, Якутии, Марийской республики, восточного Казахстана. К началу работы конференции были изданы тезисы, в которых отразились наиболее важные проблемы исследований: преемственность и традиции в русской литературе, общественная деятельность, литературно-критическое и публицистическое наследие В.Г. Короленко, методика изучения его произведений в вузе и школе.

Внучка В.Г. Короленко С.К. Ляхович, приветствуя открытие конференции телефонограммой, обратилась к ее участникам со следующими словами: «В трудное время собрались вы проводить эту конференцию. Два горьких юбилея в 1991 году: 70-летие со дня смерти Короленко и 100-летие страшного голода в Поволжье. Я рада, что память о Короленко жива, а интерес к нему все возрастает. Свидетельство тому и ваши третьи Короленковские чтения. Приветствую всех участников конференции и студенчество Глазовского института!».

К моменту проведения в Глазове IV Короленковских чтений в 1996 году ГГПИ снискал себе славу центра короленковедения. Красноречивы статистические данные: тридцать восемь участников научно-практической конференции из различных регионов от Москвы до Лесосибирска работали два дня в трех секциях: «Короленковедение и проблема изучения русской литературы», «Литературное краеведение и региональный компонент в образовании», «Методика изучения художественных произведений в вузе и школе». Чтения собрали не только исследователей творчества Короленко, но и фольклористов, этнографов, краеведов, методистов, библиотекарей, лингвистов и сотрудников музеев. Учредителями чтений, помимо ГГПИ, выступили Комитет по делам национальностей при правительстве Удмуртской Республики, Отдел культуры администрации г. Глазова, Публичная научная библиотека им. В.Г. Короленко, в стенах которой работала самостоятельная секция. К началу конференции были изданы тезисы докладов.

Пятое Короленковское чтение, начавшиеся от-

крытием бюста писателя у здания ГГПИ, были значительно шире предыдущих. Из семидесяти двух докладчиков, приехавших из Мурманска и Тайваня, из Якутска и Мюнхена, было сформировано пять секций, три из которых отражали методический аспект гуманитарного образования.

К участникам чтений обратился с письмом заслуженный деятель науки, профессор А.Г. Татаринцев, внесший большой вклад в изучение жизни и творчества В.Г.Короленко: «Дорогие друзья-сподвижники! Дорогие коллеги по интересу к жизни и творчеству великого гуманиста! Дорогие гости! Как бы я хотел быть с вами, не могу выразить словами! Поблагодарить всех «разом» и каждого по отдельности, особенно «ветеранов» короленковедения нашего института, за то доброе и в высшей степени полезное, как теперь это уже видно, дело, которое было начато еще 20 лет назад, подхвачено, продолжено вами и продолжается ныне! Не мне, а вам судить, такое ли это большое дело. Пусть каждый задумается над этим вопросом. Уверен, каждый скажет: «Нет, не уронили мы звания института имени В.Г. Короленко. Напротив, оправдали его, доказав, что не ради престижа только мы взяли на себя роль инициаторов, а ради истины, которая, говоря словами А.Н. Радищева, «есть высшее божество!». Истины не вообще, а конкретно истинных обстоятельств жизни и творческих замыслов В.Г. Короленко в Глазове и о Глазове же. Нам не пришлось, как это бывает порой, «пробивать» задуманное дело. Мы получили всю возможную поддержку, одобрение, помощь со стороны ректората, получаем и, уверен, получим ее впредь. Поздравляю всех с 60-летием института! Желаю успеха в работе конференции, удовлетворения от участия в ней».

На пленарных и секционных заседаниях присутствовало свыше 200 студентов. Они могли оценить достижения в области короленковедения и гуманитарных наук преподавателей ГГПИ, докторов наук А.С. Измайловой (Ижевск), Л.И. Донецких (Ижевск), Т.Н. Доценко (Пермь), а также молодого исследователя из Германии (Мюнхен).

Работа VI Короленковских чтений началась 1 октября 2002 года в день 75-летия основателя и организатора короленковского движения в Глазове, заслуженного деятеля науки Удмуртии Александра Григорьевича Татаринцева. Коллеги известного ученого, исследователи из Кирова, Челябинска, Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга сосредоточили внимание на вопросах современного короленковедения и методике преподавания творчества Короленко в вузе и школе. Специальная секция «Фольклор и краеведение» была данью признательности юбиляру – основателю богатейшего в республике фольклорного фонда, на материалах которого издаются сборники, научные статьи, диссертации, пишутся курсовые и дипломные работы.

В рамках Всероссийской научной конференции прозвучали выступления по проблемам русской и зарубежной литературы, по краеведению. Отдельная

секция объединяла доклады по актуальным проблемам гуманитарных наук. Впервые в истории Короленковских чтений у молодежи – студентов и школьников – появилась возможность поделиться своими научными изысканиями и опубликовать тезисы докладов.

Короленковские чтения сегодня привлекают не только россиян, но и исследователей из других стран: Испании, Германии, Америки, Китая, Финляндии. Начиная с прошедших в 2004 году VII, Короленковские чтения получили статус международных.

В минувшем году, году 155-летия писателя и 330-летия Глазова, прошла восьмая по счету короленковская конференция «Культура провинции: история и современность». В ней участвовало семьдесят пять исследователей, и работало 5 секций: по проблемам этнокультуры народов России, глазоведению, вопросам гуманитарного образования и воспитания, библиотечному делу и, разумеется, по проблемам изучения жизни и творчества В.Г.Короленко. Основной состав участников международного короленковского форума – ученые вузов Удмуртии, Татарии, Башкирии, Чувашии, представители различных городов России от Москвы до Омска, а также исследователи из Финляндии, США, Франции. В их числе – учителя, сотрудники музеев, библиотек, учреждений культуры, центров ремесел, а также студенты и школьники. Ректор ГГПИ А.А. Мирошниченко выступил на конференции с инициативой: включить в учебный план

вуза часы на изучение студентами всех факультетов гуманистических идеалов писателя.

Профессионализм глазовских короленковедов сегодня общепризнан. Формируется молодое поколение короленковедов из числа студентов ГГПИ, ежегодно выполняющих курсовые и дипломные работы, участвующих в спецкурсах, спецсеминарах, выступающих с докладами на межвузовских и международных конференциях. Члены студенческой группы по изучению жизни и творчества В.Г. Короленко связаны с короленковедами страны и родственниками писателя. Они проводят экскурсии для школьников и гостей института в Короленковской галерее, увлеченно пропагандируют знания о писателе в период педагогических практик, активно используя современные формы и методы учебной и внеклассной работы с учащимися.

Крепнут связи между короленковедами разных регионов и стран. В августе 2008 года свои короленковские чтения прошли в Афанасьеве Кировской области и в Полтаве. В них приняли участие и глазовские ученые. Установлены контакты с Полтавским музеем В.Г. Короленко и американским исследователем Марком Конлиффом. Украинский короленковед А.В. Труханенко способствовал изданию во Львове международного проекта «Этюды о жизни и творчестве В.Г. Короленко».

Короленковские традиции продолжаются!

г.Глазов

Геннадий Кочкарёв

«БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ КОНТРРАЗВЕДЧИК»

За годы советской власти органы внутренних дел и органы государственной безопасности прошли тернистый путь, неоднократно подвергаясь реорганизациям, преобразованиям, переподчинениям и переименованиям. Четыре раза они объединялись в единое ведомство и разъединялись вновь. Столь частые и противоречивые организационные изменения делались в угоду амбициям отдельных руководителей страны. В их основе зачастую лежали причины не объективного, а субъективного характера, что нередко диктовалось интересами политической, а то и аппаратной борьбы.

Близость задач органов внутренних дел и государственной безопасности и наличие в их составе параллельных структур отрицательно сказывались на характере их взаимоотношений, которые с самого начала были непростыми, а порой и враждебными. Они обострились после окончания Великой Отечественной войны, когда в стране начал раскручиваться очередной виток политических репрессий. События, происходившие в Центре, полностью проецировались на места, и в этой ситуации Удмуртия не была исключением.

В 1948 году руководство Министерства государственной безопасности (МГБ) Удмуртской АССР потребовало от министра внутренних дел УАССР Ф.В. Баранова дать согласие на арест начальника 1-го Спецотдела МВД УАССР подполковника П.А. Кукушкина. Ознакомившись с предъявленными обвинениями, Баранов отказался поставить свою подпись на постановлении об аресте. Что послужило поводом избрать такую меру пресечения авторитетному работнику МВД такого уровня?

В 1945 году в Народный комиссариат государственной безопасности УАССР (НКГБ, с 1946 года – МГБ) поступила информация о том, что в годы Гражданской войны на Украине Кукушкин, якобы, служил в белогвардейской контрразведке. Подозревая Кукушкина в контрреволюционной деятельности, работники НКГБ – МГБ УАССР с 1945 года стали собирать на него компрометирующие материалы и даже завели «дело-формуляр», которое на сленге опер-работников называлось «дядя Федя».

НКВД – МВД УАССР, имевшее с 1943 года свое контрразведывательное подразделение (до 1943 года

– Отделение контрразведки «Смерш»), в течение этих лет проводило собственное негласное расследование. По его результатам заместитель министра внутренних дел УАССР по кадрам полковник Н.А. Куманин (как и Баранов – бывший сотрудник госбезопасности) 15 января 1948 года в личном деле П.А. Кукушкина, хранящемся в настоящее время в Архиве МВД Удмуртской республики, сделал следующую запись: «В 1945 году стало известно, что по данным первичного учета УНКВД Николаевской области П.А. Кукушкин, якобы, служил в белогвардейской контрразведке. Проведенной оперативными действиями проверкой его служба у белых не доказана».

Несмотря на итоги проверки, работники МГБ настаивали на своем. Проявив решительность, полковник Баранов свое мнение не изменил и согласие на арест Кукушкина так и не дал.

Петр Аркадьевич Кукушкин родился в 1897 году в Херсоне. Имел начальное образование, как и большинство руководящих работников органов того времени. В 1919 – 1920 годах работал слесарем на предприятиях Херсона, затем добровольцем вступил в Красную Армию и участвовал в боях с белогвардейцами в районе Каховки.

С 1920 по 1923 годы был сотрудником Особого отдела (военная контрразведка) ВЧК – ОГПУ Черноморского побережья, а в 1925 году стал сотрудником Херсонского, затем – Одесского и Кировоградского уголовного розыска. С первых дней зарекомендовал себя смелым и инициативным оперативным работником. Неоднократно под видом матроса-анархиста или священнослужителя внедрялся в бандитские группы и воровские шайки.

С 1937 по 1940 годы Петр Аркадьевич работал заместителем начальника отдела уголовного розыска УРКМ УНКВД Николаевской области, а с 1940 по 1942 годы – начальником ОУР УРКМ (Управление Рабоче-крестьянской милиции) УНКВД Харьковской области. В распоряжение НКВД Удмуртской АССР Кукушкин прибыл в 1942 году в числе шестидесяти работников милиции, эвакуированных из оккупированных немецкими войсками областей Украины.

До конца 1947 года он был начальником Отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ) НКВД – МВД УАССР. На этом посту проявил себя как опытный оперативник и организатор. В 1944 году ему было присвоено звание подполковника госбезопасности. В том же году он был откомандирован в Прибалтику для выполнения специального задания НКВД СССР по ликвидации литовского националистического подполья и его бандитских формирований.

В 1947 году Петр Аркадьевич возглавил 1-й Спецотдел МВД УАССР (учеты, статистика и архив). В связи с предстоящим уходом в отставку заместителя министра внутренних дел УАССР по милиции А.М. Матвеева был кандидатом на эту должность.

Его фамилия была включена в резерв кадров на выдвижение в Управлении кадров МВД СССР. И, тем не менее, в течение нескольких лет Кукушкин состоял на оперативном учете в МГБ УАССР. В досье, заведенном на него чекистами, говорилось, что «офицер белогвардейской контрразведки Кукушкин имел на теле татуировку». В связи с этим по требованию МГБ Петра Аркадьевича неоднократно подвергали медицинскому освидетельствованию, однако следов татуировки так и не обнаружили.

С осени 1946 года в стране стал ясно просматриваться курс на понижение роли МВД при одновременном укреплении Министерства госбезопасности. Тогда на основании постановлений партии и правительства началась плановая передача структурных подразделений МВД в состав МГБ. Вначале МВД лишилось внутренних войск, транспортной милиции и ряда оперативных подразделений, а осенью 1949 года – пограничных войск, вообще всей милиции и других служб.

Незадолго до этого министр внутренних дел УАССР полковник Ф.В. Баранов освободил Кукушкина от должности руководителя 1-го Спецотдела, который также передавался в состав МГБ, и назначил его начальником Отдела исправительно-трудовых колоний (ОИТК) МВД УАССР. На этом посту он находился до марта 1953 года и многое сделал для усовершенствования этой системы – улучшения жилищно-бытовых условий осужденных и их трудовой занятости.

После смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 года МВД и МГБ были объединены в единое Министерство внутренних дел. Главой объединенного МВД УАССР был назначен полковник Ф.В. Баранов, который вскоре потребовал, чтобы сотрудники госбезопасности представили ему «досье» Кукушкина. Ознакомившись с формуляром, министр вызвал начальника Секретариата И.К. Капленко и, оценив дело как сфабрикованное, дал указание уничтожить «досье». По инициативе Баранова Петр Аркадьевич Кукушкин был назначен заместителем министра внутренних дел УАССР по милиции. Вскоре ему было присвоено очередное звание полковника.

В марте 1954 года в связи с созданием КГБ при Совете Министров УАССР органы госбезопасности были выведены из состава МВД. С 1953 по 1954 годы в Удмуртии сменилось два министра внутренних дел, однако П.А. Кукушкин находился на своем посту до 1956 года, приложив немало сил для укрепления удмуртской милиции, после чего вышел в отставку.

П.А. Кукушкин умер в 1958 году, был похоронен в Ижевске с воинскими почестями. За период службы в органах внутренних дел награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный работник Рабоче-крестьянской милиции», которым он особенно гордился и дорожил.

ПОСТПУГАЧЁВСКАЯ УДМУРТИЯ (Фрагмент статьи)

Одной из «родовых» особенностей российской государственности с полным основанием можно считать постоянное реформирование, преобразовательную деятельность, в значительной степени направленную на преодоление перманентного отставания от мировых лидеров. Реформы объективно часто изменяли в худшую сторону положение «маленького человека», живущего на обширных имперских просторах. Типичным ответом российского крестьянства на реформы являлись различные по характеру и масштабам социальные выступления.

В конце XVIII века в России разрабатывались проекты реформирования системы обеспечения заводов рабочей силой. Была задумана замена приписных крестьян непременными работниками. Реформа распространялась на весь Урал, в том числе – на Ижевский и Воткинский заводы.

Новая система организации недорогой рабочей силы для нужд казенной промышленности была выгоднее для крестьян, чем прежняя. Ликвидировались такие недостатки приписной системы, как отдаленность многих селений приписных крестьян от заводов, необходимость основной массы приписных участвовать в заводских работах. Крестьяне, попавшие в категорию непременных работников, получали ряд льгот: исключение из подушного оклада, освобождение от всех государственных повинностей, прощение прежних недоимок. Новоиспеченным работникам обещали «безденежно провиант», увольнение от заводских работ в летние месяцы, денежное жалованье 20 рублей в год, возможность нанять на заводские работы вместо себя другого крестьянина с согласия его общества или помещика.

Предполагалось рекрутировать непременных работников из ближайших к заводам волостей, тогда как ранее приписные крестьяне могли набираться из селений, находящихся на значительных расстояниях от заводов. На западе Глазовского уезда существовала целая «приписная к Ижевскому казенному железному заводу Верховская Рождественская волость».

На Воткинском заводе основу новой категории составили бывшие приписные крестьяне, жившие в основном в смежных с заводом селениях. Другая ситуация сложилась в Ижевске, окруженном Завьяловской, Юскинской, Бурановской, Чутырской и Нылги-Жикьинской волостями, населенными по преимуществу удмуртами. Между представителями власти разгорелась переписка относительно целесообразности зачисления крестьян-удмуртов в число непременных работников. Главный начальник Пермского и Гороблагодатского горных заводов оберберггауптман А.Ф. Дерябин полагал, что удмуртов следует приписать к заводам. Вятский же губернатор

П.С. Рунич считал, что они «не способны к заводским работам, занимаются по преимуществу хлебопашеством, ни с кем обращения не имеют и потому не знают русского языка». На это Дерябин заметил, что удмурты «имеют сообщение с русскими и татарами, не затрудняются говорить по-русски на рынках, даже нанимаются вместо приписанных к заводам, но отдаленных от них крестьян, исполнять большую часть заводских работ». Победила точка зрения Дерябина. Выбор пал на Юскинскую и Завьяловскую волости как самые близкие к Ижевскому заводу.

Перспектива изменения строя жизни и выполнения новых обязанностей вызвала бунт. Неповиновение новым правительственным распоряжениям вначале проявилось в Юскинской волости.

13 июня 1807 года новый вятский губернатор В.И. Болгарский получил уведомление от Дерябина, что удмурты Юскинской волости численностью до 3 тысяч человек отказались сообщить свои имена, наговорили множество «грубых и азартных слов» и в конце концов объявили: «пусть хоть головы им рубят, но они имен своих никому никогда не скажут и к заводам не пойдут». Губернатор выехал на место событий. Было отдано распоряжение ввести во взбунтовавшиеся селения отряд квартировавших в Вятской губернии казаков.

16 июня Болгарский приехал в село Юски, где собралось около 500 бунтующих крестьян, и, войдя в толпу, потребовал объяснить причины неповиновения, а затем арестовал двух, по его мнению, предводителей. Удмуртам было предложено послать на Ижевский завод представителей для получения разъяснений по проводимому зачислению. Было избрано по два человека от каждого селения, и к 21 июня причисление было завершено.

Но в августе начались брожения в Завьяловской волости: удмурты опять отказывались повиноваться. Ходили слухи, что «якобы они (крестьяне – Н.П.) от лашманских работ не изъемяются, а сверх того из них по приписке к заводу пошлются из своих селений на другие заводы». В волость были направлены казаки. Сарапульский земский исправник докладывал губернатору о столкновениях, происходивших во время сбора для принятия присяги в селе Завьялове. Крестьяне, будучи безоружными, но убежденными в том, что их обманывают, избili вооруженных нагайками казаков и сельского писаря.

Для пресечения слухов власти разрешили теперь уже бывшим крестьянам-лашманам выбрать двух ходов, которые побывали в Адмиралтейской конторе города Казани «для личного там дознания, действительно ли они от работ адмиралтейских исключены и должны при заводах быть». Помимо этого земскому

суду было вменено в обязанность зачитывать в волнующихся селениях особые листки с разъяснениями «законности» проводимых преобразований. Упор делался на то, что зачисление удмуртов в непрменные работники произведено по царской воле и что данное зачисление предоставляет ряд льгот.

Когда Болгарский приехал в Завьяловскую волость, удмурты на коленях просили помилования. Губернатор приказал арестовать наиболее, по его мнению, «дерзких», которые впоследствии были сосланы на отдаленные заводы. Некоторые скрылись в лесах. Для поддержания порядка команда казаков оставалась в волости до начала 1808 года. Сарапульскому и Глазовскому земским исправникам было вменено в обязанность следить за складывающейся ситуацией: «Мы, дабы показать им, [что] действия наши управляются не волею их, но по повелениям начальства, положили правилом, не собирая их уже воедино, а порознь, где кто живет, вновь их урезонивать и, захватывая из них больше вольнодумных, отправлять Вашему превосходительству (губернатору – Н.П.) в Вятку в полной уверенности, что прочие затем не захотят далее ослушаться и подвергать себя строгости».

Из рапорта казачьего войскового старшины Черевкова губернатору от 10 сентября известно, что крестьяне Юскинской и Завьяловской волостей, приписанные к казенному Ижевскому заводу, «тишину и спокойствие сохраняют, и 50 человек, назначенные из них в непрменные работники, взысканы уже в работу без всякого со стороны их прекословия». К этому времени под заводской стражей находился 21 удмурт. Но 15 октября Черевков доносит: «Из записанных к Ижевскому заводу крестьян селения Завьялова В.Яковлев, деревни Новой Казмаски Ф.Дмитриев и Бол. Веньи Т.Дмитриев объявили, что они были в Пермской губернии, толковали по селениям указ, данный им якобы от господина пермского генерал-губернатора о независимости их к заводу». Вскоре В.Яковлев и Ф.Дмитриев были пойманы.

Еще раз волнения новоиспеченных непрменных работников произошли во время сенаторской ревизии 1808 года. Назначенный для ревизии сенатор П.С. Рунич (бывший вятский губернатор) предложил населению через волостные правления заявлять ему обо всех обидах, нанесенных должностными лицами. Воспользовавшись этим, к сенатору явился один из скрывавшихся крестьян и подал жалобу на приписку в непрменные работники. Обещание Рунича разобрать жалобу было понято как «выражение сочувствия близкого к царю человека». Весной 1808 года в деревне Лудзи Юскинской волости появился бежавший из-под караула удмурт А.Ермолаев. Он стал призывать крестьян прекратить заводские работы. Посланная с завода для ареста возмутителя команда встретила сопротивление. Вся деревня заступилась за Ермолаева, «свела [его] неизвестно куда, а сама разбежалась». Тогда в волость вновь были направлены казаки. Ермолаева схватили, заковали

в цепи и отправили на завод «для поступления с ним по законам». Одновременно под стражу были взяты «замеченные же в сем буйстве» 18 непрменных работников.

А.Ф. Дерябин причины волнений видел в недостаточном информировании крестьян Завьяловской и Юскинской волостей местным начальством. В письме графу А.И. Васильеву он пишет о слабости разъяснительной работы среди крестьян, которую должны вести земские исправники. Итогом стала ситуация, когда «горное начальство в их (крестьян – Н.П.) глазах выходит самозванцем». Другой причиной, по мнению Дерябина, явилось корыстолюбие чиновников, бравших деньги с удмуртов за непричисление их к непрменным работникам и рисовавших их будущее положение самыми неприглядными красками.

Положение непрменных работников, несмотря на все «даруемые» льготы, было все же намного тяжелее положения государственных крестьян, и удмурты, жившие недалеко от завода, понимали это. Другой, не менее значимой причиной, можно считать негативное восприятие любого серьезного изменения своего статуса крестьянами, предпочитавшими жить так, как жили веками их предки.

В 1820-х гг. в связи с нехваткой вспомогательной рабочей силы администрация Ижевского оружейного завода попыталась повторить опыт начала века, выйдя с предложением добрать «недостающее количество непрменных работников» из ближайших волостей: Бурановской, Ильинской, Сретенской и Арефьевской. Но как только весть об этом дошла до удмуртов, населявших упомянутые волости, в марте 1823 года они послали министру финансов коллективную просьбу об освобождении от приписки, а через три месяца, не получив ответа, подали прошение Александру I. Они писали, что перевод в непрменные работники принесет «крайнее отягощение и разорение», добавляя, что все подати и повинности оплачиваются ими всегда без недоимок. Чтобы окончательно убедить верховную власть сохранить настоящий статус, крестьяне присовокупляли, что они берегут леса, являющиеся спорными между ними и заводом. Переписка между заводом, Артиллерийским департаментом, Министерством финансов при участии Николая I затянулась до 1829 года, когда было решено увеличить численность непрменных работников на 300 человек, набранных из рекрутов. Все последующие просьбы заводской администрации о наборе непрменных среди государственных крестьян ближних волостей успеха не имели.

Необходимо признать данные движения составной частью многогранного проявления крестьянского недовольства. Следует отметить, что открытые волнения были усмиримы в основном без применения излишне жестких мер. Каждое крестьянское выступление отражало коллективное настроение, спонтанно-эмоциональное в традиционном обществе, и именно поэтому оно легко поддавалось «увещательному» воздействию без применения средств насилия.

ДЕБЮТ

Пётр Берш

Колыбельная для Боба Сполдинга

Спи, мой маленький философ,
Спи, мой юный сердцеед.
Пусть тебе приснится остров
В тех морях, которых нет.

Пусть приснится миссис Тейлор
Или мисс – какой вопрос?
Только засыпай, мой мальчик,
В дыме сладких папирос.

Забывай свои обиды,
Забывай про возраст, рост.
В город вроде Атлантиды
Сон тебе протянет мост.

Спи, не надо больше слова,
Отложи свою тетрадь.
Ночь пройдет, а завтра снова
Доски побежишь стирать.

Спи, мой одинокий странник,
Спи, мыслитель и мудрец,
Спи, обиженный изгнанник:
Можешь посчитать овец.

* * *

однажды на улице
я увидел ребенка,
рядом идущего
за руку с матерью,
натужно напрягшись,
мыльный пузырь дующего,
и отразился в его лице.
знаете,
мы не все доживем до будущего.
в художнике и творце,
которого за собой мать
волокла
сквозь полуденный шум бушующего
города,
в его глазах был вопрос:
мамочка, уже скоро?
уже скоро, да?
а мама чеканила шаг,
прямая, как точеный кол,
и гордая,
волокущая сына в плавильный котел.

Третье смирение

Гарсиа Маркесу

Мысли о смирении
В час затишья,
Сигареты тление.
Вот как вышло.

Ветками качается
Ствол березы,
Словно не кончаются
Тучи, грозы.

Мне удавкой галстук
Лижет шею.
Хочется? Пожалуйста!
А не смею.

Никакой конкретики –
Воскресенье.
Строчки без патетики
Помутненье.

Неужели думаешь,
Друг-подруга, –
Мир пушисто-плюшевый,
Жизнь упруга?

Это заблуждение –
Ломка света.
Третьим ли смирением
Будет это?

Встреча

Брожу такой одинокий
и такой важный
тушу за сигаретой сигарету
вальяжно
такой странный
и такой эпатажный
ха

По артериям автострады
железная кровь
сотнищи тромбов
машины-снаряды
колонны фонарных столбов
и тут

среди шаблонов и образцов
словно пузырек воздуха
в капиллярах моего города
в потоке напыщенных олухов
ух!
такая неопиcуемая
и такая долгожданная
из неги ароматов и снов

Вроде такааая бесцельность
что «ой держите меня»
сейчас расколочу все витрины стекла

разобью за ценностью ценность
из огня да в полымя
ан – нет!

Я сегодня поклялся
напишу реквием
себе и многим другим
дома остался
сизу бутерброды ем
и хотелось бы реквием
а получился гимн

Юлия Лисицына

Сонет

Совсем не просто сочинить сонет,
Увидеть в нем прекрасное начало,
Когда так хочется, чтоб вдруг все замолчало.
Сидит в печали сумрачный поэт
И видит он сквозь занавесу лет
Все беды люда, все, что удручало
И даже в Бога веру убивало,
Выкидывало черный им валет,
Когда с посланием младой корнет
Скакал за триста миль, чтоб генерала
Движенье войск французских не смущало,
Чтоб Русь спасти от всяческих там бед.
Как трудно из таких различных тем,
Из тысяч важных жизненных проблем
Увидеть ту, что так всем нам нужна,
В нее поверить и ее узнать,
И чтобы силы нам дала она,
Чтоб взять перо и мысль свою объять.

Мой нежный и ласковый май

Пушистые ветки сирени,
Зеленые прутья ольхи,

Все небо в призрачной тени...
Внутри же оковы тоски:

В глазах лишь обиды и слезы,
В руках же – тяжесть борьбы,
Пропали прекрасные грезы
Среди говорливой гурьбы.

Но все же, как лучик звезды,
Как светлый, безоблачный рай,
Стоишь за окнами ты,
Мой нежный и ласковый май.

Обиды

Обиды, обиды, обиды
И ссоры, пожизненно ссоры.
Корриды, все время корриды.
Откуда же эти раздоры?!

За окнами солнце светило,
Весна просыпалась... Вопрос:
– И все-таки, что же случилось?
– Не знаю, – в ответ раздалось...

г.Москва

Мария Скворцова

* * *

Я свечей не зажигала,
Не молилась за тебя –
Просто рано утром встала,
Поздним вечером ушла.

То, что было раньше нашим,
Все потеряно теперь,
Одинока и уныла,
Холодна твоя постель,

Все в доме твоём потемки,
Моя комната – светла!
От разлук с любимым плачут,
Отчего я весела?..

* * *

Раздели, день неласковый, этот грех
Между нами обоими, один на всех.
Что глядят глаза серые сквозь стекло,
Шепчут губы белые – все равно.

Слезы с глаз не капают: не судьба.
Что теперь ты делаешь? Я одна.
О тебе не думала – не с руки,
Запирала засветло сундуки

И в дорогу дальнюю собралась,
Уходила, богу не помолясь,
В угол свечку я не поставила. Да зачем?
Что так дорого было, – оставила
Насовсем...

г. Москва

Ася Корепанова

Дыхание

Видней становится, чем шире,
и слышней, чем дольше
дышать, не помня ни того,
что было, ни того, что
Случится с вероятностью большою.
Дыхание свистит и расстается
С водой и газом в темноте вселенной,
словно это
Единственная функция вещей, подобных горю.
Проснись, открой глаза, вздохни
и выйди к морю,
Исполненному рыб и жизнью разноликих диких
И медленно бурлящему под солнцем,
Тогда в его найдешь ты амальгаме
бледно-черной
Своих портретов бесконечные аллеи,
Как блики на мерцающей воде...
В смертельный век дыхание становится
прекрасным –
Подобье форм архитектурных,
акведуков, вышек
И смотровых площадок постоянных,
Откуда виден рокот волн и шорох
предрассудков,
Палящие лучи автомобильных
глаз и звук
Кипящего в сосудах кислорода.

* * *

Ты наблюдаешь за людьми и видишь
Их черные и синие глаза,
Шуршание морщин, очарованье
Их гладких скул, тяжелый воздух
В их волосах, заботу
В движеньях их
И медленное в них
Движенье смерти.

* * *

Не знаю суеты, но бесконечных дум
Сто тысяч согревают ум.
Не знаю пустоты, но воздуха поток
Летит через окна порог.
Не знаю времени, но чувствую его –
Воздушной пустоты блестящее зерно.

* * *

Измучен ужасом конца не вечной жизни
И светом ослеплен своих же глаз, разбужен,
В неведение ввергнут, в ожиданье
Тех знаков, что знаменьями зовутся,
И раздавлен величием природы.
Слава Богу!

* * *

Я люблю Тебя с той же верностью,
с какой пою ноту «до» навскидку,
Натянув ее в уме как струну,
как стрелу, как прививку,
Ее имея с детства назло природе
и обольстительной людской породе.
Я люблю Тебя с той же силой,
с какой наступает вечер, –
Шевелит небом, шуршит ветвями,
дрожит ветрами
И сверхъестественными манит дарами,
В ночи играя в футбол луною,
искушая время за Твоей спиною.
Я люблю тебя с той же страстью,
с какой голос дурманит связкой,
И бесконечной бывает сказкой
Воздух, испещренный Твоей указкой
И лаской.

Яна Гулина

Ведьма

Рыжая, сумасшедшая,
Явно не отсюда пришедшая,
Зеленоглазая, полупрозрачная,
Тонкая, гибкая, немного мрачная,
Но вдруг веселая совсем некстати...
Прозвали Ведьмой, а звали Катей.
Улыбчивый и спокойный,
Очень добрый, веселый, стройный,
Понимающий и внимательный,
Остроумный и обаятельный,
Зло совершать – да просто некогда,
Хороший, лучше некуда,
Он с ума сходил, она смеялась,
Он ее любил, она боялась,
Боялась несвободы, обещаний,
И клятв, и верности, и признаний,
В сердца впивалась и разбивала,
Не одного такого очаровала –
Рыжая, сумасшедшая,
Явно не отсюда пришедшая,
Зеленоглазая, полупрозрачная,
Тонкая, гибкая, немного мрачная,
Но вдруг веселая совсем некстати...
Она же Ведьма, она же Катя.
Он заболел, лежал, и бредил,
И Катю видел не первой леди,
Не «мисс Вселенной», не «мисс Планетой»,
А все шептал: «Богиня это»...
Он встал, оделся, шатаясь, вышел.
И мысль одну он только слышал...

Дошел до Кати – она открыла,
В глаза ей посмотрел, она застыла,
Он сделал шаг, за руку схватил,
Спросил: «Полюбишь?». – «Нет». И он ее убил,
Улыбчивый и спокойный,
Очень добрый, веселый, стройный,
Понимающий и внимательный,
Остроумный и обаятельный –
Рыжую, сумасшедшую,
Явно не отсюда пришедшую,
Зеленоглазую, полупрозрачную,
Тонкую, гибкую, немного мрачную,
Но вдруг веселую совсем некстати,
Да, Ведьму, Ведьму – совсем не Катю...

Он-лайн

Поругаться он-лайн, помириться он-лайн –
Это сегодня уже не явление.
Этим живет, это ест, это пьет
Новое, наше с тобой поколение.
Злобная рожица – это мой друг,
Двоеточие, скобка – он улыбается.
Сердечко и его неслышимый стук,
Цветочек, чей запах не ощущается,
Посылаем друг другу и верим, что там,
У монитора, в сети одиночества
Ждет нас то лучшее, что очень крепко
Прижать к настоящему сердцу захочется...

Андрей Шеланов

* * *

Корявые подрагивали пальцы,
Старик, закрыв глаза, бубнил под нос.
И наплывали звуки в ритме вальса.
Как он играл! А вот сейчас – артроз.
Без голоса и хрипло петь осталось
Негромко, словно старый контрабас...
Старик бубнил, подрагивали пальцы,
Рождася джаз, преображался джаз.

* * *

Не лезет рифма в голову, ну, что я с ней поделаю?
А, может, и без рифмы я как-то обойдусь?
Нарву цветов охапку я, все желтые и белые
Повыдерну, а красные оставлю и примчусь
К тебе...

Наталья Мальцева

«И ВАКАНСИЯ ДУХА ПОЭТУ НА ВРЕМЯ ДАНА»

Рецензия на цикл стихов Дениса Бесогонова «Реквием времени»

Мы уходим от времени, и в душе
Остается место, где будем длиться.

«Реквием времени»¹

Один из циклов книги стихотворений «В синих потоках звезд молчит чистота» Дениса Бесогонова называется «Реквием времени». Такое тематическое представление не случайно. Автор особенно остро ощущал болевые точки своего времени, которое в его поэзии проносится через препятствия, летит, сворачивается в спираль и, в конце концов, принадлежит не только поэту, но и читателям.

«Когда река падает вверх, то не возникает иллюзии жидкого неба в кривом зеркале. Просто появляется желание сесть в лодку без весел и быстро выпрыгнуть из нее, не дожидаясь проявления в себе отчаянной смелости. Вихревой взлет метафорической Амазонки Дениса Бесогонова в своей инверсионной последовательности впечатляюще чист. Только напряжением хрусталика и закрытием век можно попытаться остановить пронизывающие стрелы отблесков волн, исходящие с поверхности той искрящейся вертикали... Непринужденно купаясь в этой реке времени, отдаваясь ее воронкам и перекатам, нет нужды беспокоиться о повседневности. Эту заботу взял на себя Денис. Он очистил этот поток от обыденности и формализма и предложил нам экстракт жизнеутверждающих мотивов, заключенный в этот емкий книжный сосуд с зашифрованным геномом его «личности» – так отозвался о поэзии Д. Бесогонова доктор физико-математических наук Е.Г. Фатеев.

Действительно, создается ощущение, что поэзию Д. Бесогонова глубоко и точно смогут понять и оценить именно ученые – представители естественных и точных наук. «Научность» автора «Реквиема времени» объясняется умением видеть не поверхностно, а всеобъемлюще, применяя своего рода анализ и синтез при проникновении в природу вещей.

Время, просрочен счет.
Природа, просрочен век.

Лирический герой на равных беседует не только с предшественниками, современниками и потомками. Он – собеседник философа Су Ши, Иисуса, Будды, Кришны.

Душа моя давно, как птица в небе, –
У ней глубокий тонущий полет.
Лишь телу моему отпущен этот жребий –
В молекулах цветка вершить круговорот.
Тогда я плещущей водою стану,
И мыльной рекою растекусь,
И, наконец, Господь, приближусь к Океану,
И в хаосе всеведенья проснусь.

«Реквием времени» создавался в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. После августовского путча 1991 года молодежь, может быть, впервые ощутила, что такое свобода не на словах, а на деле. Писатель Василий Аксенов, приехавший в Россию в 1989 году, вспоминал, что впервые увидел на демонстрациях и митингах в Москве много молодежи с горящими глазами и желанием сказать свое слово. Стали необходимыми новые источники информации, которые быстро завоевывали популярность. Не случайно Д. Бесогонов успешно занимался журналистикой: он – первый редактор газеты «Земля Удмуртии», популярностью пользуются его публикации в газетах «День», «МК в Удмуртии», «АиФ Удмуртии», «Удмуртская правда». Поэт работает на телеканале «Альва» в программе «ЭКО-невидаль», на ГТРК «Удмуртия» в программах «Эксперт-клуб» и «Цитата».

В «Реквиеме времени» он обращается к читателю не только от своего имени, но и от имени своего поколения. Созданное поэтом переключается с главным мотивом маленькой трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет и выше...²

¹ Здесь и далее стихи Д. Бесогонова цитируются по книге «В синих потоках звезд молчит чистота». – Ижевск, 2004.

² А.С. Пушкин. Маленькие трагедии. - М.: Детская литература, 1977. – с.35.

Одно из стихотворений цикла называется «Юный Моцарт». Оно – о главном, что понял автор: несмотря на трагизм существования, смысл жизни не в разрушении, не в исчезновении, а в жизнеутверждении и творчестве. Потому особой символикой наполняется мотив пути, дороги:

Смута времени нечаянна –
Можно голову поднять:
Вся в путях лежит вселенная,
Как нотная тетрадь.
Но волною звуков, бездною
Надвигается она –
Раскаленная, отверстая,
Прохладная до дна.
В ней качается бессонница –
Между ребер утонуть.
Как собрался путник в путь:
Долгий путь его – бездонница.

Ранее было написано стихотворение «Путь», где можно прочесть такие строки:

... я скажу себе:
Ты не спеши,
Мы успеем, еще до заката – века,
Будет скорбь велика
И печаль глубока,
И печать наложит
Чья-то злая рука,
И в сердцах будет жить
Трескотня дурака –
Мы успеем, нам участь дана свысока –
Будем драться,
И смерти не выбить
Клинка.

В поэзии Д.Бесогонова – «соль на глазах у Шекспира» и «вакансия духа поэту дана». «Соль на глазах» – это не просто метафора: это слезы страдания, очищения – невыплаканные, непролитые слезы поэта, чувствующего дисгармонию мира острее окружающих его людей. А какие мировые проблемы мучают шекспировского Гамлета?

Быть или не быть, вот в чем вопрос –
Достойно ли терпеть без ропота позор судьбы
Иль надо оказать сопротивление,
Восстать, вооружиться, победить
Или погибнуть?³

Для создателя «Реквиема времени» Шекспир и его герой – достойные собеседники и оппоненты, слова Гамлета актуальны для Д.Бесогонова как никогда:

В это время в пространстве, над Миром, над Миром,
Распускались огни и цветы, и ложились снега.
В это время был Гамлет, как соль на глазах у Шекспира,
И вакансия духа на время поэту дана.
(«Он и она»)

Среди адресатов «Реквиема времени» – вольные люди, философы, художник Николай Рерих, писатель Ф.М. Достоевский, ученый Галилей, а также современники, те, с кем Денис ощущал незримую, но неразрывную духовную связь, кому был предан: Сева Галкин, Янка Дягилева, на преждевременную

смерть которой поэт откликается пронзительным признанием:

Знаю, никак не сойдутся земные пути.
Правда лопочет вопрос, задаваемый ложью.
В место пустое и мимо хвалы не пройти.
Тайну соития с бездной познать невозможно.
Чаша весов наклоняются шумом измен.
Горе сторевших омоет рососою молчанье.
Смертью венчаемый в пепле вовеки прозрел –
Вечный ребенок, как радость, придет на свидание.
Обморожено сердце, как белый камень, –
Ни у кого не болит.
За девчонку с русыми волосами –
Ни у кого не болит.
(«Янке Дягилевой»)

В стихотворении «Философы» («На могилу Ф.М. Достоевского») можно прочесть очень горькие строки:

Перевелись философы давно:
Над ними крест поставлен гробовой.
Кто из руки не выронил перо,
Тому скрутили руки за спиной...
Уже читали только по слогам,
Зато с рублем, всегда на высоте
И недостойно падали к ногам,
Увы, совсем не вечной красоте.

Автор, казалось бы, опровергает известный афоризм своего любимого прозаика «Красота спасет мир». Он стремится быть на равных с автором «Бесов» (именно этому роману Ф.М. Достоевского была посвящена исследовательская дипломная работа Д.Бесогонова) и без юродства, честно может утверждать:

Я не бегу, не жалуюсь, не лгу –
Я задаюсь вопросом бытия,
Я гну в подкову страшную дугу
С задачей, где же смерть и что же я?

«Гнуть в подкову страшную дугу» – непомерная ноша, но иначе не проникнуть в «тайны бытия». И если бы только для себя решал поэт эту задачу!

Кто я на вечерющей земле,
Скормлённый без остатка воронью?
Каким патроном лягу я в стволе,
Чтобы продлить, Россия, боль твою?

Показательно, что стихотворение заканчивается вопросом, и поражает готовность принести жертву России, которую автор воспринимает и как «обличье снеговое», и как «страшный лес», и как «невеселую сторону», но в то же время и как «лебедь белую», «майскую грозу», «часть души».

Поэт «серебряного века» А.Блок, о котором А.Ахматова сказала «...как памятник началу века там этот человек стоит», в период первой мировой войны – в 1914-1915 годах – создавал поэму «Соловьиный сад». И размышлял Александр Блок не о потерях и гибели, а о смысле жизни и месте человека в эпоху исторических катаклизмов. Авторская концепция в том, что человек возделывает свой сад, сад души, хотя за оградой Соловьиного сада – пустота и

³ В. Шекспир. Гамлет, принц Датский. – М.: Гос. изд. детской литературы, 1947. – с. 86.

камни. Думается, что Д.Бесогонов в «Реквиеме времени» тоже создавал свой сад.

В России – деспотия, в России – самогонка,
В России пьешь до точки и колешься до смерти.
А от кого осталась последняя воронка,
А от кого – затяжка той самой белой смерти.
(«Исповедь»)

Это одна точка зрения автора на окружающую действительность. А вот другая, диаметрально противоположная:

За стеною, плача, дом стоит.
За решеткой радости разбит сад.
По ту сторону горя – тишина.
За околицей смерти – путь к себе.
За семь верст от начала вновь начни.
Переплывшему море – горя нет.
Посадившему дерево – смерти нет.
Перешедшему радость – радость вся.
(«За стеною, плача, дом стоит»)

У автора употреблено деепричастие «плача», согласно законам русского языка обозначающее добавочное действие к глаголу-сказуемому «стоит». Но, читая эти строки, видишь образ – Стену Плача в Иерусалиме, где приходящие ей поклониться через скорбь и боль получают успокоение и очищение. Образ сада в стихах поэта напоминает сад Христа, который вырастил алые розы, раздал их детям, а сам принял муку в терновом венце: «...и капли крови вместо роз чело украсили его».

Образы Христа и Богородицы – смыслоорганизуемая доминанта и другого стихотворения Д.Бесогонова – «Все одной печалью засыпано...»:

Мы играем, нас мучит бессонница,
Любим мы, выбиваясь из сил,
Этот мир, где живет Богородица,
Где однажды Христос нас простил.

Любовь к миру, к людям, к своей стране, к прошлому и настоящему – вот чем насыщает Д.Бесогонов стремительно летящее время и пространство.

Лирический герой цикла «Реквием времени» – это, прежде всего, художник: он не только сочинитель, но еще и живописец, композитор, музыкант, философ – создатель Вечной Красоты, которая все-таки «спасет мир».

Все ближе к осени.
Приметы хороши:
Часы становятся,
И стрелки опадают.
И тупятся его карандаши:
Художник спит.
Художника не знают...
Он брызги краски со стены не стер,
Он пролил банку золотой гуаши
И спит, облокотившись на ковер,
Он осень ждет, а осень рядом пляшет.
Холст чист, как будто память у детей
Лет в семь – а в голове все блики, тени.
Там собралось так много сентябрей,
А в сентябре всех больше откровений.
Имбирный лес шутя ломает ветвь,
Все дарит и ничто не отнимает.
Рука рисует избранный сюжет,
Художник спит – художника не знают.
(«Художник»)

Последняя повторяющаяся рефреном строка стихотворения «Художник спит – художника не знают» свидетельствует о том, что он (художник – автор и лирический герой) вовсе не рассчитывает на известность и признание: творит не для себя, и сделанное им оценят не современники, а потомки. Автор же «все дарит и ничто не отнимает».

У Д.Бесогонова достаточно часто в стихах звучит слово «смерть». Но автор имеет в виду не исчезновение и гибель. Основная эмоция «Реквиема времени» – не скорбь по безвременно ушедшим и невинно замученным, как у А.Ахматовой, и не память о погибших, как у Р.Рождественского, написавшего свой «Реквием». У Д.Бесогонова – Реквием времени, а автор (он же лирический герой многих стихотворений этого цикла) – «не умерший, а влюбленный»:

Умри. И сумерки растают
В своем обличье снеговом.
Смотри, как тени исчезают,
Рассевшись чинно за столом.
Они глядят тебе в глазницы,
И жуткий холод сквозь тебя.
И ты прекрасно знаешь лица,
Все до единого любя.
Какой-то хохот обреченный
Среди морозного огня:
Ты не умерший и влюбленный,
Смотри – они же ждут тебя.
Как жаль, протягивая руки,
Уже не находить ответ.
Не стоят шутки эти муки –
Приятель, нет тебя, их нет.

(«Умри. И сумерки растают»)

Сон, память, покой, неизбежность и в то же время речь, любовь, жар души включает автор в категорию времени. И если каждую из лексических категорий оценивать с точки зрения возникающих при чтении положительных и отрицательных эмоций, то оценочные суждения равнозначны. И пусть все мы «стареем под ходиками часов» и «уходим от времени», остается место, где «оно будет длиться». Верить автору «Реквиема времени», что «мир не без хлеба, не без добрых».

«Реквием времени» Д.Бесогонова воспринимается как завершенное художественное повествование, хотя личное «я» автора не всегда совпадает с «я» лирического героя: при ярко выраженном личностном характере стихов поэт пишет не столько о себе, сколько о том, о чем в последнее время мы стали неоправданно стесняться говорить, – о любви к человеку, природе, к большой и малой Родине. Д.Бесогонов ощущал «гений тишины» и писал как патриот, как человек чести, которому не пришлось выбирать, в какое время работать и жить.

Порой мне кажется, что ничего здесь нет,
Что все ушло, растаяло, пропало.
И я живу тому назад сто лет,
А то, что есть, забыто и увяло.
Я удивлен, что мир так полон мной,
Хотя кругом затишье и далеко,
Как будто позабытый и родной,
Гуляет колокольчик одиноко.

Уверенный, с улыбкой на лице,
 В чужие жизни вкрался незаметно –
 Я, как пчела, летящая к пыльце,
 Я очарован легкостью момента.
 Я – тень, не облаченный ни во что,
 Я сквозь людей иду, совсем прозрачен,
 И все глядят сквозь тайное ничто,
 И только я один не одурочен.
 Не студит ноги мокрая земля.
 Не тяготят ни тяжесть, ни заботы.
 Все звуки пропадают, не начавшись.
 Как будто достигаю вышины,
 Куда-то в мир неведомый умчавшись.

«Реквием» по форме и содержанию – о прорыве человеческого духа в мир вечности, о приближении «мира неведомого», где «не тяготят ни тяжесть, ни заботы», где волнующие поэта стихии – Свет и Тьма, Жизнь и Смерть, Любовь и Боль, Земля и Небо – должны ощущаться человеком как светящаяся гармония.

То, что должно умереть,

Пусть умирает. Смерть
 Освобождает твердь
 Духа от нечистот.

Трудно поверить, что вечные вопросы жизни и поэзии нашли столь полное и завершенное воплощение в стихах совсем еще юного автора: «Реквием времени» создавался в период с 1988 по 1993 год и был завершен, когда Денису шел 21 год...

Поэт – и Д.Бесогонов не исключение – «вечности заложник у времени в плену». И это высокое предназначение автора «Реквиема времени» подтверждают слова О.Н. Бушмакиной, доктора философских наук: «Его жизнь не тире между двумя датами, но многоточие. Она как автоматный пистолет, прострочивший судьбу стихами... Он стал философом, ибо принял, понял и согласился с собственным одиночеством. Открылась истина «как грош на ладошке». Он состоялся как философ, став поэтом. Он состоялся как поэт, ставший философом. Настаивая на собственной жизни, нашел точку в пустоте и вышел в бессмертие».

Татьяна Кутергина

«СПАСИБО ВАМ, МОИ СТИХИ, ЗА ВСЕ ЧУДЕСНЫЕ МГНОВЕНЬЯ...» О лирике Ольги Рассветовой

Стихотворения Ольги Рассветовой – лирика в самом высоком смысле этого слова. О чем бы ни писала поэтесса, ее всегда отличают задушевность, искренность, метафоричность языка, насыщенность литературными параллелями. Лиричны стихотворения «Зимняя верба», «Зяблик», «Пчелка», «Одуванчик», «Предчувствие весны», где тема природы тесно связана с темой любви. Строки О.Рассветовой наполнены красками, звуками, запахами: крошка зяблик «зарюмит: рю-рю», стал «седым» одуванчик – «парашютик судьбы одинокой», майский ветер «веселится», играя шторами, сирень качается «лиловою волной», аккорды капли «на синичью музыку легли» и т.д. Поэтесса тонко чувствует язык природы, сострадает всему живому, и природа дает ей исцеление:

Я суд ее тихий приемлю –
 Пусть душу качнет на весах:
 Мороку-кручинушку – в землю,
 А светлую мысль – в небеса.

(«Исцеление»)

Стихи о природе О.Рассветовой – не просто пейзажные зарисовки, автор старается выйти на уровень философских обобщений в таких стихотворениях как «Гимн земле», «Гимн воде» и других. Будучи городской жительницей, она чувствует тягу к земле, к деревне: «Видать, живет в душе крестьянский корень...». Отсюда необычайно теплая интонация в стихах «Корова», «Наказ матери» и других.

Довольно большое место в творчестве поэтессы занимает тема малой родины – Можги и Удмуртии.

Любимому городу посвящен «Венок сонетов»: конечная строка каждого сонета служит началом следующего. О.Рассветова не обошла стороной ни одну из достопримечательностей города в сонетах, в которых Можга – настоящий город-сад. Теплые слова нашлись для городской библиотеки, где хранятся автографы знаменитого поэта-земляка Н.Байтерякова, для рек Валы и Сюгинки. Вспомнила автор и заслуги спортсменов, и достижения стеклодувов, и успехи студентов – вспомнила с гордостью за звание жительницы Можги и с благодарностью Удмуртии, ее воспитавшей.

Особой искренностью и болью «дышат» стихи, посвященные матери и теме материнства. Нельзя без волнения читать стихотворения «Маме», «В час, когда покидают нас мамы», «Двойня», «Оторвали мишке лапу», «Материнство», в котором поэтесса признается:

После бурно промчавшихся лет
 Посчастливилось все же понять:
 Никакой я не врач, не поэт,
 А всего только женщина, мать!

Как крик души воспринимается стихотворение «Нерожденный», написанное от имени не появившегося на свет ребенка.

На земле так много одиночеств,
 Мы б твое делили на двоих...

Свою любовь к матери, преклонение перед военными медиками Ольга Рассветова передала в поэме «Галина». В этой поэме повествовательная интонация

сменяется лирической, а разговорным характером и юмором она порой напоминает поэму А.Твардовского «Василий Теркин». Автору близки чувства девчат военной поры:

Воспоминания – они как мостик хрупкий
Из прошлого, что видится как дым,
С него дела былые и поступки
Становятся понятны молодым.

Поэма «Лиза», написанная в 2004 году, посвящена дочери поэта Н.С. Байтерякова. Поэма построена как мысленный диалог с подругой и ее отцом о поэзии, о женской судьбе. Чувствуется внутренняя переключенка с поэзией Н.С. Байтерякова.

Тема малой родины и тема материнства со всей полнотой раскрыты в цикле «Жду солдата». Стихотворения цикла – письма к сыну-пограничнику, своего рода материнские заклинания, с помощью которых поэтесса пытается защитить сына, приблизить час его возвращения. В них она изливает душу, размышляя о материнской доле, о солдатском товариществе, о природе Кавказа и Удмуртии; главное в стихах цикла – чувства матери, которая любит, тоскует и ждет.

Я знаю, как выглядит счастье:
Улыбка в вагонном окне,
Когда вопреки всем ненастьям
Мой сын возвратится ко мне!

По эмоциональности, образности, музыкальности

эти стихи близки народнопоэтическому творчеству (вспомните «Плач Ярославль»). В них ощущается глубокая внутренняя связь между матерью и сыном и опасение за то, чтобы эта связь не прервалась после его возвращения. Некоторые стихи написаны от лица самого солдата, и тон их меняется, становится более суровым («Седьмое небо», «Баллада о пограничной собаке»).

О.Рассветова предстает в стихах о любви как тонкий лирик. Один из последних ее поэтических циклов «Мысли о любви» передает всю гамму чувств любящей женщины. Об этом говорят названия глав: «Роза», «Одиночество», «Щедрость», «Похороны любви». Любовь – самое важное, самое главное в жизни лирической героини:

Ну, что с того, что с ярмарки я еду,
Что впереди седеет небосвод?
Как хорошо, что путь наш нам неведом:
Пока живу – любовь во мне живет!

(«Я еду с ярмарки»)

Директор Можгинской городской библиотеки им. Н.С. Байтерякова Т.В. Соколова сказала об Ольге Рассветовой: « О чем бы она ни писала: о природе, о родине, о детях, о чувствах, – понимаешь, что все без фальши. Человек она очень светлый и добрый, поэтому, читая ее стихи, как бы подзаряжаешься

Михаил Лаврентьев

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОТЧИЗНОЛЮБИЮ

Рецензия на книгу Н.Закировой «Наше культурное достояние»

И сладостно – любить Россию,
Хотя любить и нелегко!

Р.Казакова

У каждого из нас своя Россия...

В.Семибратов

Это строки стихов, напечатанные в книге по литературному краеведению «Наше культурное достояние», вышедшей в Глазове. Римма Казакова подростком жила в Глазове во время эвакуации, а кировский поэт и ученый Владимир Семибратов уже давно стал неотъемлемой частью духовного пространства города.

О том, что есть на свете город Глазов, даже в России знают немногие, поскольку и Удмуртию то большинство знает разве что по мотоциклам «Иж», лыжнице Кулаковой и автомату Калашникова. А имена деятелей отечественной культуры П.Чайковского, В.Жуковского, А.Герцена, О.Книппер-Чеховой, В.Короленко, М.Салтыкова-Щедрина, А.Грина, В.Катаева, С.Щипачёва, С.Наровчатова, Н.Старшинова, Р.

Казаковой известны каждому. Между тем все они и еще многие другие известные люди государства Российского биографически связаны с небольшим провинциальным, в прошлом вятским, а ныне удмуртским городом с 330-летней историей – Глазовом.

«Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена». Это суждение академика Д.С. Лихачева убедительно подтверждается в новой книге «дежурной по литературному краеведению Глазова» Н.Закировой. К устоявшимся понятиям: «булгаковская Москва», «Петербург Достоевского», «некрасовская Карабиха», «есенинское Константиново», «Елец Бунина» вполне можно причислить и «ненастоящий город» – короленьковский Глазов. В «Нашем культурном достоянии» – и отраже-

ние в биографии и творчестве писателей разных эпох глазовского колорита, и осмысление роли личности и творчества писателей в истории и культуре северной столицы Удмуртии. Главное в книге – восприятие личности и творчества писателей «земляками».

«Человек, проходя по земле, оставляет отчетливый след пребывания... Город, не связанный ни с каким воспоминанием, даже литературным, мертв для меня. И, очевидно, для многих из нас», – признавался К.Паустовский. В этом уверена и Н.Закирова, ибо Глазов для нее в этом смысле не только «не мертвый», но, учитывая его солидные культурные традиции, – самый что ни на есть «живой» и «настоящий». Осознание этого глазовчанами, особенно юными, несет в себе колоссальный воспитательный потенциал. Следуя принципу историзма и объективности, автор прививает любовь к своей земле и гордость за сопричастность к ее материальным и духовным богатствам, не идеализируя того, что отзывается болью: в книге нет ура-патриотизма.

Реестр персоналий (от Ломоносова до Мельма) столь обширен, возрастные и статусные ипостаси героев книги (от школьников до академиков) столь широки, хронологический охват (XVII – XXI века) так велик, что книга может использоваться читателями как справочно-энциклопедическое издание, отражающее живой литературный процесс, в котором активно участвует российская провинция – Удмуртия.

Выпускник филологического факультета Глазовского пединститута профессор Пушкинского дома С.А. Фомичев писал: «Не следует забывать, что во все времена Россия сильна была своей провинцией, отсюда черпала и силу, и таланты». Именно здесь, в глубинке, названной редактором столичного интернет-журнала А.К. Углицких «северной Пальмирой Удмуртии», родились и сложились как самобытные поэты Ф.Васильев, О.Поскрёбышев, В.Мельм, Б.Рейфман, Л.Смелков, Н.Шагимарданов, Э.Цегельник, Е.Данчук. Выпорхнув из «глазовского гнезда», заняли свою нишу в мегаполисном библиополе П.Быков, П.Вершинин, В.Захаров, А.Колногоров, М.Московкина, Р.Касимов, А. Колупаев, С.Стасенко, А.Фомин.

Надо отметить, что в школах Глазова изучение русской литературы удается сопрягать с местным, региональным компонентом. В пособии есть авторские программы, сценарии, разработки, тесты, конспекты уроков и очень ценные первоисточники: стихи и статьи о культурной жизни края. Есть тексты, достойные украсить собой центральные издания и открыть для России культурный феномен нашей провинции, затерявшейся в глубине России, но не заглушенной и не беспамятной.

Книга многое дает и сердцу, и уму читателя. Она служит делу приобщения к знаниям, к творчеству.

Сергей Решетников

НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ УДМУРТИИ **Рецензия на книгу «Творческий путь удмуртского композитора** **Германа Корепанова в контексте региональной культуры** **Удмуртии XXI века»**

В издательстве Камского института гуманитарных и инженерных технологий вышло учебное пособие для вузов «Творческий путь удмуртского композитора Германа Корепанова в контексте региональной культуры Удмуртии XXI века». Его авторы – историк-музыковед А.Н. Голубкова и композитор А.Г. Корепанов.

Учебное пособие состоит из трех разделов. В первом рассмотрен творческий путь Германа Корепанова: раскрыта творческая биография композитора, показаны творческие связи с поэтами, актерами, композиторами, рассмотрено его отношение к национальной культуре, народному искусству, удмуртской поэзии, высказано отношение к театру, хоровой и инструментальной культуре Удмуртии.

В отдельные главы выделено творчество композитора Германа Афанасьевича Корепанова. Впервые рассмотрено песенно-хоровое творчество. Вершиной его являются крупные хоровые сочинения. В них –

мастерство хорового мышления композитора. Одно из главных достижений в хоровых сочинениях – мелодическое богатство и решение проблемы «слова»: внимание к интонационной природе удмуртского слова, бережное отношение к фонетическим особенностям удмуртского языка.

Работая над песней (а их в творчестве композитора более двухсот), Герман Афанасьевич ввел свое понимание музыкальной драматургии песни как песни-поэмы с обязательным оркестровым или фортепианным вступлением и заключением. Его песни создавались в русле национальных традиций, они были очень популярны, и некоторые из них, потеряв авторство, стали считаться народными.

Много нового, современного внес композитор в оперное творчество. Нити, ведущие от традиционной национальной культуры, характерны для оперы «Наталь». Современное сценическое решение с кино-эффектами свойственно опере-хронике «Мятеж», на-

писанной в соавторстве с А.Корепановым.

Яркую страницу творчества Г.А. Корепанова составляют его инструментальные сочинения: симфонические произведения и пьесы для фортепиано, которые, как и хоровая музыка, исполняются в концертных программах и являются любимым педагогическим репертуаром.

Второй раздел учебного пособия – «Материал к семинарским занятиям по теме» – дает возможность осмыслить творчество, определить творческие связи с фольклором, поэзией, увидеть историческую предметность. Это «Фольклорные истоки творчества композитора», «Вокальное слово в творчестве композитора. Проблемы вокального слова в исполнительской практике», «Сравнительная характеристика двух оперных спектаклей», «Инструментальное творчество».

Третий раздел учебного пособия – «Дополнительная литература по теме». Это статьи, интервью и га-

зетные материалы о Германе Корепанове, связанные с его творческой биографией, с его службой в армии, созданием отдельных сочинений.

Завершает работу фотоматериал и нотные примеры сочинений Германа Афанасьевича Корепанова.

В настоящее время снижается интерес к историческим процессам развития музыки, литературы, театра, к тем положительным тенденциям, которые «питали» удмуртскую культуру. Может быть, это связано с недостатком учебного материала, с отсутствием телевизионных передач о профессиональной культуре Удмуртии. Основная задача данного пособия – рассмотреть формирование творчества выдающегося композитора в контексте удмуртской музыкальной культуры нашего времени.

Данное издание рекомендовано в качестве учебного пособия для учреждений высшего и среднего профессионального образования Удмуртской Республики в рамках реализации регионально-национального компонента государственного образовательного стандарта.

Зоя Богомолова

ИСТОРИЗМ МЫШЛЕНИЯ¹

Отклик на книгу Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия»

Давно замечено, что когда происходят общественно-политические сдвиги – на любой основе, особенно во время смены государственных систем, – возникает необходимость обращения к истории. У художников слова и других творцов духовных ценностей возникает потребность соотнесения настоящего и прошлого, обостряется интерес к истории. Это касается всех видов искусства, всех его жанров. Вспомним революционные события 1917 года: именно тогда возник интерес к Пугачевскому движению, именно тогда (или чуть позже) была создана народная драма «Пугачевщина» К.Тренева, драматическая поэма С.Есенина «Пугачев». В 30-е, тоже героические и трагические годы, – роман о пугачевском движении «Гаян» молодого удмуртского прозаика М.Коновалова. Спустя десятилетия к этой теме обратится русский писатель из Удмуртии Д.Бор-Раменский, а позднее, в период перестройки, – П.Куляшов, автор повести «Медвежий угол» и романа «Шалые люди», посвященных становлению заводского дела в Удмуртии и движению народных масс под предводительством Пугачева.

Переходные периоды, как правило, отмечены появлением большого количества произведений мему-

арного жанра. Люди науки, искусства, литературы пишут о пережитом, рассказывают историю своей жизни, вплетая свою судьбу в исторический контекст и по-своему освещая ход истории. В 90-е годы прошлого столетия, когда страна переживала переходный период от социализма к капитализму, появились мемуары Екатерины II, Е.Дашковой – первого президента Российской Академии наук, записки дочери Петра Великого Елизаветы, певиц Галины Вишневской и Людмилы Зыкиной, актрисы Ноны Мордюковой, режиссера и актера Евгения Матвеева и других. На наш взгляд, и книга Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия» продиктована этими же запросами времени.²

Станислав Куняев не так давно отпраздновал свое 75-летие в Москве и в Ханты-Мансийске. Много говорилось о его многогранной творческой деятельности. Куняев – широко известный талантливый поэт, историк литературы, публицист, в течение многих лет редактор журнала «Наш современник», который является своеобразной не только литературной, но и общественно-политической трибуной жизни страны, нередко появляются острые, проблемные статьи его главного редактора.

Мое знакомство со Станиславом Юрьевичем длит-

¹Стенограмма выступления на теоретическом семинаре аспирантов УдГУ (сокращенный вариант)

²Книга подарена мне с автографом: «На добрую память Зое Богомоловой мою заветную книгу о России и русских людях, – а, значит, и о нас. Ст. Куняев. 2009 г. Москва».

ся с 70-х годов – со времени его творческой молодости, когда он входил в большую поэзию, заявив о себе смело и ярко. Он общался с большими советскими поэтами – Д.Самойловым, Я.Смеляковым, М.Слущим, Е.Евтушенко, Б.Ахмадулиной, А.Вознесенским, – словом, с шестидесятниками. Тем не менее всегда занимал (и занимает) в литературе свое место, свою позицию. Когда я ближе познакомилась с его творчеством, поняла, что главный труд его жизни – двухтомник «Поэзия. Судьба. Россия». Такой книги в советской и постсоветской литературе не было. Эта книга требует вдумчивого прочтения и осмысления. В этих двух книгах автор предстает не только как талантливый литературовед, но и как философ, историк, патриот.

Нелегко определить жанровое своеобразие этого труда: в нем воедино слились страницы истории литературы, мемуары, писательские портреты. У автора незаурядный дар исследователя, теоретика поэзии. Но больше всего поражает его бескомпромиссность, безупречные искренность и честность, где-то даже беспощадность. Здесь нет хронологии, литературный процесс показан в его историческом развитии через крупные творческие индивидуальности. По существу, через оба тома прошли почти все персонажи советской литературы послевоенного времени. Но для иллюстрации важных положений он обращается к классике: С.Есенину, А.Блоку, А.Пушкину – художественному и нравственному фундаменту российской поэзии.

В этой книге отчетливо проступают и черты автора как политолога. Куняев включает в свой анализ характеристику времени, в котором проявляет себя творческая индивидуальность. Его историзм мыслителя выражен через личность, биографию, творчество, кого бы это ни касалось: Ярослава Смелякова или Евгения Евтушенко. А это весьма важно. С.Куняев проявляет себя блистательным литературоведом: я не встречала в истории литературоведения такого глубокого анализа и понимания поэзии, которое так подкрепляло бы его теоретические и идейные тезисы и положения. Если говорить о стиле, его своеобразии, то это органическое сочетание прозы и поэзии, создающее ощущение многоцветия изображаемого.

Куняев заявил о себе как национальный, русский поэт. Он – один из тех, кто с позиций русской классической и советской поэзии подходит к оценке литературных явлений. Для него мерилom мастерства являлась и является классика. Но, признавая авторитет своих великих предшественников, он в своих оценках остается самостоятельным. Книгу пронизывает полемика не только с теми, кто жив, но и с теми, кого уже нет. И все это подкрепляется личными наблюдениями, личным опытом. Если говорить о границах времени, то это довоенное, военное, послевоенное, перестроечное время, время смены общественно-политической формации. Он показал, как эти события прошли через его жизнь, его творчество и его героев. Творчество поэта автор рассматривает через

призму времени, в котором он жил или живет.

И еще одна особенность: С.Куняев ведет сокровенный, подчас исповедальный разговор со своими читателями. Он публикует письма, даже если их содержание идет вразрез с его мнением, не боится резких оценок в отличие от критиков и исследователей старшего поколения. Причем, его читатели – люди разного интеллектуального уровня, разного понимания происходящего в литературе и в мире. (В журнале, возглавляемом им, печатается немало читательских писем к нему – для меня это поучительный момент).

С.Куняев нетерпим к русофобству, к национализму в его худших проявлениях, будучи сторонником здорового национализма, когда народ патриотически отстаивает свою принадлежность к определенной нации. Мне дорога его общественно-литературная позиция писателя и человека, когда слово не расходится с делом, что сказалось в активной защите интересов Союза писателей России. В самые тяжелые периоды Союза С.Куняев был всегда рядом. И когда решается вопрос, быть или не быть во главе СП России В.Н. Ганичеву, он выступил с обстоятельной речью, в которой доказал необходимость исключения перевыборов. Как аргумент в пользу В.Н.Ганичева – появление многочисленных премий, которые являются не только высокой оценкой писательского труда, но и реальной помощью художникам слова.

Станиславу Куняеву свойственна железная логика. Я была с ним в Калуге на Секретариате СП России в мае 2000 года. Это его родной город, и я видела, как гордятся им его земляки, с каким восторгом его принимают читатели. Куняев прекрасно владеет ораторским искусством, глубоко мыслит категориями как философ, государственный, державник и личность. Двухтомник пронизан высокими понятиями долга, чести, нравственности, достоинства.

Эта книга – многолетний труд, работе над ней отдано более десяти лет. Надо отдать должное: С.Куняев не умаляет достоинств своих современников – историков литературы старшего поколения, которые внесли свой бесценный вклад в осмысление русской классики, советской литературы: Ю.Селезнева, М.Лобанова, В.Кожина. С

С Куняевым можно спорить (он сам блестящий полемист), но его нельзя упрекнуть в том, что он не искренен. Он обладает железной логикой доказательств, высокой культурой.

Исходя из всего сказанного, предлагаем читателю с некоторыми сокращениями одну из глав этой талантливо написанной книги, посвященную выдающемуся советскому поэту Ярославу Смелякову.

Смеляков занимает в советской поэзии особое место. Трудно найти аналог в советской поэзии: его ни с кем нельзя сравнить. Очевидно, это связано с его биографией: трижды репрессированный, он остался советским поэтом и гражданином. Я встречалась с ним на съездах. Его всегда с почтением окружали молодые поэты. Я высоко ценю его как поэта-лирика.

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Ежели поэты врут, больше жить не можно.
Я. Смеляков

Перебирая свой архив, я нашел недавно четвертушку бумаги, на которой было несколько строк: «На днях бюро секции поэтов приняло в Союз писателей Станислава Куняева. Он человек одаренный, а в его книге «Землепроходцы» есть немало хороших современных стихотворений. Но, как мы говорили ему на бюро, у него нередко бывают формалистические игрушки, легкомысленная игра в слова. Когда эта игра идет вокруг незначительных тем, она еще более-менее терпима. А в данном стихотворении о Кубе она выглядит совершенно неуместно и погубила стихотворение. Не буду приводить цитат, так как для этого надо было бы разбирать почти все стихотворение целиком. Печтать стихи решительно нельзя. Я. Смеляков».

Стихи мои были о кубинской революции, о лозунге «Родина или смерть». Из отзыва видно, что я не ходил в его любимцах. Что было чистой правдой.

Он, до последнего вздоха преданный эпохе социализма, истово верующий в ее историческое величие, никогда ни на йоту не сомневавшийся в ее правоте, умер 27 ноября 1972 года, в день моего рождения.

Нет, не прост был этот белорус, впервые арестованный «за моральное разложение» в конце 1934 года. Тогда при обыске в его квартире была найдена книга Гитлера «Моя борьба». А потом – финский плен, а после вызволения из плена подневольная работа на тульских шахтах, в 1951 году еще один арест и еще три года лагерной жизни в Инте. Но ему повезло больше, нежели его друзьям – Борису Корнилову и Павлу Васильеву: где они похоронены – не знает никто. Вроде бы проклинать должен был поэт это время, но вспоминаю, как его жена Татьяна Стрешнева на смеляковской даче в Переделкино незадолго до смерти поэта с ужасом и восторгом рассказывала мне:

– Я иногда слышу, как он во сне бредит, разговаривает. Так вы не поверите: однажды прислушалась и поняла, что он с кем-то все спорит, все советскую власть отстаивает!

Впрочем, я это понял гораздо раньше, когда прочитал его некогда знаменитые и крамольные для нынешнего времени стихи 1947 года:

Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.
Я стал не большим, а огромным –
попробуй тягаться со мной!
Как Башни Терпения, домны
стоят за моею спиной.
Я стал не большим, а великим,
раздумье лежит на челе,

как утром небесные блики
на выпуклой голой земле.

Стихи не о выполнении каких-то хозяйственных планов, не о достижении успехов в личной судьбе, это – о строительстве небывалой в истории человечества цивилизации.

Конечно, Смеляков понимал, что ее созидание требует непомерных жертв, и главный вопрос, мучивший его всю жизнь, был таков: что определяло эти жертвы – принуждение или добрая воля? Если принуждение – то великая цивилизация строится на песке, и рано или поздно ее домны и Башни Терпения пошатнутся. Если жертвы добровольны и над ними мерцает венчик священного, религиозного в полном смысле слова пламени, тогда они ни за что не канут в небытие и забвение...

Сносились мужские ботинки,
армейское вышло белье,
но красное пламя косынки
всегда освещало ее.
Любила она, как отвагу,
как средство от всех неудач,
кусочек октябрьского флага –
осеннего вихря кумач.
В нем было бессмертное что-то:
останется угол платка,
как красный колпак санюлота
и черный венок моряка.
Когда в тишину кабинетов
ее увлекали дела –
сама революция это
по каменным лестницам шла.
Такими на резких плакатах
печатались в наши года
прямые черты делегатов,
молчащие лица труда.

(1940)

Но такими ли они были, эти лица, на самом деле? Ведь о том же времени и о тех же людях Андрей Платонов пишет свой «Котлован», где эти лица «стираются о революцию» и выглядят совершенно иначе. Но Смелякову я верю больше. В его стихотворенье нет ни одного фальшивого звука, никакого литературного штукарства, оно совершенно и самодостаточно, а если вспомнить еще две его строфы, не вошедшие в канонический текст, то глубина понимания поэтом народного самопожертвования в эпоху первой пятилетки покажется просто пророческой. Откуда возникла делегатка в нимбе красной косынки? Конечно же, из крестьянской избы.

Лишь как-то обиженно жалась
и таяла в области рта

ослабшая смутная жалость,
крестьянской избы доброта.
Но этот родник ее кроткий
был, точно в уступах скалы,
зажат небольшим подбородком
и выпуклым блеском скулы.

И опять ни одного лживого слова. Все – правда.
Правда самопожертвования...

Когда наемные лакеи нынешней идеологической перестройки кричат о десятках миллионов крестьян, якобы ставших лагерной пылью, я перечитываю Смелякова и верю ему, говорящему, что крестьянское сословие в 30-е годы не легло в вечную мерзлоту, а стало в своей численной основе летчиками, рабочими, итээровцами, врачами, студентами, машинистами, рабфактовцами, партийными работниками, поэтами, солдатами новой цивилизации.

У моей калужской бабки, крестьянки, было четверо детей. Сын стал летчиком первого призыва, одна дочь врачом, другая – диспетчером железной дороги, третья – швеей и потом директором швейной фабрики. Читаешь, бывало, некрологи 70–80-х годов – хоронят академика, военачальника, секретаря обкома, народного артиста, известного писателя – и видишь, что все они – вчерашние крестьянские дети... Об этом трудном, но неизбежном для народного будущего превращении крестьянства в другие сословия Смеляков размышлял всю жизнь. Всю жизнь он жаждал точно определить, из какого материала создан жертвенный нимб, окаймляющий лики «делегатов» и «делегатов», лики чернорабочих социалистической цивилизации.

Чтоб ей вперед неодолимой быть,
готовилась крестьянская Россия
на голову льняную возложить
большой венок тяжелой индустрии.

Строки из предсмертного стихотворения 1972 года, демонстративно названного «Сотрудницы ЦСУ» – то есть Центрального Статистического Управления. Одна из аббревиатур грозного времени...

Я их узнал мальчишеской порой,
когда, ничуть над жизнью не печалась,
они с моею старшей сестрой
по-девичьи восторженно общались.

Женские судьбы вчерашних крестьянских дочерей особенно трогали душу подростка, благоговевшего перед их наивным, почти монашеским аскетизмом.

Идя из школы вечером назад,
я предвкушал с блаженною отрадой,
как в комнатухе нашей шелестят
моих богинь убогие наряды.
Но я тайком приглядывался сам,
я наблюдал, как властно и устало
причастность к государственным делам
на лицах их невольно проступала.

Будущий поэт, отрок, школьник был счастлив тем,

...что с женщинами этими делил
высокие гражданские заботы
и что в шкафах статистики стальных
для грозного строительства хранится
среди миллионных чисел остальных
его судьбы и жизни единица.

И опять в который раз поэт на склоне жизни требовал от судьбы ответа: чего больше было в «грозном строительстве» – подневольного жертвоприношения или добровольного самопожертвования. Нет, он не тешил себя риторикой лозунгов и социальными иллюзиями, он трезво, как сотрудницы ЦСУ, умел считать все победы и все утраты, он знал неимоверную цену, заплаченную народом за воплощение небывалой мечты, он видел, как ложатся в ее фундамент лозунги, люди, машины...

Кладбище паровозов. Ржавые корпуса.
Трубы полны забвенья. Свинчены голоса.
Словно распад сознания — полосы и круги.
Грозные топки смерти. Мертвые рычаги.
Градусники разбиты: цифирки да стекло –
мертвым не нужно мерить, есть ли у них тепло.
Мертвым не нужно зренья – выкрошены глаза.
Время вам подарило вечные тормоза.
В ваших вагонах длинных двери не застучат,
женщина не засмеется, не запоет солдат.
Вихрем песка ночного будку не занесет.
Юноша мягкой тряпкой поршни не оботрет.
Больше не раскалятся ваши колосники.
Мамонты пятилеток сбили свои клыки...

Великое стихотворенье эпохи!.. Эпоха родила несколько замечательных поэтов: Заболоцкого, Твардовского, Мартынова, Слуцкого, Павла Васильева. Но Ярослав Смеляков отличался от них всех какой-то особой, совершенно истовой, почти религиозной верой в правоту возникающей на глазах новой жизни. Его поэтический пафос был по своей природе и цельности родственен пафосу древнегреческих поэтов, заложивших основы героического и трагического ощущения человеческой истории, с ее дохристианскими понятиями рока, личной судьбы и античного хора. В его взгляде на жизнь не было ни раздвоенности Маяковского, ни покаянных метаний Твардовского, ни иронии Заболоцкого, ни мировоззренческого надлома Бориса Слуцкого. Рядом с ними – уже в шестидесятые и семидесятые годы – будь они кто старше, кто моложе его, он казался каким-то не желающим сомневаться, эволюционировать и пересматривать свои взгляды «мамонтом пятилеток». Но что поразительно! В то же время, когда и Твардовский, и Ахматова, и Заболоцкий, и Мандельштам, и Пастернак кто из «страха иудейска», кто искренне создавали Сталину славословия космического размаха, Ярослав Смеляков, восхищавшийся героикой сталинской эпохи, посвятил вождю лишь одно стихотворение, да и то после смерти Сталина, да и то не назвав его даже по имени. А стихотворенье особенное, смеляковское, где вождь очеловечен особым образом.

На главной площади страны,
невдалеке от Спасской башни,
под сенью каменной стены
лежит в могиле вождь вчерашний.
Над местом, где закопан он
без ритуалов и рыданий,
нет наклонившихся знамен
и нет скорбящих изваяний,
ни обелиска, ни креста,

ни караульного солдата – лишь только голая плита
и две решающие даты,
да чья-то женская рука
с томящей нежностью и силой
два безымянные цветка
к его надгробью положила.

(1964)

Вот так попрощался Смеляков со Сталиным.

К российской героической трагедии XX века он, как никто другой, прикасался бережно и целомудренно. Вот почему он останется в нашей памяти единственным и потому изумительным поэтом, подлинным русским Дон-Кихотом народного социализма, впрочем, хорошо знавшим цену, которую время потребовало от людей за осуществление их идеалов. Поэтом «не от мира сего» Смелякова не назовешь.

Строительство новой жизни по напряжению, по вовлечению в него десятков миллионов людей, по степени риска, по цене исторических ставок было деянием, которое сродни разве что великой войне. А кто, какой историк скажет о войне масштаба 1812 или 1941 года: подневольно ли в такого рода событиях приносятся в жертву миллионы людских судеб, или они живут стихией добровольного самоограничения и самопожертвования? Естественно, что в такие времена над людским выбором властвует и та и другая сила, и принудительная мощь государства, и то, что называется альтруизмом, героизмом, аскетизмом.

И все-таки в конце концов именно свободная воля решает исход великих войн и строительства. Не мысли о штрафбате и не страх перед заградотрядами заставлял солдата цепляться за каждый клочок сталинградского берега, как бы ни тщился Виктор Астафьев доказать обратное. Мой отец погиб голодной смертью в Ленинграде, но сейчас, перечитывая его последние письма, я понимаю, что он был человеком свободной воли. Смеляков знал о таинственном законе добровольного самопожертвования, когда размышлял о судьбе своего поколения:

Шумел снежок над позднею Москвой,
гудел народ, прощаясь на вокзале,
в тот час, когда в одежке боевой
мои друзья на север уезжали.
Как хочется, как долго можно жить,
как ветер жизни тянет и тревожит!
Как снег валится! Но никто не сможет,
ничто не сможет их остановить...

Грань между принесением в жертву государством своих сыновей и дочерей и добровольным самопожертвованием зыбка и подвижна. Да, множество несогласных с жестокой дисциплиной и скоростью «грозного строительства» томилось в лагерях великой страны, но десятки миллионов созидали ее, не щадя живота своего, понимая суровую истину слов вождя: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». И чуть было не смяли.

За несколько месяцев до смерти в стихотворении «Банкет на Урале» Ярослав Смеляков в последний раз безоговорочно поставил точку и благословил до-

бровольную всенародную жертву, вспомнив о том, что первый в его жизни банкет случился в середине тридцатых годов – «в снегах промышленных Урала».

Я знал, что надо жить смелей,
но сам сидел не так, как дома,
среди седых богатырей
победных домн Наркомтяжпрома.
Их осеняя красоту,
на сильных лбах, блестящих тяжко,
свою оставила черту
полувоенная фуражка.
И преднамеренность одна
незримо в них существовала,
как словно марка чугуна
в структуре черного металла.
Пей чарку мутную до дна,
жми на гуляш с нещадной силой,
раз нормы славы и вина
сама эпоха утвердила.

Барельефы этих богатырей, отлитые словно бы из каслинского чугуна, не менее величественны, нежели мраморные статуи богов и героев Эллады. А по своей ли, по государственной ли воле вершили они подвиги, поэт различать не хочет, ибо понимает, что обе силы – и внешняя, и внутренняя – двигали ими... Недаром же он, трижды попадавший на круги лагерного ада, ни в одном своем стихотворении ни разу нигде не проклял ни эпоху, ни свою судьбу, ни Сталина, умело использовавшего для строительства оба могучих рычага истории: вдохновение и принуждение. А ведь в шестидесятые годы рядом со Смеляковым уже писали, уже издавались и

Солженицын, и Юрий Домбровский, и Варлам Шаламов. Но как ни старалось поэтическое окружение Смелякова — Евтушенко, Межиров, Коржавин и другие искренние или фальшивые певцы революции и социализма добиться от Ярослава осуждения эпохи первых пятилеток, старый лагерник не пошел на самоубийственный шаг и не предал ни своего призвания, ни своей судьбы. А если и прикасался к «высоковольтным проводам» времени, то с какой-то своей осторожной человечностью.

Когда встречаются этапы
вдоль по дороге снеговой,
овчарки рвутся с жарким храпом
и злее бегают конвой.
И на ходу колонне встречной,
идушей в свой тюремный дом,
один вопрос тот самый вечный,
сорвавши голос, задаем.
Он прозвучал нестройным гулом
в краю морозной синевы:
Кто из Смоленска? Кто из Тулы?
Кто из Орла? Кто из Москвы?
И слышим выдох деревенский,
и ловим отклик городской,
что есть и тульский и смоленский,
есть из поселка под Москвой.
Ах, вроде счастья выше нету –
сквозь индевелые штыки
услышать хриплые ответы,
что есть и будут земляки.
Шагай, этап, быстрее, шибко,

забыв о собственном конце,
с полубезумною улыбкой
на успокоенном лице.
(1963)

А к евтушенковско-межировским крикам о тоталитаризме и культе личности Смеляков относился с плохо скрытой брезгливостью. Всем, с нетерпением ожидавшим от него после XX съезда партии мазохистского осуждения истории, проклятий тоталитарному режиму, солженицынского, говоря словами Блока, «публицистического разгильдяйства», он неожиданно ответил публикацией стихотворенья «Петр и Алексей».

Петр, Петр, свершились сроки.
Небо зимнее в полумгле.
Неподвижно белеют щеки,
и рука лежит на столе.
Та, что миловала и карала,
управляла державой всей,
плечи женские обнимала
и осаживала коней.

Как похож его «строитель чудотворный» на богатырей из Наркомтяжпрома, на Тараса Бульбу, приговорившего к смерти изменника — сына Андрея, на Иосифа Сталина, отчеканившего: «я солдат на генералов не меняю», когда ему предложили обменять попавшего в плен сына Якова на фельдмаршала Паулюса.

День в чертогах, а год в дорогах,
по-мужицкому широка,
в поцелуях, перстнях, ожогах
императорская рука.
Слова вымолвить не умея,
ужасаясь судьбе своей,
скорбно вытянувшись пред нею,
замер слабостный Алексей.

Читаешь и словно бы видишь, как от столкновения мощных и противоречивых чувств из разгневанных очей Петра искры летят, как от стального лезвия, соприкоснувшегося с точильным камнем.

Тайным мыслям подвержен слишком,
тих и косен до дурноты.
На кого ты пошел, мальчишка,
с кем тягаться задумал ты.

Нет, не в петровской гордыне тут дело, не в сверхчеловеческом тщеславии. Все серьезней: Алексей — это угроза делу Петра, создаваемой его волей новой жизни, будущему России.

Не начетчики и кликуши,
подвывающие в ночи, —
молодые нужны мне души,
бомбардиры и трубачи.

Что происходит в этой сцене? Кто и чем жертвует? Кто идет на самопожертвование? И то и другое происходит одновременно. Ибо Алексей — плоть от плоти государевой, он его наследник, его продолжение, и, отправляя сына на казнь, Петр как бы жертвует кровной частицей себя самого... В это мгновение талант Смелякова взмывает до вершин мировой поэзии, где в разреженном горном воздухе витают героические души пророка Аввакума, эсхилловской Антигоны, голевского Тараса, пушкинского Медного Всадника:

Это все-таки в нем до муки,
через чресла моей жены,
и улыбка моя и руки
неумело повторены.
Рот твой слабый и лоб твой белый
надо будет скорей забыть.
Ох, нелегкое это дело —
самодержцем российским быть.

И в это мгновение человеческой слабости лик Петра становится похожим на лик крестьянки-работницы, пожертвовавшей льняным венком ради «стального венца индустрии», женщины, подавляющей свою жалость, которая все равно проступает в почти окаменевших от напряжения чертах:

Но этот родник ее кроткий был, точно в уступах скалы,
зажат небольшим подбородком и выпуклым блеском скулы.

По всем портретам и скульптурам видно, что у Петра, человека великой воли, был небольшой подбородок... Но главный трагический парадокс стихотворенья в том, что поэт жалеет не сына, не жертву, а Петра-жреца за его страшное отцовское решение и за его отцовскую муку.

Зимним вечером возвращаясь
по дымящимся мостовым,
уважительно я склоняюсь
перед памятником твоим.
Молча скачет державный гений
по земле из конца в конец.
Тусклый венчик его мучений.
Императорский твой венец.

Опять и опять в который раз Смеляков не может отделаться от искушения разгадать — какой же венец окаймляет головы его героев, и есть ли в нимбах, осеняющих лики, отблеск святости... А потому столь навязчиво и постоянно возникает в его поэзии образ венка: «императорский твой венец», «тусклый», почти терновый «венчик его мучений», «красное пламя косынки», венок из цветущего льна на голове крестьянки, «красный колпак санюлота», вдавненная морщина от «полувоенной фуражки» на сильном лбу богатыря из Наркомтяжпрома, «черный венок моряка», «большой венок тяжелой индустрии»...

Великий русский философ нашей эпохи Алексей Федорович Лосев, сам, как и Смеляков, познавший в 30-е годы вкус лагерной баланды, размышляя о том, что такое в философском смысле понятие «жертва», писал в одной из своих работ на исходе 1941 года:

«Я многие годы провел в заточении, гонении, удущении: и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный. Это жертва. Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с ее радостями и горем, с ее счастьем и с ее катастрофами есть жертва, жертва и жертва. Наша философия должна быть философией Родины и жертвы, а не какой-то там отвлеченной, головной и никому не нужной «теорией познания» или «учением о бытии или материи». В самом понятии и названии «жертва» слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое. Это потому, что

рождает нас не просто «бытие», не просто «материя», не просто «действительность» и «жизнь» – все это нечеловечно, надчеловечно, безлично и отвлеченно, – а рождает нас Родина, та мать и та семья, которые уже сами по себе достойны быть, достойны существования, которые уже сами по себе есть нечто великое и светлое, нечто святое и чистое. Веления этой Матери Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери Родины неотвратимы. Бессмысленна жертва какой-то безличной и слепой стихии рода. Но это и не есть жертва. Это просто бессмыслица, ненужная и бестолковая суматоха рождений и смертей, скука и суэта вселенской, но в то же время бессмысленной животной утробы. Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственное только и осмысливает жизнь».

...Я в этой статье вспоминаю, конечно же, лучшие, «искрящиеся», истинные стихи Смелякова. Но «амортизация сердца и души» частенько настигала и его. В этом состоянии он написал множество стихов о Ленине, о комсомоле, о советской власти, о дружбе народов, чреватых многословием и политической риторикой. Сейчас они кажутся (да и раньше тоже казались) наивными, плакатными, нарочито повествовательными. Они не искрились, эти слова, с них сыпалась металлическая пыль, смешанная с крупичками точильного камня. Но даже в стихотвореньях, написанных поэтом с усталой искренностью, не было самого страшного для поэзии изъяна: истерического лицемерия, которым были отмечены деяния популярных стихотворцев, заискивавших перед Ярославом и пытавшихся делать имя и карьеру, сочиняя многометровые поэмы о Ленине и Революции.

...И не случайно, что Ярослав Васильевич в середине шестидесятых потянулся к новым поэтам. Помню вечер в Доме журналиста. Выступали Анатолий Передреев и Белла Ахмадулина. Смеляков представлял их публике. Фамилия «Передреев» на рукописной афише в фойе была безжалостно переврнана – «Переведреев» или что-то в этом роде. Открывая вечер, Смеляков не мог не сказать об этом.

– Внизу висит афиша, – с негодованием произнес он. – На ней изуродована фамилия поэта. Он – Анатолий Пере-дре-ев! Пусть будет стыдно тем, кто переврал его фамилию. Скоро ее будут знать тысячи наших читателей. Это предска-зываю вам я, Ярослав Смеляков!

Но будем смотреть правде в глаза: время сломало и опрокинуло многие устои смеляковского мировоззрения. Он верил, что Союз народов создан уже навсегда, что «дело прочно, когда под ним струится кровь», кровь самопожертвования. Он любил ездить на Кавказ и в Среднюю Азию, он любил Кайсына Кулиева и Давида Кугультинова и за талант, и за невзгоды, которые они перенесли вместе со своими народами. Он верил, что все эти кровавые противоречия – в прошлом.

Мы позабыть никак не в силах,
ни старший брат, ни младший брат,
о том, что здесь в больших могилах,

на склонах гор чужих и милых
сыны российские лежат.
Апрельским утром неизменно
к ним долетает на откос
щемящий душу запах сена
сквозь красный свет таджикских роз.

Я бродил по этим тропам Гиссара и Каратегина, не отдавая себе отчета в том, что лишь тридцать лет тому назад буденовские конники сходились здесь грудь на грудь с басмачами-душманами. Однажды, возвращаясь из геологического маршрута по каменистой тропе, вьющейся над кипящим голубым потоком, я увидел под тутовым деревом холмик из камней, над которым свисали с зеленых веток разноцветные тряпичные ленты.

– Что это? – спросил я у сопровождавшего меня местного таджика. Он внимательно посмотрел мне в глаза и не сразу, но ответил:

– Известный басмач тут похоронен. Из нашего рода.

Так что «на склонах гор чужих и милых» были зарыты и те, и другие. И, однако, я с естественным спокойствием во время геологических маршрутов забредал в самые отдаленные кишлаки, где по-русски кое-как можно было объяснить лишь с чайханщиком, присаживался к чабанскому костру попить чаю с чабанами – потомками басмачей-душманов. Мы улыбались друг другу, в глазах моих собеседников не было ни затаенной злобы, ни коварства, только любопытство и радушие.

Я прощался с этими темнолицыми белозубыми людьми, мы жали друг другу руки, не подозревая, что через тридцать лет их соплеменники будут отрезать головы русским солдатам на разгромленных заставах расчлененной страны. Но в те времена мир Средней Азии еще жил общим укладом, столь дорогим сердцу Ярослава Смелякова. Правда, он предчувствовал, что после его смерти история может быть переписана, кое-какие опасения жили в его душе.

Мне говорят и шепотом и громко,
что после нас, учены и умны,
напишут doskonaльные потомки
историю моей родной страны.
Не нужен мне тот будущий историк,
который ни за что ведь не поймет,
как был он сладок и насколько горек
действительный, а не архивный мед.

Смеляков как будто бы предвидел появление различных волкогиновых, антоновых-овсенков, александров яковлевых, но такого количества грязи, лжи и клеветы, которое выльется на его поколение и на историю отечества, он предвидеть не мог. Хотя и предупреждал их от наглого легкомыслия и тщеславного амикошонства, когда создал в своем воображении сцену, как якобы однажды он подошел в Кремле к креслу Иоанна Грозного в его царственной спальне:

И я тогда, как все поэты,
мгновенно безрассудно смел,
по хулиганству в кресло это
как бы играючи присел.
Но тут же из него сухая,
как туча, пыль времен пошла,
и молния веков, блистая,
меня презрительно прожгла.
Я сразу умер и очнулся
в опочивальне этой там,
как будто сдуру прикоснулся
к высоковольтным проводам.

Урока мне хватило слишком,
не описать, не объяснить.
Куда ты вздумал лезть, мальчишка?
Над кем решился подшутить?

А нынешние – не просто играючи, не просто шутя, не по безрассудной смелости, а по глумливому расчету, за большие деньги, за карьеру и льготы, с напряженными от страха и ренегатской ненависти лицами, хватаются за высоковольтные провода истории, корчатся, гримасничают, лгут до пены на губах. Им никогда не понять душу истинного поэта русского социализма; они жаждут заглушить его голос – «чугунный голос, нежный голос мой», стереть с лица земли его «заводы и домны», закрыть его шахты, разрушить его монументы, вывернуть с насыпи шпалы его железных дорог, осквернить его мавзолей. Мародеры истории...

Да, видимо, можно разрушить материальную часть цивилизации Ярослава Смелякова. Но духовный мир, мир памяти, мир его героев и героинь с нимбами, венками, кумачовыми косынками, «венчиками мучений» живет по своим неподвластным для разрушителей законам. «В нем было бессмертное что-то...». Поэт знал об этой тайне бессмертия, когда, протягивая нить советской истории в глубь веков, писал:

Над клубящейся пылью вселенной,
над путями величья и зла,
как десницу, Василий Блаженный
тихо поднял свой купола.
Современная юность России
тут встречается с Русью отцов,
мерно движутся танки большие
по невысохшей крови стрельцов...

Написано в год восьмисотлетия Москвы. А еще он чувствовал и завещал нам нелегкое бремя памяти обо всем русском крестном пути и знал, что сквозь всю пелену грядущего глума будут все-таки проступать как бы начертанные тусклым пламенем его слова, которые он оставил на соловьевской истории России:

История не терпит многословья,
трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью
и не любить без памяти нельзя.

За полгода до смерти он, которого считали соперником Александра Твардовского, защитил честь своего собрата по поэзии от Солженицына, опубликовав в «Нью-Йорк таймс» следующее письмо:

«Твардовский – человек и поэт. Я только что прочитал статью А.И. Солженицына «Печаль по Твардовскому», опубликованную в Вашей газете (12 февраля). Мы, читатели и друзья этого выдающегося поэта, тоже скорбим над его могилой, но по-другому – без политической истерики, без нелепого желания обратить к собственной выгоде даже смерть знаменитого писателя, признанного своим народом и правительством. Уверен, что Твардовского огорчила и возмутила бы похоронная патетика этого выступления Солженицына, что он бы воспринял это выступление как попыт-

ку посмертной политической дискредитации. Автор статьи стремится представить Твардовского противником не только правительства, но и нашей армии. В слепом запале он не замечает, что сам себе противоречит, когда пишет о том, что на гроб поэта были возложены венки от советских военнослужащих. Или он считает, что венки возлагали втайне от командиров и заодно с ним, Солженицыным? Было бы очень кстати напомнить читателям о том, что незадолго до смерти поэта Воениздат выпустил в свет одному Богу ведомо какое по счету издание «Василия Тёркина». Во время последнего съезда писателей Российской Федерации «Тёркиным» торговали в книжных киосках рядом с Колонным залом, и я видел, как Твардовский весело спустился со сцены, где сидел Президиум Съезда, купить несколько книг, чтобы их раздарить. Немного позже издательство «Советский писатель» выпустило двухтомник Твардовского, и я с радостью написал о поэте, по просьбе газеты «Известия», большую, исполненную признательности статью. Не так давно в издательстве «Художественная литература» вышло полное собрание сочинений Александра Твардовского, честь, выпавшая очень немногим писателям. В прошлом году ему в третий раз вручили Государственную премию. Разве это похоже на травлю? Солженицыну до смерти хочется превратить этого широкоплечего, умного и веселого человека в затравленного страдальца и причислить его, как и самого себя – именно, как самого себя, – к так называемым мученикам. Я не хочу, чтобы у иностранных читателей сложилось с моих слов представление о моем старшем товарище как о счастливце с безоблачной биографией. Подобно всем большим писателям, он прожил жизнь трудную и деятельную; были у него свои огорчения, были ошибки, свои радости и свои иллюзии. Но он не разделял, да и не мог разделять иллюзии Солженицына о том, что в один прекрасный день советская власть рухнет и новая молодежь построит матрёнин мир на ее дымящихся руинах. Твардовский был олицетворением нашей социальной системы. Современная советская поэзия берет лучшие стихи и поэмы Александра Твардовского за образец и будет, как и народ, всегда любить и почитать это имя. Ярослав Смеляков. Москва, 3 марта 1972 г.».

Как сказал сам Твардовский, «тут не убавить – не прибавить»...

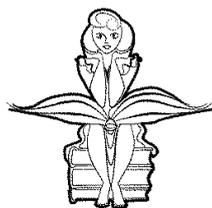
В 1997 году молодой поэт Михаил Молчанов опубликовал в журнале «Наш современник» стихотворение о Смелякове, которое заканчивалось так:

При нем пленялись реки.
Он свято верил в труд.
Теперь его вовеки
У нас не издадут.

Неправда. У «них» не издадут. «Они» не издадут. Издадут «у нас». Издадим «мы».

Небольшую книжечку, тридцать–сорок стихотворений, но таких, у которых вечная жизнь.

г. Калуга

Николай Иванов

ТУЗЫ БУБНОВЫЕ

Рассказ

...Сталин, прикрываясь от окружающих приподнятым плечом, подслеповато пересчитывал деньги. Отделив несколько купюр, оглядел Манежную площадь.

На глаза попался Карл Маркс, топтавшийся около знака «Нулевой километр российских дорог», и вождем народов поманил его пальчиком. Тот с готовностью подбежал, выслушал указания и, получив деньги, заспешил в «Макдоналдс». Ленин, подпиривший от безделья музей своего имени, одобрительно пощипал бородку – это правильно, что за обедом бежит самый молодой. Предчувствуя скорый пир, покинул свой пост у входа в Александровский сад Николай II. Прижимая шашку к генеральским лампасам, заспешил в тень, падающую от памятника Жукову.

Ее, тени от маршала Победы, потом хватило, чтобы накрыть всю компанию двойников, суетливо деливших гамбургеры и прикрывающихся от фотографов растопыренной пятерней. А может, выставляли ее как таксу: снимок вместе со всеми стоит пятьсот рублей. Пятьсот рубликов постоять рядом с историей, ее тузами. Кто первый?

– Кто готов? – командир оглядел пограничников.

Когда строй в одну шеренгу – первые все.

Но на этот случай в шеренге есть еще и правый фланг.

Там оказались Пашка и Сашка, и командир указал им на машины с бубновыми тузами на лобовых стеклах. Тузы в зоне боевых действий – всего лишь дополнительный пароль и пропуск. Символ меняется в штабе непредсказуемо и может быть кругом, треугольником, квадратом, любой абракадаброй, придуманной писарем.

Но сегодня Пашка и Сашка – тузы. И потому им вывозить отпускников с горного плато на нижнюю вертолетную площадку. Она есть и вверху, но на календаре тринадцатое число, да еще пятница, а суевернее летчиков народа нет. Хотя они и списа-

ли невылет на ветер, который якобы может свалить «вертушки» в ущелье.

У пехоты тринадцатых чисел нет. Вывесили бронежилеты на дверцы кабины – погибнуть от случайной пули в бок на войне считается почему-то глупее, чем от выстрела в упор. Распределили счастливых с отпускными билетами по пять человек в каждый кузов, снялись с ручников, покатали с плато вниз, до самодельных щитов с надписью «Стой! Заряди оружие».

Отпускникам тянут карманы проездные и боевые, оружие только у Пашки и Сашки. Передернули затворами, загоняя патрон в патронник. Теперь для стрельбы хватит одной секунды – лишь нажать пальцем на спусковой крючок. От случайного выстрела тоже есть защита – поднятый вверх флажок предохранителя. Тонкая такая пластинка, способная блокировать любое движение внутри оружия. Приучил командир, переслуживший все звания мужиковатый капитан, что они здесь не воюют, а охраняют и защищают.

Лишь после этого «бубновые» начинают сматывать с колес горный серпантин. Крутой, извилистый, для ишаков в свое время пробитый, затем пленными русскими солдатами чуть расширенный для проезда машин – раньше на плато располагалась у боевиков школа смертников, а те забирались высоко, прятались надежно. Сюда даже орлы не долетают, слабачками оказались они в сравнении сначала с боевиками, а потом и с пограничниками, этих смертников разыскивавших и с вершины вышвырнувших. А орлы по-прежнему невесомо парят крестами далеко внизу.

Настоящий крест, сваренный из металла, лежит на плато рядом со строящейся часовней и латунным куполом, больше похожим на шлем русского богатыря. Призванная укреплять дух и веру православного воинства на Кавказе, часовня, без маковки и кре-

На XIII съезде СП России Николай Федорович Иванов избран членом Правления СП России (секретариат). Лауреат многих литературных премий, в том числе – премии «Сталинград», автор 15 книг. Полковник, воевал в Афганистане, был в чеченском плену. Награжден боевыми орденами. Валентина Ефимовская (Санкт-Петербург) писала о нем: «Он получил наибольшую известность одним из своих маленьких рассказов «Золотисто-золотой», потрясшим душу и сразу ставшим органичной частью целостного зрения русской литературы... Н.Иванов пишет о войне горько и возвышенно». (Газета «Российский писатель», май 2009).

ста, пока словно сама нуждалась в защите и потому жала к складу боеприпасов, под охрану часовых. Но самым занятным оказалось то, что половина отпускников заработала себе дополнительный отдых за усердие при восстановлении разрушенной в бою мечети. Конечно, это оказалось легче, чем строить, но почему командир, сам тамбовский волк, столь рьяно чтит местные законы, солдатам неведомо: в аулах за твором не клацни, по улице выше второй скорости не включи, яблоко с ветки, даже если оно само падает в рот, не сорви. Словно не война здесь, а курорт в его родном тамбовском селе...

«Бубновые» машины жалась к скалам, подальше от могильных головокругительных провалов, пусть и наполненных парящими орлами. Прослужи хоть год, хоть два, но так и не поймешь, что легче – подниматься на плато или спускаться вниз. А тут еще, в самом деле, пятница, тринадцатое...

Но зря вспомнилось Пашке под руку это число, ох, зряяаяаяя!!! Застонал об этом, когда нога провалилась вместе с педалью тормоза до самого полика, и машину плавно, но неотвратимо, всем ее многотонным весом и весом пяти пока еще счастливых отпускников потащило вперед. И через мгновение уже не стонал – орал от безнадёги, потому что больше ничего не мог предпринять, от страха и отчаяния, потным лицом через открытое окно чувствуя усиливающийся шелест ветерка. Глупцы, вешали какие-то бронезилеты на дверцу...

Почувствовав неладное в неожиданном разбеге машины, заорали и счастливичики в кузове. Единственное, что они успевали – это выпрыгивать на ходу, падать в новенькой форме на острую пыльную крошку, сбивая в кровь колени и локти.

Но Сашка, - что за чудо оказался Сашка, стоявший на правом фланге еще правее Пашки и потому выехавший на серпантин первым. Он тоже жался своим КамАЗом к скалам, тоже упирался в дорогу всеми «копытами» – обвязанными цепями колесами, спуская свою душу с небес в «зеленку» на первой скорости. Но при этом он еще смотрел и в зеркало заднего вида. В нем, дрожавшем от напряжения и потуги вместе с машиной, и увидел, как упирались в КамАЗ, скользя и падая, Сашкины пассажиры. Еще можно было увернуться от тарана, спасти хотя бы себя и своих отпускников, но ударил Сашка по своим нормальным, прокаченным тормозам. Зеркало вздрогнуло, наполняясь клубком из пыли, старенького КамАЗа и падающих лилипутиков, сисящихся остановить его на уклоне.

И когда длинное, нестандартное для солдатского грузовика, купленное по случаю зеркало от БМВ готово было лопнуть от переизбытка информации, Сашка дал машине возможность прыгнуть вперед. Удар достал, но мягкий, вдогонку, и уже больше не отпуская его, Сашка стал притормаживать, сдерживая разогнавшийся грузовик друга своей многотонной громадиной и весом пяти ошалевших, сжавшихся внутри кузова отпускников.

Но слишком крут оказался склон, слишком большую скорость развил Пашка на своем тарантасе, чтобы удержаться в одной сцепке и не пасть мимо орлов на дно ущелья. И тогда, спасаясь от падения, Сашка направил вытянутую, дымящую от перегрева морду своего КамАЗа на очередной выступ. От удара выбило приклеенное дешевым ПВА зеркало от БМВ, сзади послышался скрежет Пашкиной бурбухайки, но, тем не менее, все застыло.

И только после этого пограницы, уверовав в спасение, обессилено попадали на камни, вытирая пот с лиц, поднимая глаза в чистое, свободное даже от орлов небо.

Но не от боевиков.

Они смотрели на пограничников с гребня скалы, и мгновенно все вспомнили, что оружие – только у Пашки и Сашки. Тем для стрельбы хватило бы секунды, но флажки, тонкие пластинки предохранителя, поставлены вверх! А это еще одна секунда. Страшно много, когда тебя самого держат на мушке, не давая пошевелиться.

Эх, командир.

Тринадцатое, пятница!

Разбив тишину и сердца пленников грохотом, упал скатившийся с гребня камешек. Не желая быть свидетелем расстрела, медленно, не привлекая к себе внимания, присело за вершину соседней горы солнце. В небе остались только перекрестившиеся взгляды боевиков и пограничников. И расстояния меж ними было как от православной часовенки до мусульманской мечети, которую они подняли из руин.

Но сумел, сумел по миллиметру, сдирая о камни кожу с рук, дотянуться Сашка до подсумка с гранатами. Все! Теперь он спасен. Только однажды он видел пленных. Точнее, их изувеченные, с проткнутыми шомполом ушами, отрезанными носами, тела. А он не дастся. Успеть подорвать себя – невероятное счастье, редкая удача для солдата. Спасение от плена...

Со скалы прогремел камнепад – скатилась тонкая струйка песка в ореоле бархатной пыли. Этого мгновения хватило Сашке, чтобы дернуть руку из-под себя. Вроде как занемела, вроде отлежал ее, а на самом деле вырвал чеку в «лимонке» - тонкие такие усики-проволочку, просунутые через отверстие в запале. И получила свободу пружина с бойком. И на пути у них только одна преграда – нежнейший, не признающий малейшего к себе прикосновения, нарциссом красующийся от своей значимости капсюль. За которым – пороховой заряд. И мощи в этой идеально красивой солдатской игрушке, специально ребристой для увеличения числа осколков вполне хватит, чтобы оставить тысячи автографов на скале, спасшей солдат от падения вниз. Спугнуть орла, не ведающего страха. И мягко, себе в охотку, потому как для этого и предназначалась, искромсать людишек, в эти игрушки играющих.

Жалко себя Сашке. И дом родной вспомнился с новой верандой, и вместе с этим воспоминанием вдруг испугался, осознавая, как плохо они с батей поста-

вили в ней дверь – не по центру, а сбоку. Старались, чтобы не заметал снег, и чужие кошки прямо с улицы не забегали в сени. Но теперь, когда будут выносить его гроб из хаты, намаются крутиться. Надо было делать выход прямо...

Тишина после камнепада стояла оглушительная, до звона несуществующих здесь кузнечиков. И боялся Сашка уже другого, – что пальцы и впрямь онемеют и разожмутся прежде, чем подойдут боевики. Погибать одному, без врагов, на войне тоже почему-то считается глупо...

- Ушли, - прошептал шершаво в уши Пашка.

Он наверняка ошибался, наверняка снайпер продолжал держать их на мушке и ждал, кто первый поднимет голову. Если стрелок неопытный, снайперка при отдаче рассечет ему бровь...

Но пошевелился – и остался жив! – Пашка. И долго потом жил – сначала десять секунд, потом все двадцать. А потом еще столь долго, что отказали Сашкины пальцы, державшие гранату. Знать не знал, ведать не ведал, что в переводе с латинского она означает «зернистая». Учил про нее другое – что «зернышек» этих хватит усеять двести метров по всей округе. А вокруг теперь оставались только свои...

...Они потом долго гадали, почему боевики ушли без выстрелов. Кто перевозил Сашкину гранату, которую потом едва выцарапали из схваченных судорогой пальцев и уронили вниз, заставив-таки орла сложить в страхе крылья-крест и камнем пасть на дно ущелья. Кто переименовал тринадцатое число в обратную сторону. Про капитана, тамбовского мужика, не вспомнили – ни как он запрещал клацать затворами в аулах, как не давал мотаться по дорогам на скорости, давая в пыли беспечную домашнюю жив-

ность, как не разрешал рвать алычу и яблоки, едва не падающие в рот. И про лозунг его – не воевать, а охранять и защищать, тоже не подумали. Что-то о мечети, поднятой из руин, заикнулись, но мимоходом. Не смогли солдатским умом сопоставить, что на войне политика вершится даже такими штрихами, что тузы бубновые на стеклах – уже не просто символ, дополнительный пропуск в зоне боевых действий, это уже и знак, переданный старейшинами боевикам – это хорошие солдаты, этих не трогать...

Да и некогда было особо об этом думать – подкрался на тягаче из-за поворота капитан. Поругал непонятно за что Пашку и Сашку, а спустив пар, обнял их и сам полез под днище машины менять лопнувший тормозной шланг. И, устыдившись своего страха, нашло среди горных круч расселину солнце, еще раз осветило колонну. А оттого, что было уже низко, удлинило тени и казались теперь пограничники на крутом серпантине великанами, достающими головами до вернувшегося в пропасть, но так и не поднявшегося до солдат, орла. Не имел собственной тени лишь писарь, переклеивая на стеклах машин листы: с 18.00 в зоне ответственности пограничного управления менялся пропуск и «бубновые тузы» переименовывались в треугольники. Да еще шла в это же время шифровка в Москву – «Боестолкновений в зоне ответственности не зафиксировано, потерь среди личного состава нет».

А в самой Москве, рядом с Красной площадью, самостийные «тузы» выискивали глазами тех, кто готов был заплатить, лишь бы постоять рядом с историей, с теми, кто якобы вершил ее для страны. И в ожидании своего куша подкармливали воронье, слетевшееся на крошки от гамбургеров...

Николай Сомов

ЖИЗНЬ – КОПЕЙКА, ЛЮБОВЬ – ЗЛОДЕЙКА

Рассказ

Вот идут два тридцатилетних балбеса. Коля и Лева. Впрочем, не такие уж они и балбесы. Живут в городе более чем средней величины. Довольно-таки цивилизованном (нахватались), но еще все-таки недостаточно. Читают книжки. Кругозор кое-какой. Для мира искусств с натяжкой не посторонни – работают в редакции областной газеты.

Рабочий день в разгаре. Но идут они не по служебной надобности, а так, работать не хочется, болтаются. Все строки на сегодня, что должны быть сданы, – сданы. А те, что не сданы, – бог с ними, время еще есть.

И все-таки они, при наличии нажитого возраста, балбесы. Идут и рассуждают философически. О чем? О жизни, конечно. О своей и вокруг. Жизнь какая-то исключительно-однообразно-черно-бело-серая. Не в смысле расцветки, а сюжетно. Коллизий не хватает,

всплесков, ярких точек. Вот, скажем, если бы сейчас ураган начался (стоит теплое яркое лето – в дождь или в мороз болтаться нет у них привычки), и крышу понесло бы у них на глазах. Сорвало с пятиэтажного дома, скажем, и понесло. А у них бы фотоаппарат с собой. Во!!!

Нет. Крышу, пожалуй, не пойдет. Еще самих зацепит. Еще жертвы будут, убытки. Это цинизм – желать такого.

Вот лучше бы... Вон самолет летит. Сейчас бы, предположим, падать начал. А у них бы фотоаппарат. Бесподобно!! А чтобы жертв не было, у самой земли пилоты аварийную ситуацию устраняют. Ведь есть же, наверное, в нашем доблестном аэрофлоте такие хладнокровные, мужественные, высококвалифицированные, не теряющие чувства гражданской ответственности в экстремальных ситуациях, скром-

ные и находчивые пилоты, – и серебристый лайнер взмывает обратно в голубые небеса, в безоблачное мирное небо (понесло мысль газетной дичью). Но кадр отснять они бы уже успели и даже задублировали. На фоне четырнадцатизэтажек тело самолета в какой-нибудь экстравагантной позе, а под ним – ну прямо рукой подать – изумленные, панически испуганные, пораженные эффектом люди. Но в таком ракурсе, чтобы ни у кого и тени сомнения. (Вы что? Какой монтаж? В нашей стране не бывает? Все натурально). Пассажиры отделяются тяжелым испугом, все становится на свои места.

– Дурак ты, Лева!

– Сам ты, Коля, дурак!

– Но чего-то ведь хочется? Яркого и необычного.

– Да, но как-то все связано с этаким, случись что, – потом совесть мешать будет. Вдруг это мы накликали?

– Нет, так не бывает. Все случается своим чередом, естественным порядком. А мы только удачно к моменту можем при этом оказаться.

– Циники.

– Давай лучше про себя. Чтобы никому плохо не было. Положим, ты, Вася, сейчас умирать стал каким-нибудь хитрым способом. А я тебя спас.

– Так не пойдет. В рабочее время. Сразу возникнет вопрос: что они там делали? Почему умирали не в редакции?

– Тоже верно. Давай-ка лучше свернем с маршрута, по дворам прошвырнемся, народ думать мешает, в глазах мельтешит.

Летний день продолжается. Он хорош. Настолько, что возвращаться в контору не хочется абсолютно. Коля и Лева идут не спеша. Каждый занят своим раздумьем – о чем вести разговор дальше? В оба раздумья врывается рассыпчатый резкий и звонкий стеклянный звук. От неожиданности Коля и Лева вертят головами. Звук повторяется, усиленный и сверху. Друзья задирают головы. На пятом этаже под самой крышей из нераскрытого окна рядом с лестничным пролетом (видимо, кухонного) сквозь стекло торчит голова. В следующую минуту с новым звоном рывком появляются плечи. Сыплются стекла, осколки. Как будто человека выталкивают, а он упирается. Еще движение и звон, на улице уже тазобедренная часть тела. И руки странно прижаты по швам. И сопротивления в этом безумце уже не видно.словно какая-то внешняя сила держит его горизонтально и управляет им. Лицо вниз, к земле. Молодой мужик. Последнее движение – и... Жизнь, как киноплёнка, тоже может двигаться в рапиде.

Во всяком случае, человек должен по закону свободного падения рухнуть быстрее. Он летит. Вниз. Но плавно. Тело вытянуто. Ноги постепенно заносит через голову, вперед. Последние метры он летит параллельно земле, головой к дому. Именно земле – асфальт чуть дальше. А рядом с домом мертвый, запущенный газон с невысокой деревянной огородкой. Но почти отсутствующей. Редкие опорные столбики и

горизонтальные порушенные бруски. Один столбик, вырванный, валяется на невозделанном газоне. Тело несчастного шлепается боком прямо на него.

В разбитом проеме окна видна голова пожилой испуганной женщины. О чем она голосит? Внизу всеобщее оцепенение. У Левы и Коли – любопытство и изумление: что это? Невесть откуда успели случиться люди.

– Хана парню, – говорит Лева.

– Нет, смотри-ка, поднимается. Наверно, пьян, как обезьян, лицо непроницаемое и взгляд чумной. Пьяным ничего не делается, – говорит Коля. – Вот случай был...

– Все равно хана. Если бы не столбик. А так он все потроха поотшибал. Бездельники чертовы. Порядок вокруг дома не могут навести. Бюрократы, – продолжает Лева.

– Один парень, студент, в общежитии по пьянке с балкона упал, с четвертого этажа. Так встал и пошел обратно пить. Правда, там кусты были. Поцарапался только, – заканчивает Коля.

Народ сгрудился вокруг уже сидящего, но очень неестественно, виновника оживления окружающей действительности. Проявляет заботу и суетливость. Лева и Коля стоят все так же в пяти метрах от происшествия, соображая, что требуется от них.

– Смотри, уже и больница откуда-то взялась с носилками! Оперативно. Пошли, подойдем ближе к событию, – зовет Леву, как более любопытный, Коля. – Жив остался... Молодец! Как думаешь, выкарабкается?

– Да нечего там делать. Без нас справятся. Еще носилки попросят нести. Тут в соседнем доме больница. Быстро сбегали... А то еще в свидетели записывать будут, вон уже мундир спешит, – препятствует Коле, как более благоразумный и осторожный, Лева. – Айда-ка, айда на работу, еще строки сдавать надо. Расскажем – не поверят.

– Скажут, а вы чего там болтались, когда строки сдавать надо. Сегодня рассказывать не будем. Если только вечером.

– Хм. Это ж надо же. Действительно – как накаркали. Самолет тебе, самолет. Вот и увидели самолет. Фотоаппарата только не было.

– Э... Все равно сфотографировать не успели бы.

– Уж это точно...

И Лева, и Коля рассказывали про этот случай всем. В конце добавляли: «Интересно бы узнать, выжил – нет?».

– В том доме рядом с поликлиникой? – стал уточнять и переспрашивать один из приятелей. – Какое, говорите, окно? Да я же в этом подъезде в юности несколько лет жил и парня этого знаю. Наведу справки, чем кончилось. А вообще это на него похоже.

И поведал. История такова.

Парень был очень способный. И в школе, и в институте. Крайне способный. Читал очень много. Родителям – подарок судьбы. Олимпиады, конкурсы – всегда участник, всегда в числе победителей. Не

голова, а дом правительства. Одаренный хлопец, надежда семьи. Ну, и, конечно, девки за ним: перспектива, будущее. Только еще тогда у него что-то с «фазой» случилось. Перечитал, видимо, перезанимался, переусердствовал. Знаем же, слишком хорошо – тоже плохо. Всякое «пере...» чревато последствиями. Когда мысль начинает «пере...», то уж дальше валится. Но тогда это мало заметно было. Ляпнет что-нибудь невпопад. Но смешком кончалось. Внимания особенного никто не обращал.

Ну, так вот, о девках. В красавицу одну он, естественно, втрескался. Уж такая дружба у них, уж такая любовь – и смешно, и завидно. В финале, а лучше сказать, в кульминации, потому что дальше развитие действия еще хлестче пошло, – законная регистрация и счастливая жизнь под родительской кровлей. Папа, мама, бабушка и они, молодые. Да только папа-то тоже не шибко стар был и положил глаз на... Как ее там называть? Сноха? Золовка? Невестка?.. Никто сейчас ведь не помнит, все перезабылось и перемешалось в этих категориях, места перепутались, как и соображение, какое звание для кого предназначено, каковы функции, назначение, круг обязанностей и поведение. Одно еще, слава богу, помним: «муж», «жена». Но эти-то завсегда друг с другом самые согласные люди, лишь бы не ведал никто, не прознал. В общем, положил папаня на нее глаз. И она как женщина не заметить этого не могла. А как вышедшая не по любви и отказывать себе резону не нашла. Но ведь в одном доме. Сына-дурака долго за нос водить можно, хоть всю жизнь. Но другие две женщины – ведь женщины! – заметить должны, по-

пытней этой: чутьем понять.

Собрали папа с новоиспеченной дочкой манатки – и ходу из дома родного в неведомом направлении. Однако были слухи, – в южную сторону. Мама тоже от позора к своим подалась. Остались в квартире бабка да внук. Бабке вышло судьбе покориться. У внука от прозы жизни так в голове захлестнуло, что догляд за ним нужен стал неусыпный. От могилы бабку, может, это и спасло – забота, отвлечение.

Захлест у парня не постоянный получался. Переживал, конечно. А раз этак в полгода – глаза задуреют, затуманятся, опьянеют: то книги из квартиры начнет выбрасывать стопками, то над собой что учинить пытается. Но чаще книги выбрасывал. Видимо, источник зла в них определил.

От отца больше никаких вестей, канул в южную Лету. Мать иногда переводы посылала сына поддерживать. Но какая тут может быть поддержка?

... А парень после полета полторы недели еще протянул. Вернее, удерживали. Да ведь не в этот раз, так в другой...

И тут не к месту (а, может, как раз очень к месту!)) вспомнилась анекдотическая фраза из школьного сочинения – ходили в списках такие фразы, – приписываемая известному герою классика: «чем я тебя породил, тем я тебя и убью».

Драму от окружающих заслонили другие события. Коля с Левого время от времени натыкались и дальше на свои «самолеты и ураганы». Пока не остались без работы. И вознамерились идти в сторожа. Претворились ли намерения в действия – неизвестно. Одно слово – балбесы.

Ольга Парфёнова

ТРИ ПОРТРЕТА

Сценический монолог в лицах

– У нашего климата, кажется, начался климакс. Оха-ха-ха! Такая непредсказуемость!.. О-хо-хо!

Моя попутчица, не теряя хорошего расположения духа, чувствовала себя совершенно комфортно в обшарпанном номере гостиницы. Здесь нам предстояло черт знает сколько томиться в ожидании отложенного авиарейса.

Судя по всему, мы, наверное, ровесницы? А, может, я моложе? Только во мне оптимизма явно меньше... И на душе, как-то... так себе. Настроения просто нет.

Завязался ни к чему не обязывающий разговор. Точнее рассуждала моя соседка, а мне отводилась роль аудитории, которой позволялись короткие реплики и реакция в виде междометий.

Так ей было нескучно.

Она – крупная, хорошо ухоженная женщина. Крупная – не только в смысле роста и веса, но и размера ступней, кистей рук, основных черт лица и, как выяснилось чуть позже, всей натуры в целом. Ее духи с настырной арбузной нотой сразу же наполни-

ли собой весь объем помещения. И, судя по всему, их хозяйка также привыкла заполнять собой любое общество. Думаю, находиться в центре внимания – это главное условие ее душевного комфорта.

В обращении со мной сразу же был взят назидательный тон, который звучал под аккомпанемент торжественных фанфар превосходства:

– Частые встречи, милочка, сулят частые расставания. А я всегда к ним готова!

– К встречам или расставаниям? – посмела уточнить я.

– К ним, – произнесла она с многозначительным нажимом. – Это значит и к тому, и к другому. А, главное, – она игриво повела плечами, – к «ним»! То есть к «тем», с которыми мне предначертано быть. Ну, надеюсь, вы, понимаете, о ком и о чем я?

Запомните! В жизни ни в коем случае не должна присутствовать монотонность. Какая, какая? Да хотя бы та, самая распространенная среди женщин... Годами, десятилетиями бредут они по замкнутому кругу: дом-работа, дом-работа, дом-работа. Словно лоша-

ди, вращающие жернова на мельнице. Монотонность влачит за собой скуку. А скука убивает все! И, в первую очередь, любовь.

Вы, знаете, как закаляются настоящие чувства? Нет?! А я вам сейчас скажу.

Вспышка! Накал! Охлаждение. И?... И-и-и все сначала!!!

Вот! Именно такой жизненный алгоритм дает импульс неудержимой, неувядающей страсти!

Думаю, после этой тирады мне уже не стоило спрашивать ее о семейном положении. К тому же, было очевидно, что наши взгляды на эту тему расходятся, словно самолеты в воздухе при хорошем диспетчере. А на «ток-шоу» я не была настроена.

Не дождавшись с моей стороны положенной реакции – радостного удивления, переходящего в восхищение, опытная дамочка горячо продолжила:

– Что вы! Любовь без страсти – это все равно, что вино без градуса! Про-фа-на-ция! Я-то знаю, о чем говорю.

Окинув изучающим взглядом мою наружность, она осталась довольна – не соперница. Этот факт расположил ее ко мне еще больше. И, сделав доверительно-загадочное лицо, попутчица поведала самое сокровенное:

– Мужчины в меня очень часто влюбляются. Да. Они меня просто обожают. Ах, это так естественно с их стороны!

Плавнo качая бедрами, обольстительница подошла к зеркалу и одернула обтягивающую, тонкую кофточку ярко-зеленого цвета тремя заученными движениями. «Так», потом «вот так» и еще «чуть-чуть». Чтобы зазывнее, откровение смотрелась складочка в центре глубокого выреза. Я же машинально запахла свой клетчатый жакет наглухо.

Она благодарно улыбнулась своему зеркальному отражению и приоткрыла мне истину:

– Ах, дорогая моя... Надо любить любовь! И себя в любви! И любовь в себе! Да-да. Поверьте моему опыту. Прекрасный омолаживающий эффект. Прекрасный!

Чаровница не спеша подкрасила выпуклые губы с помощью усложненной методики. Сначала использовался темный контурный карандаш. Затем, для основы, был наложен какой-то крем. Далее в ход пошли две яркие губные помады разных тонов. Та, что потемнее, легла около карандашной линии по краю, а более светлая распределилась по всему незанятому полю. И поверх всего этого – перламутровый блеск! Около минуты красотка любовалась на свое произведение, то приближая лицо к отражению, то отдаляя.

– Ох, уж эти мужчины! Подумайте только, некоторые бывают просто нестерпимо назойливы, – она кокетливо рассмеялась, видимо вспомнила какой-то волнующий эпизод из недавнего прошлого.

– Я даже иногда устаю. Устаю отнекиваться. Правда-правда. Представляете, иной раз, приходится прятаться! – Ее смех прозвучал заразительно. – Как школьница, ей богу! Нет, вы представляете?!

Я честно попыталась представить: большая, шумная, заметная, в мощном облаке с ног сшибающих ду-

хов... Нет. Не получилось. Да-а, такой трудно спрятаться... Все равно найдут.

А на языке крутился новый вопрос: вы сейчас хвалитесь или жалуется? Но я сдержалась.

Взбив густую волну ярких, безукоризненно окрашенных волос, искусительница повернулась к зеркалу в пол-оборота. Сначала придирчиво осмотрела профиль своей внушительной фигуры справа, потом, крутнувшись в другую сторону, – слева. Изрекла:

– Ну? Весьма аппетитно. У-у?! Согласитесь?! Стиль – ретро! Нынешняя мода безнадежно усохла. Да – усохла. А классика... Классика – на все времена!

Меня опять подмывало поинтересоваться: так классика или ретро?

Вдруг моя новая знакомая, подражая известной певице, громко запела. Голос у нее был. Но для такой комплекции оказался неожиданно высоким. Я бы даже точнее сказала – тонким и звенящим:

Рыцарем без страха и упрека
Ты, увы, не стал, любовь моя.
Пусто мне с тобой и одиноко,
Видно, этот век не для меня.
А я сяду в кабриолет...

– Надо же, – подумала я, вспоминая предыдущий разговор и свои наблюдения, – сколько эгоистичной уверенности и романтического оптимизма. Грандиозно! А ей идет завышенная самооценка. Если реклама – двигатель торговли, то высокое самомнение человека, безусловно, – двигатель успеха по жизни. И для здоровья полезно. Факт, как говорится, налицо.

Приглядевшись внимательнее к опытной сердцеедке и слушая вдохновенное исполнение шлягера, неожиданно почувствовала сомнение: не слишком ли я строга и категорична в своих оценках? Да. Скорее всего, я не совсем объективна... Может быть из-за того, что раздражена этой дурацкой задержкой рейса? Ну, если честно, то мой полиморсос (политико-моральное состояние), уже давненько – ниже некуда. А если попробовать отвлечься от плохого настроения? И взглянуть в самую сердцевину, так сказать...

Ну, конечно же. Теперь видно даже невооруженным глазом... Несмотря на весомый опыт прожитых лет, ее наивная детская душа смотрит из зрелого тела, как робкий котенок из танка. Эта «взрослая девочка» сама себе придумывает, сама себе верит, сама себя развлекает... Уж все лучше, чем плакаться да жалиться.

О, слышите, как самозабвенно под броней «котеночек» заливается?! Во дает... Ну, чисто две звезды – в одной. О-о-о... А последняя рулада?!.. У-у-у... Григорий Лепс – в ударе! Молодец! Ее устраивает этот имидж, эта роль, которая помогает держаться на плаву. И делает она все это для того, чтобы не впасть в тяжкий грех – уныние. Фантазеркам легче жить!

Я же тихо и обреченно бреду по своему замкнутому кругу. В этом она права... И от того, что я такая на белом свете не одна, нисколько не легче. Надо нам изо всех сил противостоять угнетающим обстоятельствам. Спротивляться... И противостоят! Как? А кто как может... Кто как умеет.

Мотив песни и особенно слова припева настраива-

ли на обалденную романтику и удалую мечту:

А я сяду в кабриолет
И уеду куда-нибудь...

У меня даже под коленками вспотело, и очки затуманились. А почему, собственно, мне не подурчиться, не пофантазировать? Надо же, наконец, как-то выходить из этой комы чувств.

Сжавшись в уголке дивана, я прикрыла глаза и мысленно включилась в игру. Так. Да-да-да...

Чего только стоит само понятие «кабриолет», столь экзотическое для наших, мягко говоря, нежарких широт. Как здорово представить себя мчащейся по гладкой, широкой, пустынной трассе на прекрасной машине в сторону моря... Но можно и океана, не в этом суть! ...Руки в длинных облегающих перчатках свободно лежат на руле! Покатые плечи оголены и расслаблены. Верх кабриолета откинут. Над головой – синее праздничное небо в редких гроздьях ослепительных облаков. Меня овевает ласковый ветер, принося с лугов запахи цветущих трав. Мои роскошные блестящие волосы... Откуда взялись? Да все отсюда... Откуда берутся мечты!

Так... Не отвлекаться... Так-так, значит...

...Мои роскошные, блестящие волосы... Длинный прозрачный шарф на высокой шее, тонкие французские духи... Как свежо, трепетно, нежно! Из стереомагнитолы льется волнующая музыка...

А все это вместе!!!

То, сливаясь, то развеваясь по воздуху, летит вслед за мною, словно волшебная вуаль! Или королевская мантия? Ладно, это потом додумаю. Эх, хоро-шо-о-о!!!

...Мую загорелую, бархатистую кожу эффектно оттеняет короткое, маленькое платье из новейшей авторской коллекции. На таких узеньких-узеньких, продуманно-медленно сползающих бретелях. А что? Фигура позволяет. Верхнюю деталь нижнего белья в такую погоду я вообще не ношу! Значительный размер моего бюста не портит его форму. Широкий пояс ручной работы обхватывает талию...

Стоп. А кто я – блондинка или брюнетка? Ну-у... Это тоже потом...

Надо же, а из «танка» песня все звучит и звучит... Звенит и льется... Да так, что эхо под потолком гуляет! Сколько же там куплетов? Скорее всего – по третьему кругу пошла. А настроение-то у меня улучшается, значит, прихожу в себя... Спасибо тебе, котенок!

Так-так-так... Играем дальше...

...Мое вдохновенное лицо с гордым профилем и четким юным овалом озаряет легкий естественный румянец. На прямом аккуратном носике – большие солнцезащитные очки «откутюр». Сквозь их тонированные стекла огромные глаза загадочно мерцают, похожие на две далекие обитаемые планеты. Густые ресницы напоминают опахала. Они видны даже над верхним краем оправы и почти касаются темных, изогнутых бровей. Гладкий, широкий лоб – будто перламутровый...

Ха! Ну и картинка... Голливуд под увеличительным стеклом! Смешно? А мне нравится... Созвучно

моему внутреннему содержанию. К тому же, в жизни частенько так бывает, что портрет души намного ярче и притягательнее, чем внешний. Бывает, кстати, и наоборот. Но не все это замечают. Ну и пусть. Важнее самой это помнить. И знать, что внешность быстро изнашивается, а душа – вечна! Главное, встретить, наконец, по-настоящему зоркого человека. Да. И самой не оказаться в который раз слепой. Вот тогда...

Так-так-так... Ладно. Об этом я еще успею подумывать.

...Ах! Какое это удовольствие – свободно мчаться вперед! Атласное полотно дороги крепко-накрепко связывает машину с горизонтом... Не догнать, не оторваться! Я – парю! Глухое урчание мотора под капотом кабриолета успокаивает. Скорость... Скорость пьянит! Мои мысли четкие, легкие. Настроение ровное, с уместным оттенком иронии. Мой оптимизм растет, самооценка повышается! Чудесно!

Я – прекрасна и гармонична!

Повезло, что на дороге нет других машин! Иначе они обязательно все увязались бы за мной вдогонку. Все до единой! Из них темпераментно кричали бы. Например, так: «Дэвушка, дэвушка! Красавица! Зачем такая гордая, а?!» Или с поэтическим придыханием и волнением: «Постой, прекрасная незнакомка! Молю, не покидай! Скажи хотя бы слово...». Или, может быть, с надрывом, будто гитарный аккорд: «Преле-е-естница!.. Ну, посмотри на меня «хоть один только раз»... Иначе – умру!».

И все испортили бы. Нет. Случись что, я их просто проигнорирую. Знаю таких. Пусть катятся себе далеко-далеко... и в противоположном направлении. А мой полет независим!

...Рядом, на соседнем сидении, лежит кружевная широкополая шляпа. Сзади небрежно брошен изящный саквояж. А зачем за собой много таскать? Надо будет, куплю.

Магическое слово из песни – «уюду!» – означает, что оставлю все плохое позади, а самое-самое заветное, лучшее – возьму. И приумножу. Там...

Где? Да сказано же в тексте: «уюду куда-нибудь». Понимаете? «Куда-нибудь!» То есть без разницы... Куда захочу! Например, к большой воде, как я уже говорила... Или куда левая нога повернет...

...Нет, эти дивные, стройные ноги сейчас лучше не трогать, хоть у меня и автоматическая коробка передач, но... Пусть лучше обе побудут около педалей. Тогда руки... Нет! Эти тонкие, гибкие создания тоже, кажется, при деле...

Да что я, в конце-то концов...

Сердце – не занято! А вот туда, куда оно поведет! Куда оно вырулит!

Ту-у-д-а-а-а!!! И так далеко – насколько в заправках у дороги бензина хватит! Далек-о-оо!.. Ого-го-го-о-о!!!

Полная свобода! И превосходство над обстоятельствами! Эх, девчонки, как важно решиться «сесть в кабриолет». Главное, себя не потерять и чтобы мечта летела!

Вперед – к прекрасному!

Наталья Закирова

ПОЧЕТНОЕ МЕЦЕНАТСТВО

Николай Васильевич Витрук родился 4 ноября 1937 года в Томской области. Выпускник юридического факультета Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, он занимается преподавательской деятельностью, пишет учебники по юриспруденции, работал в Конституционном Суде России, много ездит по стране. Отраднo, что на карте его маршрутов есть и наш родниковый край. Свыше 15 лет по собственной инициативе ученый плодотворно занимается культурно-просветительской работой, благотворительной деятельностью в наших краях. Библиотекари, музейщики, поэты, художники, ученые, – словом, интеллигенция Удмуртии и те ее жители, у которых открылась возможность стать зрителями художественных выставок и читателями новых изданий, иницилируемых Н.Витруком, хорошо с ним знакомы и ценят его миссионерскую деятельность. Он многие годы проводит творческие конкурсы художников Удмуртии, интересуется работой домов ремесел, центров удмуртской культуры, прикладным искусством республики. Н.Витрук удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики». И это совершенно справедливо.

Особый интерес проявляет культуролог к литературе. Он страстный поклонник С.Есенина, пропагандист и издатель его произведений. В наследии Н.Витрука поэт предстает в неожиданном ракурсе – в региональном аспекте: удмуртская «есениана» ученого насчитывает уже не одно серьезное исследование.

По праву считающий себя короленковцем, он не раз выступал на удмуртской земле, где писатель считается национальным героем, с обстоятельными докладами об общественной и литературной деятельности В.Короленко. Поистине неоценимым для сохранения духовного и литературного наследия писателя является осуществление Н.Витруком издательского проекта, уже реализованного в следующих публикациях: брошюра «В.Г.Короленко – писатель и правозащитник», рассказ «Сон Макара» на русском и удмуртском языках, миниатюра «Огоньки» на удмуртском, венгерском и английском языках, иллюстрированный справочник «Образ В.Г.Короленко в творчестве удмуртских художников». Все, что издавалось Н.Витруком, отличается свежестью замысла, вкусом и высокой культурой художественного оформления.

Глазовчане особенно признательны ученому за

его участие в Седьмых и Восьмых Короленковских чтениях. Осенние визиты Н.Витрука в Глазов оба раза длились всего по три дня, но, по его признанию, оказались для него полезными. Они были заполнены встречами с сотрудниками и читателями библиотечно-информационного центра им. Короленко, с городской администрацией, с учениками детской художественной школы, сотрудниками выставочного зала, интеллигенцией, учеными ГППИ и участниками Международной конференции. Уже становится доброй традицией, когда московский профессор открывает своими приветствиями и докладами работу пленарных заседаний Короленковских чтений, руководит одной из секций, оказывает конкретную помощь местной интеллигенции. Поистине неоценимой стала его поддержка для осуществления проекта по иллюстрированному изданию «глазовских страниц» В.Короленко на русском и удмуртском языках. В этом году впечатляющим стало выступление московского гостя на юбилейном митинге у памятника Короленко и представление им своих новых работ.

Книгоиздатель-просветитель представил на суд участников Международной конференции «Культура провинции: история и современность» продолжение серийного издания, начавшегося с короленковского «Сна Макара». В него вошли билингвистические (русские с переводами на удмуртский язык) избранные страницы А.Пушкина, М.Лермонтова, Н.Некрасова, С.Есенина с иллюстрациями глазовского художника И.Безносова.

Одним из главных событий короленковского форума стало обсуждение фундаментального труда Н. Витрука «Этнокультура: русско-удмуртские связи». Все участники конференции получили в подарок книги с автографом автора. Из общения с ним, удивительно открытым и искренним человеком, живо представившим ценность архивных изысканий и открытий, каждый убедился в основательности и широте познаний автора, в поле зрения которого – литература и театр, живопись и хореография... Краевое литературоведение – суть метода Н.Витрука, а сам он получил признание и известность как защитник удмуртского языка и культуры.

Будучи одним из ведущих культурологов нашей республики, просветитель Витрук является создателем материальных и культурных ценностей, руковод-

ствуясь при этом славными традициями бережного отношения русской интеллигенции к другому языку и другой культуре. 6 ноября 2003 года стараниями Н.Витрука открылась Игринская художественная галерея, насчитывающая свыше 550 полотен российских и удмуртских живописцев и целое собрание книг по искусству. В народе ее называют «наша Третьяковка». Наряду с шедеврами маститых живописцев здесь экспонируются работы юных дарований.

Все эти стороны благотворительной, подвижнической деятельности Николая Васильевича нашли яркое отражение в «Этнокультуре». Книга – избранные труды Н.Витрука – сопровождается коллективной вступительной статьей ижевских ученых З.Богомоловой, В.Владыкина и художника П.Елкина. Монография в конкретных фактах, лицах, событиях и датах дает развернутую панораму культурной жизни современной Удмуртии. Автор знает ее не только по ижевскому бомонду и печатным источникам, но сам активно творит, привлекая к участию в этом культурном процессе переводчиков, художников, филологов, историков, работая с конкретными людьми, организациями в самых разных уголках нашего родникового края, активно пропагандируя достижения удмуртской культуры в Москве.

Определенное место занимают в «Этнокультуре» глазовские «мотивы». Они связаны, прежде всего, с

нашими короленковскими и театральными традициями, с плеядой ученых ГППИ, с именами М.Буни и А.Татаринцева. Глазов по праву гордится своими земляками поэтами Флором Васильевым и Олегом Поскрёбышевым. Глазовские источники активно фигурируют в библиографических списках.

Не только деловые, но и теплые дружеские отношения связывают ученого с интеллигенцией северной столицы Удмуртии. Сотрудничество с ГППИ и ПНБ им. Короленко длится уже более пяти лет. Назвавший себя в выступлении на пленарном заседании Седьмых Короленковских чтений «короленковцем» (текст этого доклада приведен на страницах «Этнокультуры»), ученый верен имени и наследию писателя. Его публичные выступления отличаются убедительностью и глубиной анализа мировоззрения и творчества В.Короленко.

Участвуя в очередной короленковской конференции, привлекающей его актуальностью проблематики, Николай Васильевич выразился следующим образом: «Мне очень понравилась общая тема конференции – «Культура провинции: история и современность». По моему глубокому убеждению, подлинная национальная культура бытует и развивается в настоящее время не в мегаполисах, а именно в провинции».

Эта культура, как нам представляется, нуждается в действенной поддержке и современных Третьяковых, и государства.

Виктор Шведов

ТАЛАНТЛИВ ВО ВСЁМ

«Если человек талантлив, то он талантлив во всем» – эту непреложную истину подтверждает всей своей жизнью Борис Владимирович Гусев. Мы познакомились с Борисом Владимировичем в то время, когда я работал заведующим орготделом во Всесоюзном Совете научно-технических обществ.

Приехав в Москву из Днепропетровска, Гусев с головой окунулся в работу по исследованию свойств железобетона. Используя свой уникальный опыт по работе с трубами высокого давления, он параллельно вел и другие научные направления.

На этот же период пришлась инициатива Центрального Комитета ВЛКСМ, поддержанная партией и множеством общественных организаций, по развитию научно-технического творчества молодежи. Генеральная линия этой инициативы предполагала участие молодых ученых, инженеров-практиков и даже творчески мыслящих молодых рабочих в семинарах и научно-практических конференциях, где они встречались с ведущими специалистами в соответствующих областях науки и народного хозяйства.

Необходимо отметить, что эта инициатива способствовала резкому всплеску научно-технической мысли, и, несомненно, двигала вперед всю отечественную науку.

Конечно же, Борис Владимирович сразу оценил все перспективы этого общественного молодежного движения и не смог остаться в стороне от него. Будучи еще кандидатом наук, он отложил написание своей докторской диссертации и занялся этой общественной работой. Я хочу подчеркнуть, что это была именно работа на общественных началах, не предусматривавшая никакого материального вознаграждения.

Занимаясь работой с молодежью во Всесоюзном Совете научно-технических обществ, я мог воочию наблюдать, как развиваются необычайные организаторские способности Бориса Владимировича Гусева.

Вспомните, это была эпоха, когда не было ни Интернета, ни факсов, даже по телефону порой трудно было дозвониться. И в этих условиях Гусев сумел объединить молодых ученых из многих городов страны,

Виктор Николаевич Шведов – заместитель президента Российской инженерной академии, много лет проработавший во Всесоюзном Совете научно-технических обществ заведующим сектора по работе с молодежью.

удаленных друг от друга на тысячи километров, в работе над единой темой. Пользуясь только медлительной почтовой службой, он мог так скоординировать их работу, что к моменту проведения конференции в каком-либо крупном городе этот коллектив молодых талантов имел готовое изобретение, или научный труд, или рационализаторское предложение, а чаще всего, – все вместе. Не зря же во Всесоюзном конкурсе молодых специалистов первые премии в области науки и техники получали те творческие коллективы, которые возглавлял Гусев.

Необходимо отметить, что конкурс был единым для всех отраслей народного хозяйства всего Советского Союза, а первых премий было только две. И в период с семьдесят пятого по девяностые годы одна из них всегда присуждалась коллективу Гусева, благодаря как оригинальности предложенного решения, так и высокому качеству исполнения.

Нужно ли говорить, что эта работа с творчески настроенными молодыми инженерами помогла Борису Владимировичу при создании Инженерной Академии. Наиболее организованные молодые ученые, талантливые ребята уже тогда знали Гусева и впоследствии становились его соратниками во многих начинаниях, в том числе – и в создании Академии.

Что же привлекало молодых инженеров в Борисе Владимировиче? В первую очередь, это его неуспокоенность, равнодушие, открытость и стремление ко всему новому. Это был период, который впоследствии назовут застоем, время всеобщей массовой апатии. В научно-технических институтах было бесчисленное множество лабораторий, в которых по-настоящему работали два-три человека, а остальные были просто балластом. Но Гусев в любой работе умеет находить творческое зерно, разглядеть перспективную проблему и в теме, на которую все махнули рукой, отыскать то решение, которое станет отправной точкой большинства изобретений.

Он умеет общаться с молодежью: в то время проводилось много семинаров в рамках научно-технического общества строительной индустрии, школ для молодых ученых, и если иные собирали максимум двадцать-тридцать человек, то на семинары Гусева приходило не меньше сотни. Это объясняется тем, что Борис Владимирович поднимал самые актуальные вопросы, наиболее прогрессивные темы, то, что как раз и интересовало творческую молодежь. Благодаря этому среди молодых ребят он пользовался авторитетом как мыслящий, творческий инженер. А это очень много значит! Присутствуя на его семинарах как представитель Всесоюзного совета научно-технических обществ, я наблюдал педагогическую жилку Гусева и то, как проявляется его призвание к преподаванию.

Борис Владимирович способен не только заинтересовать молодежь различными научно-техническими проблемами, но и подтолкнуть их к серьезной научной деятельности. Не случайно он подготовил около ста кандидатов и докторов наук, многие из которых

впоследствии говорили: «Если бы не Борис Владимирович, я так и не смог бы защитить диссертацию – он буквально заставлял меня ею заниматься».

Не на последнем месте в его общественной и педагогической деятельности стоят исключительные человеческие качества, в частности, его отношение к другим людям, умение выслушать и не просто выслушать, а вникнуть в самую суть вопроса. Он может сразу не дать конкретного ответа, но через некоторое время сам обязательно найдет этого человека и поможет в решении его проблемы, или, по крайней мере, выскажет свое четкое, продуманное мнение, насколько она решаема и стоит ли ею заниматься вообще. И это касается не только научной сферы. Все, кому приходилось хоть раз обращаться к Гусеву с личной проблемой, в один голос подтверждают, что он не в состоянии оттолкнуть человека, отказать просящему. Он никогда зря ничего не пообещает, но проходит какой-то период времени, и человек понимает, что здесь вмешался Гусев, что его лепта в решении этого вопроса есть. Самое главное, он никогда не забудет о чужой проблеме, ему не надо второй раз напоминать – он относится к чужим заботам, как к своим.

Эти качества Бориса Владимировича Гусева – ученого, человека и педагога – делают его привлекательными для многих людей во всем мире. Многие ученые и общественные деятели, знакомые с Борисом Владимировичем только по его публикациям и рассказам о нем его коллег, пытаются встретиться с ним лично на каких-либо конференциях, а затем становятся его единомышленниками. Кстати, нашим зарубежным коллегам очень импонирует то, что Гусев никогда не переводит научные взаимоотношения в среду политики. Вот конкретный пример: в отношениях России и стран Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии – наблюдается некоторое охлаждение. На взаимоотношения между учеными наших стран, действующих в составе Инженерной академии, это не распространяется. Когда у нас в стране собиралась Международная инженерная академия, представители стран Балтии приезжали в полном составе и заинтересованно обсуждали общие проблемы. То же относится и к Украине, и к Грузии. Девиз Академии – «не политические игры, а развитие». Наше взаимодействие с учеными других стран – это наиболее ценный творческий резерв, который сейчас реализуется еще не в полную силу. Когда наши политики придут к тому, что все-таки основной рычаг движения – это творческая элита, тогда мы начнем двигаться к сближению гораздо быстрее, чем сейчас. И объединению творческой элиты всех стран способствует деятельность Инженерной академии и ее основателя, бессменного руководителя и вдохновителя – Бориса Владимировича Гусева.

На сегодняшний день в составе Инженерной академии более тысячи двухсот действующих членов и членов-корреспондентов – видных российских ученых, инженеров и организаторов производства, представляющие самые различные направления

науки и техники. Среди них свыше 90% – ученые, имеющие ученые степени и звания, а остальные — специалисты-практики, известные организаторы производства, внесшие значительный вклад в развитие инженерной деятельности. В нашем распоряжении развитые региональные инженерно-технические структуры, включающие 54 отделения, филиала и центра в наиболее крупных территориальных научно-производственных комплексах России, расположенных в 47 субъектах Российской Федерации.

Российская инженерная академия является межотраслевой структурой, обеспечивает развитие прикладных наук по 29 секциям, объединяющим 32 инженерных направления. В последнее время существенно активизировалась работа РИА с регионами. Принципиально важно, что РИА способствует успешному развитию науки и техники в тех регионах страны, где нет научных центров или отделений РАН. Для активизации и консолидации деятельности региональных структур Общее собрание 21 октября 2000 года избрало вице-президентов Академии по федеральным округам Российской Федерации. По постановлению мэра Москвы создано московское отделение РИА. Крепнут связи РИА с Федеральным собранием Российской Федерации, федеральными министерствами и ведомствами, особенно с Минатом России, МЧС России, которые позволяют решать как проблемы отраслей, так и регионов.

Благодаря активной международной деятельности Бориса Владимировича Гусева в 1993 году Инженерная академия получила консультативный статус в ЮНИДО (ООН по промышленному развитию). В 1997 году РИА включена в ЮНЕСКО в число экспертных организаций по новым технологиям в Центральной и Восточной Европе. Руководство РИА активно участвует в деятельности экспертных советов Правительства Российской Федерации и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Феде-

рации. Российская Инженерная академия в рамках Международной инженерной академии на деле развивает равноправное взаимовыгодное партнерство, ведет большую работу по интеграции усилий и реализации межгосударственных совместных программ, законодательному сближению механизмов научно-инженерной деятельности, сохранению и укреплению единого инженерного и технологического пространства стран СНГ.

Главными целями Академии являются: объединение творческих возможностей ученых и инженеров страны, наращивание и эффективное использование интеллектуального потенциала в сфере инженерной деятельности; разработка и содействие в проведении наиболее важных и перспективных исследований и инновационных программ; создание и внедрение на основе достижений фундаментальных наук принципиально новых видов техники, технологий и материалов, имеющих важное народно-хозяйственное значение и обеспечивающих ускорение научно-технического прогресса на ключевых направлениях развития экономики России.

Академия, накопившая серьезный опыт совместной деятельности с отраслями народного хозяйства, выполняет исследования и разработки для создания принципиально новых видов техники, технологий и материалов.

Российской Инженерной академии восемнадцать лет – это, конечно, совсем небольшой срок для общественной организации такого масштаба. Но если за это время организация состоялась, окрепла и начала выполнять беспрецедентную работу в масштабах страны и мира, в этом лично я вижу заслугу большого, сплоченного, профессионального коллектива и, безусловно, руководящую и направляющую роль талантливого и мудрого Президента Академии – Бориса Владимировича Гусева.

Надежда Лекомцева

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕЙ В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Пушкинский музей на базе МОУ СОШ села Пушгачево Малопургинского района Удмуртской Республики был основан в 2004 году. Инициаторами его создания стали школьницы Анна Акеева, Дарья Байраншина и Елена Ежова, успешно выступившие с сообщениями по поэтике сказок А.С. Пушкина на Всероссийском конкурсе «Лукоморье» в селе Михайловское Псковской области.

Преобразованный в школьно-муниципальный, музей сегодня координирует литературно-творческую

деятельность учащихся Малоपुरгинского района, реализуя научно-просветительские и культурно-образовательные программы по четырем направлениям: «Литературное слово», «Юный экскурсовод», «Театральная студия», «Творческая мастерская». Здесь регулярно проходят районные и республиканские семинары, конференции, театрализованные представления, вернисажи детских рисунков и поделок, конкурсы чтецов. Созданные детьми экспозиции и мультимедийные презентации позволяют осу-

шестьдесят виртуальные экскурсии по литературным местам России и стран зарубежья: в Михайловское, Болдино, Тригорское, Петровское, Берново, Санкт-Петербург, Москву, Бродзаны, на Кавказ и т.д.

Организатором и руководителем литературно-краеведческого музея является учитель-словесник Наталья Семёновна Ежова. Разносторонне одаренный человек, она сама сочиняет стихи, создает иллюстрации к художественным произведениям, занимается лепкой из глины. Ежегодно в работе четырех творческих объединений при музее участвует около 40 учащихся 5–11 классов. Приобщаясь к творчеству великого русского поэта, дети пробуют свои силы в разных стилях и жанрах – пишут стихи, сказки, эссе, детективные истории, рефераты, осуществляют лингвистические анализы художественных текстов. Их работы отражены в рукописном альманахе «И пальцы просятся к перу...» Вот одно из стихотворений:

Его стихи, как в море волны,
Бушуют и стихают вдруг,
Глубоких чувств и жизни полны,
Любви и ненависти круг.
Мы будем помнить его вечно,
Бурлит по жилам наша кровь,
А Муза Пушкина беспечно
Поет про Дружбу, про Любовь.

П.Дерендяев, 8 класс

Добрые и полезные совместные дела сплачивают творческий коллектив участников школьно-муниципального музейного проекта. Вместе со своим учителем школьники выпустили книгу «В мире сказок Вячеслава Мурина» (2007 г.). В ней помещены тексты сказок и фотографии образцов деревянного зодчества пугачевского мастера, творческие отклики детей К.Чеботарёвой, А.Шадринной, Л.Петрова, А.Небогатиковой, Н.Рыбаковой, Е.Косолаповой, И.Пчельникова, Ю.Рябовой на искусство талантливого односельчанина. В книгу вошла также оригинальная авторская программа курса Н.С. Ежовой «Мифо-

логические традиции народов мира в современном русском фольклоре». Образ богатыря – защитника Земли Русской и освободителя иных народов (удмуртов, молдаван, индейцев) – в центре внимания пугачевского сказителя и юных исследователей-фольклористов.

Важную роль в эстетическом развитии учащихся играет театральная студия. Ребята инсценируют эпизоды из художественных произведений А.С. Пушкина и других отечественных писателей.

Глубокое проникновение в мир А.С. Пушкина оставляет свой след в судьбах учащихся. Ученица школы Елена Ежова, став студенткой дизайнерского отделения Камского института гуманитарных и инженерных технологий, продолжает увлеченно иллюстрировать пушкинские произведения. В ее оригинальных портретах Натальи Гончаровой, Арины Родионовны, Татьяны Лариной, Евгения Онегина, Русалки, Шамаханской царицы и других реалистическое начало тесно переплетено с романтическим. Здесь налицо фантазмагоричность, мистицизм, двоемирие, параллелизм образов, колористический контраст, созвучный настроению героев фон, синхронность линий, романтическая обусловленность каждой детали, соотнесенность каждого живописного пятна с многозначным авторским художественным словом. При этом ярко отражается ее собственное юношеское восприятие мира: героям рисунков Е.Ежовой присущи открытый взор, чистое чело, легкая грусть, органичное слияние с природой.

Деятельность Пушкинского музея строится на основе изучения родной культуры, мировой мифологии и литературы. Приобщение к этнокультуре народов мира через сопоставительный анализ родной и иноземной культур способствует гармонизации межнациональных отношений в нашем многонациональном сообществе, формированию общероссийского гуманистического менталитета.

Сорейя Батыршина

СОПРИКОСНОВЕНИЕ С БУДУЩИМ

Рожденный в этом мире младенец – это, прежде всего существо, несущее недоступный нашему пониманию информационный потенциал. Сложившаяся веками система отношений между разными поколениями имеет основой антагонистическое отношение, знакомое нам в виде классического клише «отцы и дети». И, вне всякого сомнения, этот тип существования есть один из элементов в основании платформы, двигающей цивилизацию к трагической катастрофе.

Видеть в ребенке онтологическую предпосылку в виде открытых при рождении информационных каналов, стараться соприкоснуться с уходящими в иррациональные источники сферами есть задача родившего его человека. Вслушиваясь в некоторые реплики любого ребенка, можно услышать парадоксальные, на первый взгляд, слова. Но при переводе их в категориальные определения получается, что это прямая линия к сущностным движениям любо-

Сорейя Аббасовна Батыршина – музыкант, педагог, консультант Международного Благотворительного Фонда В.Спивакова, совмещающая педагогическую и творческую деятельность с благородной миссией подготовки одаренных детей и юношества к участию в акциях МБФ В.Спивакова в России, странах СНГ и за рубежом.

го философского мышления. Приведу один, из многих тысяч, примеров. В своей книге воспоминаний М.Сабашникова (в прошлом жена поэта М.Волошина) описывала жизнь в годы Гражданской войны. Ей была предложена работа по воспитанию в приюте детей-сирот из рабоче-крестьянских семей в Одинцово под Москвой. С удивлением она наблюдала проявление различного рода одаренности у этих никем и никогда не воспитывавшихся детей. Среди примеров, приведенных М.Сабашниковой, история девятилетнего мальчика, рисовавшего древнегреческие храмы и многочисленных персонажей в одеянии той эпохи, но не имевшего понятия, откуда он это знает и, мало того, не видевшего в своей глухой деревне ни одной книги. С наступлением юношеского возраста, а иногда значительно раньше, адаптивные задачи грубого социального приспособления постепенно заглушают и вытесняют подаренный при рождении, не побоимся этого слова, – божественный канал связи со всем сущим.

Вспоминая евангельское «будьте как дети» и «устаи младенца глаголет истина», наблюдая отступление веками от главных – этих и других – данных свыше заповедей, можно видеть сейчас чисто декоративное наличие религиозных институтов в сведении их к пустому номиналу, за которым не стоит ничего живого. Приоритеты человеческого общества сформировались, увы, без учета крайне важного прикосновения к таинственному потоку, существующему в каждой явленной в этот мир детской душе.

Есть исторический опыт, который дал наглядный пример индивидуального воспитания детей в интеллектуальной и аристократической среде XIX – начала XX веков, где персональный педагог, обязанный по статусу уважительно обращаться со своим учеником, давая учебный материал, сохранял процесс формирования внутреннего мира ребенка. Избавленному от педагогического насилия ребенку оставалась возможность соприкосновения с действиями высших сил в нашем мире – через произведения искусства. Когда мы вспомним, как маленькие Пушкин и Моцарт засыпали в креслах своих отцов, которые, общаясь со своими друзьями, читали стихи или играли квартеты, а М.Цветаева и Л.Пастернак часами сидели под роялями своих матерей, то возникнет необходимость задуматься о наших детсадовских детях с получаемым ими адаптированным информационным багажом при перегрузках коллективного энергозатратного общения. В любые времена, в любых обстоятельствах желаемые движения в выбранном ими направлении охвачены одержимостью осознания невозможности других форм существования – единственным гарантом гениальных результатов и проходят свой путь, не взирая ни на что.

В девяностые годы во время государственных потрясений, экономического развала мне представилось крайне целесообразным растущего светлого человечка – своего ребенка – окунуть в атмосферу единения с высочайшими творческими образцами.

А в процессе круглосуточного общения с ней, заново осваивая литературную, живописную, музыкальную классику, довелось услышать массу любопытных реплик, неожиданных вопросов и мыслей, обсуждение которых открывало новые страницы в замыслах авторов. Описываю прожитое в сжатом виде. Моя дочь, которой с ее годовалого возраста я читала книги, показывая текст (иногда специально через трафарет набирала большими буквами – ведь компьютеры и принтеры по фантастическим ценам привозились только из-за границы), к пяти годам свободно читала, а к шести годам писала без грамматических ошибок любой текст. С артистическим размахом декламируя Илиаду (начав в два с половиной года с «Бородино» в бесконечных магазинных очередях или поездках), она наотрез отказывалась читать по складам купленный к школе букварь или через два дня на третий в сотый раз читала и переспрашивала: «Что означает Ма-ра мы-ла ра-му?», искренне не видя смысла в напечатанных буквах и не зная, впрочем, как и ее сверстники, имени Мара. Я серьезно задумалась о надвигающихся, с точки зрения взрослых, мелких, но ошеломляюще трагичных для ребенка неприятностей со школой и решила... не пускать, продолжив домашнее начальное образование. Сам по себе этот шаг был экстраординарен – так тогда не делали (разве что академик Сахаров, не ходивший в школу до пятого класса, будучи в ссылке с родителями, где с ним занимались такие же ссыльные профессора). Была еще и другая, весьма заурядная причина: экстремальные материальные условия, при которых, впрочем, одевая девочку в перешитую одежду, считала первоочередным обеспечить ее фломастерами, красками и тоннами бумаги для рисунков и оригами. Безусловно, привлекательным оказался факт отсутствия телевизора и заполнения жизненной среды либо звучащей фортепианной игрой мамы и папы, либо отданным во владение ребенка проигрывателем с целым шкафом папиных пластинок симфонической, оперной и разнообразной инструментальной классической музыки к величайшему возмущению взрослых родных, но, как на баррикадах, отстаиваемым мною.

Опыт пройденных лет никогда ни на минуту не дал мне усомниться в правильности выбранного пути. Более того, навел на мысль о необходимости приобретения женщиной высшего образования именно для полноценной и всемерной реализации себя в акте партнерского присоединения к заложенному в ее ребенке потенциалу будущего, который у нас, как предыдущего поколения, онтологически не предполагается. И мой карьерный рост человека, окончившего аспирантуру, работавшего к моменту рождения ребенка на кафедре вуза, получил великолепный индекс самореализации в виде установившихся гармонических связей двух поколений в лице выросшего родного человека. Есть еще один важный, ждущий научных комментариев момент – существующая высшая иррациональная связь между матерью и вноси-

мым через нее в этот мир ребенком. Именно наличием этой связи обусловлено возникновение установки приоритета поклонения образу Богородицы. И любая женщина, ждущая ребенка, соприкасается с чудом возникновения в ее чреве высших существ, и ей дана возможность духовного слияния с ним и воля выбирать свой жизненный путь, находясь в единении.

Как писал в своих воспоминаниях князь С. Волконский (эти воспоминания в 20-е годы разрухи в Москве переписывала М. Цветаева, к которой безукоризненно, в назначенный час, пешком, в перевязанных веревочкой сандалиях приходил князь Волконский), в любые эпохи после развала государств на новом этапе формирующиеся социальные слои делятся на аристократов и плебеев. По его мнению, главной, едва ли не единственной чертой аристократизма, независимо от финансового уровня, является доминирующая цель человека: поставить потомство на более высокую, чем своя, ступень развития при одержимости тратить всю энергию на достижение

этой цели.

Современная жизнь дает безграничные возможности партнерства между четырехлетним и тридцатилетним человеком. Едва ли не именно это партнерство оставляет шанс предотвратить надвигающуюся катастрофу цивилизации.

Безусловно, необходима коррекция сформированных веками представлений о взаимоотношениях с входящими через младенцев в этот мир иррациональными силами. Введение в непосредственный быт акта свидетельствования исходящего от ребенка потока импульсов новой информации и поиск оптимального пути приложения этого потока к образцам человеческой цивилизации и есть подлинно необходимый процесс, в который должен преобразоваться общеизвестный акт воспитания.

Нести через всю свою жизнь свет, лучащийся из глаз ребенка, наполнять им свою душу изо дня в день, примкнув, черпать силы для реализации отпущенного каждому человеку личного потенциала – одна из важнейших задач современного человека.

Растем Заппаров

ИСПЫТАНИЯ МУЖЕСТВА

Судьба человека – вещь загадочная и разумом непостижимая. Она иной раз подбрасывает такие обстоятельства, которые вмиг всю жизнь разом переворачивают. От судьбы, действительно, трудно ускользнуть. Она одинаково играет и сильными, и слабыми. Однако жизнь показывает, что гораздо важнее – не какова судьба человека, а то, как он сам ее воспринимает. Только мужество ослабляет удары судьбы.

В июне 2001 года газета «18 регион» вышла в Удмуртской Республике с трагическим сообщением: «Пресс-служба МВД информирует, что 20 июня в 17 часов во время выполнения служебно-боевых задач по поддержанию конституционного порядка в городе Грозном при подрыве террористами управляемого фугаса трагически погиб капитан милиции Юрий Владимирович Анисимов – государственный инспектор РЭО ГИБДД. При этом же подрыве тяжелое ранение получил старший лейтенант милиции Дмитрий Иванович Кропотин – государственный инспектор отделения ГИБДД Игринского РОВД, который позднее скончался в госпитале. Министерство внутренних дел республики выражает глубокое соболезнование родным и близким погибших».

Но Дмитрий Кропотин, сутки числящийся убитым, остался живым наперекор всему. Он не слышал взрыва, только в голове что-то разорвалось, да

страшная боль в ногах пронзила насквозь. Больше он ничего не помнит. Как остался жив, он не понял: контузией начисто отшибло память.

В милицию Дмитрий попал неожиданно даже для самого себя. Вырос он в деревне Русская Лоза Игринского района – в этих глухих таежных местах, где до середины семидесятых годов хозяйничали одни лесорубы, а позднее начали обустраиваться нефтяники. Окончил деревенскую школу, стал работать механиком в хозяйстве, женился.

В деревню часто приезжал работавший участковым, а потом оперуполномоченным уголовного розыска Григорий Романов. Его уважали в деревне от мала до велика. Бывая в Русской Лозе, он примечал людей и каждому, кто нуждался в поддержке, утешении, находил нужные слова. Как-то в беседе он предложил Дмитрию пойти работать в милицию. Так летом девятностопятого года Кропотин стал инспектором районного ГАИ.

За эти годы было много разных происшествий и других милицейских дел. К людям и, прежде всего, к водителям, он всегда относился ровно, без придиорок и, казалось, все удачно складывалось в жизни.

В апреле 2001 года МВД республики получило задание направить в Чечню очередной сводный отряд милиционеров, и в середине месяца Дмитрий Кропотин выехал в Грозный в составе временного отдела

милиции. Обустраивали свое жилье, несли службу в составе оперативных групп. Работа по зачистке Грозного от оставшихся боевиков велась интенсивно. Участвовали в ней вместе со спецназовцами, омоневцами, бойцами внутренних войск. Днем обстановка контролировалась федералами, а с наступлением темноты в городе хозяйничали боевики. Они закладывали мины, обстреливали город из гранатометов, на каждый огонек охотились снайперы. Для предотвращения диверсионно-террористических актов в городе были оборудованы оцетинившиеся блокпосты, где в тревожном ожидании милиционеры вместе с солдатами внутренних войск круглосуточно несли службу.

В этот злополучный день согласно боевому распоряжению начальника временного отдела милиции В.А. Ермолаева около 17 часов две оперативные группы выехали в сторону блокпоста № 54, где несли службу пермские омоневцы. Передняя группа капитана Туданова доехала удачно. Второй УАЗик осторожно вел местный инспектор ГАИ. Старший экипажа Юра Анисимов примостился на заднем сиденье, а Дмитрий на переднем внимательно следил за обстановкой на улице. При подъезде к остановке «Стадион» на Старопромысловском шоссе машину резко подбросило, раздался взрыв радиоуправляемого фугаса, заложенного под бордюрный камень. Несмотря на то, что взрыв раздался с правой стороны, больше пострадали сидящие слева. Юра Анисимов погиб сразу: осколки попали между пластинами бронжилета. Изрешетило и водителя машины: он скончался по дороге на базу. В полузабытьи Дмитрий понял, что товарищи погибли: заголосили и запричитали местные женщины.

При взрыве Дмитрия будто огнем обожгло. После сильнейшей контузии он потерял зрение и почти перестал слышать. Но больше всего ранений было на ногах: он их не чувствовал и двигаться не мог. Но так не хотелось расставаться с жизнью!

Пермские омоневцы, первыми подскочившие к месту взрыва, на руках вытащили его из машины. Ноги были перебиты в нескольких местах, и во все стороны торчали кости. Пара осколков попала в грудь, перебив ребро. На левой руке остались два пальца, остальные висели обрубками. Омоневцы вкололи Диме промедол. Кто-то пытался собрать кости, накладывал шины.

Погрузив всех троих в кузов подлетевшей с базы отдела грузовой машины, выехали на базу. Здесь сняли умершего водителя – местного инспектора ГАИ, и скоро колонна машин направилась в сторону Ханкалы, в госпиталь.

Рядом с базой временного отдела милиции в Старых Промыслах стоял отдельный батальон внутренних войск. В аэропорту «Северный» ждал армейский вертолет, чтобы забрать мертвых – груз «200» – и раненых – груз «300». Но машины рванулись в Ханкалу. По дороге от тряски и потери крови Дмитрий совсем ослаб, временами терял сознание. Проезжая возле

площади «Минутка», колонна машин попала в засаду боевиков. Милиционерам пришлось прорываться. Сквозь пелену тумана в глазах, в полудремотном состоянии, Дима слышал треск автоматных выстрелов. Тело Юры Анисимова, лежащее рядом с ним, наверное, прикрывало его от пуль. И, уже мертвый, Юра словно продолжал бороться за жизнь товарища.

Очнулся Дмитрий уже двадцать первого июня в военном госпитале в Моздоке. Сюда свозили всех тяжелораненых, обрабатывали им раны и отправляли в Ростов. Через пять суток в Ростовском госпитале оказался и Дмитрий. Оттуда 5 июля самолетом вместе с другими ранеными его доставили в Москву, в центральный клинический госпиталь МВД России.

* * *

Вечером двадцатого информацию о гибели Юры Анисимова и тяжелом ранении Дмитрия Кропотина передали в МВД республики, отсюда – в райотдел. Отец Дмитрия, Иван Алексеевич, работавший в деревне главой сельской администрации, на следующий день приехал в райцентр на совещание. Здесь ему и сообщили о ранении сына. Галина Павловна, преподаватель математики в старших классах, женщина мужественная, услышав известие о сыне, тихо опустилась на диван. В тревожном ожидании вестей из Чечни провели они всю ночь. Утром следующего дня отец поехал в район и – сразу в милицию. Навстречу ему из дверей райотдела вышла со слезами на глазах его дочь.

– Что такое? Что случилось?!

Рыдая, девушка сказала, что Дмитрий убит...

Ивану Алексеевичу стало плохо. Прямо с площади перед райотделом его увезли на машине «Скорой помощи». Только ближе к вечеру его повезли домой в деревню, посадив в машину милиционера-водителя. Отец Дмитрия сразу постарел за этот день. Как же сказать о гибели сына жене? Как она перенесет эту весть? Не выдержит она... Но, к счастью, из МВД республики позвонили в райотдел и сообщили, что известие о гибели Дмитрия ошибочное: он живой, хотя и получил тяжелые ранения. Начальник милиции Санталов, узнав об ошибке, направил вдогонку за Иваном Алексеевичем милицейскую машину, чтобы черная весть не успела дойти до матери раненого милиционера. Машину отца догнали уже у самого его дома.

– Все же успели, – с облегчением выдохнул водитель.

* * *

В центральном клиническом госпитале МВД России Дмитрий пролежал четырнадцать месяцев. К нему приезжала жена и помогала медсестрам ухаживать за мужем. По частям, что называется, его собирали. Вытащили много осколков. Дмитрий перенес больше двадцати сложных операций. На бедро установили специальный аппарат, чтобы кости правильно срослись. Вот только пятку правой ноги не смогли

исправить и с коленным суставом левой ноги ничего не смогли сделать. Пяточная кость – трубчатая, поэтому зарастает плохо и периодически воспаляется. Разные врачи осматривали его, по-разному судили и, наконец, вынесли вердикт:

– Остеомиелит тебя все равно замучает. Через три-четыре года ты все равно приедешь к нам или там, на месте, в республике, тебе отрежут эту ногу. Давай сделаем это сейчас...

Дмитрий не согласился с участием безногого инвалида. В июне 2002 года его выписали из госпиталя, и он вместе с женой уехал домой. Сын в это время жил в деревне у бабушки с дедушкой и, увидев отца, радостно улыбнулся, но в глазах застыла жалость. Словом, привезли его, посадили на кровать и сказали: живи. И в самом деле – это было возвращение с того света. Он крепился, но не мог выдержать своей лежачей жизни с постоянной болью. Бедро стало плохо, установленный в госпитале аппарат сильно беспокоил. Когда стало совсем невмоготу, в ноябре того же года Дмитрий снова поехал в московский госпиталь. Врачи ослабили аппарат, подлечили пролежни. Коленный сустав совсем не работал: нога гнулась в любую сторону. Снова сделали операцию, снова надели аппарат.

Через два года, когда нога срослась, штыри снимали в Ижевске. В госпитале МВД хирургической операционной не было: из больницы МВД на операцию его возили в травматологию первой республиканской больницы.

В ноябре 2005 года Дмитрий снова поехал в Москву. Надо было что-то делать дальше. Болело сломанное бедро, из-за перебитого седалищного нерва на ноге стопа повисла, пальцы ног потеряли чувствительность. Врачи, обещавшие через пять лет восстановить коленный сустав, его огорчили. Полковник медицины с сожалением сказал:

– Во-первых, мы не имеем права что-либо предпринимать, пока идет воспалительный процесс. Во-вторых, с таким состоянием суставов протез поставить не удастся. Нога сгибаться не будет...

Но все же зафиксировали сустав: пальцы ног стали снова чувствовать прикосновение, и боль в ногах стала куда-то уходить.

Когда Дмитрий вернулся из Москвы, районные врачи в Игре утешали:

- Ты уж, давай, привыкай к тому, что нога будет болеть...

А он все эти семь лет и не отвыкал от этих постоянных болей.

Ижевские врачи, которым он решил показаться, лечили активно, но огорошили:

– Что ты хочешь? Будет болеть. Ты немолодой...

Это, пожалуй, больше всего возмутило Дмитрия. Какой же он старый? Едва тридцать стукнуло.

* * *

В каких только госпиталях и больницах не побывал Дмитрий за эти семь лет! Из районной больницы направили в Ижевск, в Центр остеомиелита авто-

заводской больницы: неделю там пролежал. Кардинального лечения не было, нога болела по-прежнему, и он выписался. Еще и страху нагнали: пяточная кость разрушается.

А как-то его совсем скрутило: температура под 38. Хорошо, что во второй горбольнице Ижевска смогли сделать надрез и почистили кость, убрав лишнее – сразу полегчало...

Есть у него мечта: съездить в Курган в Елизаровский центр высоких технологий. Написал туда письмо. Еще теплится надежда, что там смогут поставить этот злосчастный коленный сустав. Все-таки двадцать первый век на дворе... А пока ковыляет Дмитрий на двух костылях: на них – вся надежда. Швы до сих пор кровоточат, но он все же пытается ходить: через боль, держась за стены, обвисая на костылях.

Нормальному человеку представить это сложно – выйти из квартиры для Дмитрия все равно, что в поход собраться. Обычные хозяйственные дела: сходить в аптеку или в магазин, суп приготовить – даются огромным трудом, постоянным преодолением. Кто этого не испытал, тому сложно понять, что означает такая жизнь.

... О, если бы люди понимали, что все когда-то заканчивается, и ничего не остается от человека, кроме памяти, если бы люди давали себе отчет в том, на что и во имя чего они «сжигают» свои эмоции, тратят физические силы, подрывают здоровье, им стала бы очевидной пустота и бесцельность многих человеческих жизней. Поняв это, они не сражались бы смертным боем за деньги или имущество, а отдавали бы самое лучшее людям, по-настоящему страждущим. Облегчить участь окружающих, утешить кого-то в горе, учить любить жизнь, находить радость даже в повседневных мелочах – не в этом ли смысл жизни человека? Мудрый старик Джонатан Свифт писал: «Дай Бог тебе жить все дни твоей жизни».

* * *

Но Дмитрию Кропотину судьба-злодейка кроме испытания немощью и болью приготовила еще одно тяжелое испытание: четыре года назад от него ушла жена.

Дмитрий был уверен – ему с женой повезло. Для него семья была тем стержнем, вокруг которого крепилась вся его жизнь. Жили хорошо, казалось, любили друг друга. Деревенский парень, он даже мысли не допускал о легкомысленном увлечении на стороне. За тринадцать лет совместной жизни он настолько привык к то радостным, то грустным глазам женщины, что они казались ему самыми родными.

Жили они втроем с сыном в двухкомнатной благоустроенной квартире, которую после ранения райотдел милиции и районная администрация купили ему за счет выделенных Правительством республики и Министерством внутренних дел средств. Жена почти год вместе с ним находилась в Москве, и когда семья получила квартиру, всячески обустроивала ее. И вдруг все разом рухнуло...

Дмитрий поначалу очень тяжело переживал это новое испытание. Теперь, когда было растоптано главное в жизни – семья, он остро почувствовал, что означало для него ее существование. Душевная боль в сердце была сильнее боли в ногах.

– Вот и все! Вот и все! – кричало его сердце, кричала его память...

* * *

С годами боль утихла, он смирился. Но когда я заговорил с ним на эту тему, он напрягся. Не зажили, стало быть, еще эти раны.

– Видно, жалость кончилась, – сказал он вдруг, – и сил не хватило жить с обезноженным мужем, который и сейчас еще по ночам вскидывается от громкого стука, как от того взрыва.

Не нам судить эту молодую женщину: не все способны самоотверженно любить. Но бьются, бьются в гнев слова: ну, хорошо, пусть не любим стал муж, пускай он больше вам не нужен, пусть жить вы будете с другим. Но как могли вы так равнодушно бросить близкого человека в беде? Да где ж вы душу-то свою потеряли? Неужели вы не поняли, что совершаете предательство? Но вы предали не только мужа, вы предали себя: вы потеряли сына. Миллионы женщин со слезами радости встречали с фронта своих раненых мужей и достойно продолжали жизнь. Константин Симонов в годы войны опубликовал потрясающее стихотворение «Открытое письмо», обращенное к женщине, предавшей своего мужа и сообщившей об этом ему, находящемуся на фронте. Стихотворение, написанное от имени однополчан погибшего бойца, заканчивается такими словами:

Примите же в конце от нас
Презренье наше на прощанье.
Не уважающие вас
Покойного однополчане.

Так что, говоря словами Симонова, – примите наше...

* * *

Но на радость всем, знающим Дмитрия, он и на этот раз выдержал испытание. Несмотря на то, что обе ноги по-прежнему не работают, несмотря на перенесенные им два десятка операций, даже стояние у кухонной плиты становится для него личным подвигом. Несмотря на драматические обстоятельства, Дмитрий остается оптимистом.

У старшего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, лишь местами проступает седина. Молодой еще телом и душой, с мускулистыми руками, чернобровый, с коротко стриженными волосами, он с надеждой смотрит на жизнь. Ни одна морщинка не перерезала его лоб, хотя, кажется, он уже прошел все муки ада. Живет он теперь вдвоем с шестнадцатилетним сыном. Парень растет хороший, самостоятельный, не чурается любой работы по хозяйству: моет полы, готовит еду, ходит за продуктами.

Друзья, сослуживцы, командиры, конечно, помогают Дмитрию. В 2009 году в день рождения, 12 июля, приезжал заместитель начальника управления ГИБДД МВД республики Николай Григорьевич Шушаков. Привез в подарок имениннику домашний кинотеатр, сыну подарил велосипед. Всегда внимателен был и бывший начальник райотдела Михаил Сергеевич Санталов.

Дмитрий живет полноценной жизнью: живо всем интересуется, много читает. На его тумбочке – томик воспоминаний об Андре Моруа. Зашел разговор о книгах, об интересных людях. Он вдруг встрепенулся:

– Знаете, начал читать Достоевского. Удивительно пишет! Вот уж знаток человеческой психологии... Так описывает человека, что невольно примеряешь свою жизнь к поступкам его героев.

Дмитрию выделили средства на покупку «окушки», он добавил из своих и купил «пятерку». Хотя ноги непослушны, и каждое движение дается с трудом, взял машину без ручного управления. С болью, со слезами на глазах научился ездить, даже в Ижевск выезжает сам, когда в очередной раз надо попасть в больницу.

Все мы рано или поздно начинаем искать смысл жизни. Димин смысл жизни – становление сына. Двое мужчин, они держатся друг за друга.

– Боюсь напугать сына своей неподвижностью, нанести ему душевную рану. Учю его преодолевать трудности, физически тренировать свое тело. Ночами мечтаю, чтобы он окончил Академию МВД и пошел по моим стопам, мечтаю на его свадьбе погулять. Да и самому пожить бы немного светлее, радостнее, без боли, – говорит Дмитрий и улыбается.

Так живет обычный человек в необычной ситуации и борется за жизнь. Он не опустил, не спился с горя, не обозлился ни на жизнь, ни на власти и не красуется перед людьми тяжелыми обстоятельствами своей жизни. А орден «За заслуги перед Отечеством» надевает лишь тогда, когда начальство прикажет. Своим мужеством он как бы продолжает нести службу верности милиционерскому долгу – только уже в другой ипостаси. И это вызывает искреннее восхищение соседей и бывших сослуживцев.

* * *

У нас давно принято ругать милицию, обвиняя ее во всех бедах. Нередко ругают и милиционеров, – тех самых, что ежедневно рискуя жизнями и здоровьем, выходят на службу, подставляют свою грудь под бандитские ножи и пули.

Жизненный пример Дмитрия Кропотина показывает, что есть в милиции люди достойные глубокого уважения: их большинство. Немногие знают, что каждый пятый милиционер уходит с этой трудной службы инвалидом. Много их на учете в нашем Центре инвалидов-ветеранов МВД республики. Из шести с половиной тысяч пенсионеров министерства 1356 человек вышли на пенсию инвалидами. Среди

них почти пятьсот милиционеров – участники боевых действий и локальных войн: афганцы, участники чеченских событий.

Вернувшись из той злополучной командировки, Дмитрий не может спокойно спать ни одной ночи. И сегодня еще у каждого, кто побывал на этой войне, во сне всплывают минуты боя. Они никогда, до самой смерти, не забудут этот ад – грохот, стрельбу, крики и стоны раненых, взрывающиеся машины, дикую боль своих ранений.

Сотни тысяч российских парней, прошедших через эту войну, навсегда остались «обрубленными войной пацанами». Родители успокаивали сыновей, мол, слава Богу, живыми остались, остальное неважно. А потом сами обреченно рыдали и спрашивали друг друга: что же делать дальше?..

Сколько еще лежит по углам своих домов таких обезноженных парней, подорвавшихся на mine, и таких, у которых одну ногу отняли сразу, а другую ампутировали позднее? И ни одна душа в мире не знает, что переживает этот юноша, лежащий без движения, как он живет, что он думает о своей Родине. Юноша, здоровье и надежды которого бесстыдно украли эта непонятная война.

Все они, получившие ранения, нуждаются в элементарном внимании, помощи в решении их бытовых

вопросов и, прежде всего, в организации лечения и последующей реабилитации. Коллективы милицеских сотрудников, конечно, оказывают им внимание. И это очень важно не только для инвалидов, но и для их бывших сослуживцев.

К сожалению, они часто, как Дмитрий, сами, по собственной инициативе едут в госпиталя МВД, в Москву, в другие больничные учреждения, чтобы хоть немного облегчить свою жизнь. И не всегда это им доступно. Врачам из медицинской службы МВД надо бы больше работать с этой категорией инвалидов – участниками боевых действий – так, как это поставлено с фронтовиками Великой Отечественной войны: взять их на особый учет и планомерно вести работу по их лечению. Жаль, что до сих пор все это остается личной проблемой каждого инвалида.

Ожог войной болит, не проходит, он – навсегда. Упаси Бог каждого из нас от такой судьбы, а Дмитрию Кропотину дай Бог сил выжить, побороть свою боль, поддержать сына. И верится, что этот человек несгибаемой воли выдюжит, и возле отцовского плеча вырастет сын, который переймет от отца все лучшее и, повзрослев, станет настоящим мужчиной.

Хочется низко в пояс поклониться Дмитрию Кропотину, лежащему на больничной койке...

ЮМОР

Владимир Глебов

СТИХИ

* * *

Жалко мне парижан до слез,
Закрыты для них небесные сферы!
Не видят они ни солнца, ни звезд –
Слишком много летит над Парижем фанеры.

* * *

В кафе с названием «Дежавю»
Жду битый час заказ уныло.
На мысли сам себя ловлю:
Всё это было, было, было...

* * *

Где-то там, в Рейкьявике, у реки
Любят кушать пряники старики.
А у нас – мы не в Рейкьявике –
Постарел – забудь про пряники.

* * *

Каждый вечер моя благоверная фея
От меня ускользает в объятия Морфея.
Незавидная выпала участь:
Я ночами не сплю:
Дикой ревностью мучусь!

* * *

Приехала девушка-модница
К бабушке в городок.
Видит, старуха – голь и бескормица.
Врал про богатство сынок.
Поела морошки лакомка,
И покуда во снах летала,
Над джинсами бабушка плакала,
Штопала их и латала...

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 80-летию Даниила Яшина

Роза Яшина

ОН МНОГО УСПЕЛ

24 декабря исполнилось бы 80 лет известному удмуртскому поэту, ученому и педагогу, доценту кафедры удмуртской литературы и литературы народов СССР Даниилу Александровичу Яшину. У него были большие творческие планы, но безвременная кончина не дала им осуществиться полностью. Но и то, что сделано им за сравнительно короткую жизнь, навсегда останется в сокровищнице культуры удмуртского (и не только) народа.

Талантливый поэт, тщательно оттачивавший свои стихи и поэмы, он – автор одиннадцати поэтических сборников. Многие его стихотворения и поэма «Ничто не забыто» переведены и опубликованы на русском (сборники «Ожидание», 1968, и «Весеннее разноцветье», 1975), коми, татарском, чувашском, марийском, эстонском, монгольском, польском, итальянском, испанском и других языках, что говорит о популярности и признании одаренности поэта не только у нас в республике, но и за ее пределами. Лирика его изучается в удмуртских школах. Она несет заряд нравственной и эстетической силы, имеет большое воспитательное значение.

Даниила Александровича также был признанным в ученом мире талантливым фольклористом, литературоведом и методистом. Им написаны двадцать три книги по фольклористике, удмуртской литературе и методике преподавания, среди которых – несколько учебников для средней школы. Кроме того, он – автор ста научных статей, опубликованных в научных сборниках и журналах. В разных изданиях напечатано девяносто две его рецензии на труды других ученых, на сборники поэтов, книги прозы, на спектакли театров Удмуртии. Даниилом Яшиным сделано семьдесят семь научных докладов на международных, всесоюзных, региональных и республиканских конференциях и симпозиумах, прочитано две тысячи сто двенадцать лекций среди населения Удмуртии. Им велся строгий учет проделанной работы, что может для всех служить хорошим примером.

Д.А. Яшин был хорошим преподавателем и человеком. Тридцать семь лет составляет стаж его вузовской работы, тридцати семи выпускам специалистов родного языка и литературы дал он путевку в жизнь. Им проделана большая работа по повышению квалификации учителей удмуртских школ. Ежегодно на курсах повышения квалификации для учителей он читал по двадцать-тридцать лекций.

Родился Даниила Александровича в бедной крестьянской семье в деревне Старые Какси Можгинского района, семилетним мальчиком остался без

отца. На фронтах Великой Отечественной войны погибли все четыре его старших брата. Мать от непосильного труда и горя рано стала инвалидом. Данило, как ласково и уважительно звали его друзья и однокурсники, прошел через все тяготы жизни. Закончив Можгинский педтехникум, а затем Удмуртский педагогический институт с отличием, был направлен преподавателем удмуртского фольклора и литературы в Глазовский пединститут. С 1959 года и до конца жизни он работал в Удмуртском государственном университете. Кандидатскую диссертацию по удмуртскому фольклору защитил в 1967 году, а в 1970-м ему было присвоено ученое звание доцента. Он увлеченно работал над докторской диссертацией, однако скоропостижная кончина не дала ему завершить этот труд.

Бессменный руководитель литературно-творческого кружка, Д.А. Яшин подготовил немало творческих работников для республики. Через его кружок прошли известные писатели, журналисты, поэты Флор Васильев, Роман Валишин, Владимир Романов, Вениамин Ившин, Татьяна Чернова, Виктор Ивашкин, Людмила Кутянова и многие другие.

Безотказный в выполнении поручений, скромный, доброжелательный и человечный, Даниила Александровича оставил поистине добрую память о себе.

Даниила Яшин

Стихотворения

Радость

Слышу я опять знакомый голос,
Он с небесной музыкою схож.
Это, наливая соком колос,
Запеваet солнечная рожь.

И такая радость окрыляет –
Настежь открывается душа.
Если рожь, как другу, подпеваet,
Знать, обоим песня хороша.

В песне все: и плотогоны Камы,
И село родное, и поля.
Я пою о том, как дорога мне
Колыбель моя – моя земля.

Перевод Л.Шкавро

Я с Урала

– Вы азиат? – вопросом, как гвоздем,
Кольнул меня турист в чужом краю.
Манеры ли мои не принял он?
Мое лицо ль? А, может, стать мою?

Похож я – знаю – на уральский куст:
Приземист, крутоскул, темноволос.
Изяществом, увы, не похвалюсь,
Да и в других претит мне внешний лоск.

Порой стесняюсь сбить чужую спесь,
Порою – необузданней коня.
Каким родился и каков я есть,
Таким и принимает жизнь меня.
И европейский есть во мне запал,
И струны азиатские поют,
Но главное – седой старик Урал
Вложил мне в сердце искорку свою.

Мой облик и прямой характер мой
Лепил, как мастер и художник, он.
Я вынянчен удмуртскою землей
На стыке континентов и времен.

И знаю – на кого ни походи,
Нам всем вперед нацеливать свой взгляд,
Нам всем идти по одному пути,
Будь европеец ты, будь азиат.
Перевод О.Поскребышева

Глаза говорят

Ах, девушка – с лукавинкой глаза! –
Мне на работе нет от них покоя.
Я даже другу, наконец, сказал:
«Неплохо бы узнать, что с ней такое...».

Но друг с улыбкой мне в ответ: «Постой,
А что же сам-то ты глядишь, краснея?
Нетрудно догадаться, что с тобой.
Наверно, то же самое и с нею».
Перевод О.Поскребышева

Когда кругом друзья

Гудят ли несмолкаемо станки,
Спешим ли в поле утренней порой,
Шаги звучат, пружинисто легки,
И ширится весенних сил прибой,
Когда кругом друзья.

Да, жизни непреклонен ход:
В одном строю поется веселей!

И та дорога, что ведет вперед,
Становится короче и светлей,
Когда кругом друзья.

Бывает так: вдруг загрустят друзья,
В туманной дымке солнца не видать,
Но радость не тускнеет, и в груди
Унынью и печали не бывать,
Когда кругом друзья.

Мы обгоняем время. Мы сильны.
Упорство юных окрыляет взгляд,
И трудности любые не страшны,
И молодо глаза на мир глядят,
Когда кругом друзья.
Перевод А.Писарева

Другой букет

Без букета к девушке пойдешь ли?
Вот настал в садах цветенья день.
Паренек бежит – горят подошвы,
Полыхает ранняя сирень.

Но, придя под милое окошко,
Видит парень – ох, плохи дела! –
Он с сиренью опоздал немножко:
Где-то раньше вишня расцвела.
Перевод О.Поскребышева

Мой край

Если кто-нибудь скажет, что край мой суров,
Что снегов и метелей томителен гнет, –
Зря не буду я тратить обилие слов:
Кто останется здесь, край мой сердцем поймет.

Он увидит, как поздней, но бурной весной
Белой пеной черемух сады закипят,
И его навсегда приколдует лесной,
Напоенный смолою, хмельной аромат.

Здесь не солнечный юг и не сказочный рай,
И не пальмы взирают на времени бег,
Но любому милей и дороже тот край,
Где он понял впервые, что он – человек.

Я родился в прикамской лесной стороне,
Годы детства и юности здесь протекли,
Вдоволь счастья и слез здесь дано было мне,
И не жить мне без этой суровой земли!
Перевод автора

Анна Евсева

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Признанным мастерам удмуртского сценического искусства народному артисту РСФСР К.А. Ложкину, народным артисткам УАССР В.К. Виноградовой и К.К. Гавриловой в 2009 году исполнилось бы 100 лет. Они пришли в театр в конце 20-х годов, когда театра как такового еще не существовало. Он был еще только в мыслях, мечтах тех, кто страстно хотел реализовать творческий потенциал, данный природой.

Судьба каждого из актеров первого поколения национального театра совсем не походила на судьбы артистов столичных театров, многие из которых с детства имели возможность посещать профессиональные театры. Многим из них выпало счастье учиться у больших мастеров. Первые удмуртские актеры – вчерашние рабочие, колхозники, служащие, – не видевшие и не знавшие по-настоящему, что такое театр, были как неотшлифованный алмаз. Они обладали тем, чем богат удмуртский народ: задушевностью, музыкальностью, неиссякаемым юмором.

Кузьма Алексеевич Ложкин был блестящим исполнителем комедийных, острохарактерных, героических ролей, а впоследствии – первым профессиональным удмуртским режиссером-педагогом. Воспитанник Дебесского детского дома, Кузьма Ложкин начинал как неизменный участник художественной самодеятельности: читал стихи, пел, играл в самодеятельных спектаклях. Будучи студентом Ижевского педагогического техникума, он становится активным участником драматического и хорового кружков. Руководитель хора Е.В. Молоткова, выпускница Петербургской консерватории, занималась с ним индивидуально.

Страстная любовь к театральному искусству приводит юношу в Удмуртский центральный клуб. Здесь он посещает хор и драматический кружок, которым руководит А.В. Сугатов. Через этот кружок прошли многие, кто составил в будущем ядро профессионального удмуртского театра. В 1928 году Ложкина как одного из одаренных молодых людей направляют на учебу в Москву на режиссерское отделение Центрального техникума театрального искусства (ГИТИС). Учеба в Москве стала для него школой театральной культуры.

Но студента, еще не закончившего учебу, отзывают в Ижевск для организации профессионального театра. Базой его явился драматический коллектив Центрального удмуртского клуба. Началась первая совместная работа над спектаклем «Вало ор куашетэ»

(«Река Вала шумит») по пьесе И.Г. Гаврилова, руководившего клубом. Кузьма Алексеевич работал над постановкой как режиссер.

К.А. Ложкин, первым из удмуртов получивший профессиональное театральное образование, закончив учебу, становится режиссером и актером. Он – ведущий актер и режиссер – становится также театральным педагогом, воспитавшим не одно поколение профессиональных актеров. Он был первым учителем впоследствии народных артисток УАССР К.К. Фанталовой-Гавриловой и В.К. Виноградовой.

Уроженка деревни Сулвай-Какси Вавожского района, Клавдия Кузьминична Гаврилова (Фанталова) родилась в бедной крестьянской семье. Она бежала из деревни, не смирившись с замужеством за нелюбимым человеком. Для восемнадцатилетней удмуртской девушки это был поступок, указывавший на ее решительный характер и умение постоять за себя.

В городе Клавдия поступает работать на завод, учится на курсах библиотекарей, приходит в Центральный удмуртский клуб, а в 1929 году поступает на двухгодичные театральные курсы. Именно здесь она встретила свою судьбу: по сердцу ей пришелся невысокий, энергичный молодой человек – руководитель драматического коллектива Игнатий Гаврилов. Встреча с И.Г. Гавриловым определила всю дальнейшую судьбу Клавды Фанталовой: он был ее учителем, другом, отцом их детей, для нее он создавал роли. Они дополняли друг друга.

Первая роль молодой артистки в спектакле «Вало ор куашетэ» («Река Вала шумит») – старуха Куашкам. Не хотелось молодой актрисе играть страшную старуху-знахарку. Но режиссер К.А. Ложкин терпеливо объяснял, какой должна быть ее героиня: хитрой, злой, коварной. Упорство, труд актрисы и постановщика дали желаемый результат: на сцену вышла скорбленная, одряхлевшая старуха со злобно горевшими глазами. Вслед за Куашкам был создан образ Съод Санди в спектакле по пьесе И.Г. Гаврилова «Кезьыт опшмес» («Холодный ключ»).

Клавдия Кузьминична играла во всех спектаклях по пьесам И.Г. Гаврилова. Большое место в репертуаре актрисы заняли произведения русской и зарубежной классики. В комедии А.Н. Островского «На бойком месте» это была изворотливая, хитрая Евгения, в «Ревизоре» Н.В. Гоголя – вначале жеманная Марья Антоновна, в более зрелые годы – Анна Андреевна. В одних образах актриса находила смелые краски, бес-

пощадно разоблачающие злобу и жадность (Палагей в «Груне Тарасовой» И.Гаврилова, Орина в «Свадьбе» В.Садовникова), в других – доброту и душевность.

В годы Великой Отечественной войны К.К. Гаврилова в составе концертной бригады Удмуртской филармонии выезжала на фронт. Артисты работали в расположении гвардейского корпуса и дали 57 концертов.

Лично мне запомнилось в исполнении Клавдии Фанталовой-Гавриловой чтение детских рассказов для взрослых. Это было в конце 40-х – начале 50-х годов. Выходя на сцену в светлом, длинном, пышном платье, Клавдия Кузьминична преображалась в маленькую девочку с пухленькими, нежными ручками и растопыренными пальчиками, перебирающими оборки, звонким голосом и легкой картавостью. Вторая Рина Зеленая (первой в нашей республике была заслуженная артистка УАССР А.Г. Колесникова) – так тогда ее называли.

А как совпали голоса Клавдии Кузьминичны и Вассы Кирилловны Виноградовой, пришедшей в театр два года спустя! И снова судьбу актрис решили Ложкин и Гаврилов. Васса Виноградова и Клавдия Гаврилова составили прекрасный вокальный дуэт, покоряя слушателей музыкальностью и проникновением в интонацию удмуртской песни.

Песня открыла В.К. Виноградовой дорогу в театр. Приехав из деревни Гондырево Алнашского района в Ижевск, девушка некоторое время работала домработницей, затем токарем на заводе. А по вечерам посещала Центральный удмуртский клуб, где репетировала и выступала с сольными номерами. На одном из концертов В.К. Виноградову увидели Гаврилов и Ложкин. Их покорила голос, исключительная музыкальность девушки, и они пригласили ее на работу в театр. Она становится настоящим соловьем молодого удмуртского театра: ни один спектакль, в котором она участвует, не проходит без ее пения.

Так началась жизнь актрисы Вассы Виноградовой и его коллег Клавдии Фанталовой-Гавриловой, Григория Овечкина, Якова Перевощикова, Вячеслава Волкова и других актеров, стоящих у истоков профессионального удмуртского театра. Театр для Виноградовой и ее коллег стал не только сценой, но и учебным заведением. Актеров учили режиссеры, учились они и друг у друга, учились на собственных ошибках. Талантливой артисткой Вассой Виноградовой за 30 лет сценической деятельности было сыграно много ролей: Анна Андреевна в «Ревизоре» Н.В. Гоголя, Мерчуткина в «Юбилее» А.П. Чехова, Полина во «Врагах» А.М. Горького. И все-таки самыми удачными из всех сыгранных были образы удмуртских женщин, так непохожих одна на другую: добрая Юбера в драме «Анною» И.Г. Гаврилова, Зоя Кабышева, полная страсти к наживе, в спектакле «Вуж юрт» («Старый дом») Г.Д. Красильникова. В каждой из героинь актриса старалась обозначить тонкости национального характера удмуртских женщин.

Более десяти лет звучали песни Гавриловой и Виноградовой в концертных программах театра. В 1939 году актрисы принимали участие во Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в Кирове, а в Москве их дуэт был записан на пленку. В 1940 году К.К. Гавриловой и В.К. Виноградовой было присвоено звание заслуженных артисток Удмуртской АССР, а их учителю, товарищу и другу Кузьме Алексеевичу – звание заслуженного артиста РСФСР.

В большей степени актрисы состоялись благодаря К.А. Ложкину, как и многие другие: В.Е. Садовников, А.Г. Колесникова, Н.П. Бакишева и т.д. Несколько лет Кузьма Алексеевич руководил театром как главный режиссер, поставив более сорока спектаклей: «Река Вала шумит» по пьесе И.Г. Гаврилова, «Вуж Мултан» («Старый Мултан») М.П. Петрова, «Лыз зарезь тулкымъяське» («Волнуется синее море») по пьесе В.Е. Садовникова, «Женитьба» по пьесе Н.В. Гоголя и другие. Режиссерский почерк Ложкина отличался высокой сценической культурой, детальной разработкой характеров героев, точным следованием авторскому замыслу. Актер широкого диапазона, Кузьма Алексеевич сыграл около 250 ролей.

Я перелистываю страницы своей памяти. Что-то отпечаталось четко, что-то – отдельными штрихами: вот Олеш, забитый в солдаты, по удмуртскому обычаю увешанный расшитыми полотенцами, в спектакле «Вуж Мултан» («Старый Мултан») М.П. Петрова; неутомимый на выдумки, энергичный Юрмег, ловко перехитривший своего хозяина и его сына, отстоявшего свою невесту от их посягательств; князь в «Дядюшкином сне» по Ф.М. Достоевскому.

Серебристый голос Кузьмы Алексеевича неизменно звучал в концертных программах театра. Когда на базе Удмуртского драматического театра открыли музыкальный театр, в числе первых актеров, занятых в опереттах, был К.А. Ложкин: дед Ничипор в «Свадьбе в Малиновке», князь в «Сильве», директор Дома культуры Пискалов в первой музыкальной комедии «Любушка» Г.Корепанова-Камского. Творческое отношение к театральному процессу, тщательная работа над текстом, требовательность к себе служили ярким примером для всех актеров.

В начале Великой Отечественной войны театр был расформирован: часть актеров ушла на фронт, часть была мобилизована на заводы. Кузьме Алексеевичу удалось организовать бригаду из 7-8 человек и подготовить концертную программу, с которой актеры объезжали деревни и села республики. Вскоре оставшихся актеров собрал под своей крышей восстановленный театр, начавший свою работу на базе Алнашского Дома культуры.

Мне посчастливилось лично знать многих деятелей театра, в том числе – и тех, о которых пишу. Имена стоявших у истоков Удмуртского театра – эпоха в его истории, в истории культуры удмуртского народа.

СИМФОНΙΑ СУДЬБЫ

Либретто в 4-х действиях с эпилогом
(отрывок)

С великой благодарностью и поклоном
Кузьме Павловичу Чайникову –
Кузебаю Герду

* Проскомидия – главная часть Божественной литургии, молитвенная песня о здравии и за упокой одновременно.

Действующие лица:

Кузьма Павлович Чайников – зав. школой, 18 лет *баритон*
Друг Кузьмы Чайникова – инструктор уезда *тенор*
Благочинный округа *контральто*
Муза – девушка-призрак *речитатив*
Акилина *сопрано*
Невеста - гимназистка *меццо-сопрано*
Богач, дядя невесты *тенор*
Купец Шапей Ирисов *баритон*
Надежда - внучка Купца, гимназистка, 16 лет *сопрано*
Аино - дочь Надежды Ирисовой, 6 лет *речитатив*
Командир продотряда *баритон*
Боец продотряда *контральто*
Кузьма Павлович Чайников – Кузебай Герд, поэт
Ученый, просветитель *баритон*
Друг Кузьмы Чайникова – сексот *тенор*
Следователь – лейтенант ОГПУ *тенор*
Секретарь обкома *баритон*
Зампред правительства *баритон*
Писатель *баритон*
Кесарь *тенор*
Д. Бедный, поэт *баритон*
В. Маяковский, поэт *бас*
С. Есенин, поэт *тенор*
Силыч, крестьянин
Нилыч, крестьянин
Никифор, ученик К. Герда
Кадим, ученик К. Герда
Крестьяне, подростки, молодежь

Действие первое. Картина первая.

Подворье сельской школы. На крыше, с инструментом в руках, орудует молодой учитель. Двое подростков подают ему дранку. На фасаде икона.

Учитель поет:

Долго пели они, со слезами порой
И махали прощальным платком,
Васильков мне нарвали с полоски ржаной,
Колосков, чтобы помнил я дом.

Вместе:

Васильков мне нарвали с полоски ржаной,
Колосков, чтобы помнил я дом.

Слышится колокольный звон – зазывной благовест, извещающий о предстоящей церковной службе.

Кузьма: А теперь, дети, держите лестницу – сле-
заю.

Никанор: Уже все? Пойдем готовиться?..

Кадим: Мы, Кузьма Павлович, уже отрепетировали вашу песню.

Кузьма: Вы – молодцы! Не жалеете, что классной дамой не обзавелись, друзья?

Никанор: Зачем нам дама, если есть вы? Завтра играть в лапту пойдем, Кузьма Павлович?

Кузьма: Посмотрим, как вы там справились с заданием... Пойдем, несомненно...

Появляется Благочинный – священник с полномочием надзирателя за округом.

Благочинный (*увидев Кузьму*): Почто тебя лукавый-то в другую сторону заносит? В Великий праздник робишь – разве это дело? (*Достал лафетник, налил из фляжки, перекрестился, перекрестил содержимое*). Прими, Господи, за капельки сердешны! (*Выпил*).

Кузьма: Благословите...

Благочинный: Бог благословит! Отец Пафнутий ждет, смотри, на Клиросе тебя.

Кузьма: Позвольте на сей подвиг, – крыша протекает. Вон и туча появилась снова, прольет дождем. А вдруг гроза!?

Благочинный: Не гневи-ка бога! Смотри, к «пятидесятиалтынному-то» псалму не вздумай опоздать! Не гоже перед святыми отцами правому-то хору без баритона петь. А экзамены ты, сказывают, проводил опять демократично?

Кузьма: Позвольте... (*Громче звучит колокол*).

Благочинный: Не позволю! А кто тайком обучает деток языку по-вотски?

Кузьма: Так это же их родной язык?!

Благочинный: А кто благословил?

Кузьма: Никто...

Благочинный: Вот то-то и оно. Не богохульствуй впредь! Не бреди в Большой Уче крестьянскую болячку! Не подводи под анафему... Иначе!..

Кузьма: Что иначе? Опять священное писание переверете? Я не согласен. У меня есть на этот счет свое мнение. *(Чихает)*.

Благочинный: Вот-вот – чихай! Смотри, я преудпреждаю! И жду на клиросе тебя! *(Уходя)*. Язви его в кружку! Вероотступник... Стервец поганый, выкрест: ни гроша не стоит... Не выкинул бы ноне еще какой сюрприз. *(Уходит)*.

Никанор: Смотрите, Кузьма Павлович, как благочинный семенит! *(Показывает)*.

(Колокольный звон нарастает, начинается темнота).

Кузьма: А что-то ваших родителей не видно, в церковь не идут?

Кадим: Да вон они спешают сюда. *(Появляются крестьяне в нарядных одеяниях с маленькими детьми на руках)*.

Кузьма: Здравствуйте, наши дорогие сельчане! С предстоящим праздником святой Пасхи вас!

Крестьяне (нестройным хором): Спаси Господи! И вас мы также поздравляем. Мир вашему дому!

Кузьма: С миром принимаем. Вон уж и благовест звонит на всю округу, скоро служба! Спешите.

Силыч: А мы, ведь Кузьма Павлович, идем-спешим тебе быть подмогой. Дети сказывали, крышу надобно чинить. А мы иначе поступить не можем.

Кузьма: Покорно я вам благодарен за заботу, но мы уже с Никанором и Кадимом чинили – осталось малость. А вот детки ваши, мои ученики, приготовили вам подарок. Идите дети в класс, готовьтесь. *(Мужикам-крестьянам.)* А вы пока немножко побудьте на подворье. Я за ними догляжу. *(Уходит)*.

Силыч: Все ведь, лико, мастерски приладил. Ай, да Кузьма Павлович, ай, да молодец!

Нилыч: А ты бы, Силыч, так-ту б сделал?

Силыч: А ежели бы постараться...то... навряд ли? Прохор Нилыч, сколь годков-то дранкой кроешь ты жильё? А ведь он, наверняка, – впервой! *(Появляются дети, они подбегают к родителям, берутся за руки, в круг входит Прохор Нилыч)*.

Дети поют:

Как на Прохора Нилыча именины

Испекли мы каравай,

Вот такой вот вышины,

Вот такой вот нижины,

Вот такой вот ширины,

Да вот такой вот ужины

Каравай, каравай,

Кого любишь, – выбирай!

(Прохор выбирает женщину).

Хор:

Как на Симины именины

Испекли мы каравай...

(Выходит из школы Благочинный с кадилом).

Благочинный-2 (размахивая кадилом): Во имя отца и сына и Святого духа!

Крестьяне: Аминь.

Благочинный-2: Вам, почтенные крестьяне, я глаголю ноне недовольство. Разве можно в праздник Святой Пасхи не быть с мирянами во чреве Церкви? Грешно! Наводите вы на себя хулу и гнев Господень. Да, тем паче, общаетесь с Господом Богом напрямик! Минуя белое священство и чернецов монашеского звания как посредников между Богом и людьми. Внушаю вам, чтобы экое не повторялось впредь. Хоша должен признаться – первый выпуск из двухклассной школы у вас все же состоялся, дали детям возможность познать радость учения. Это хорошо! Ведь им предстоит пройти путь длиною в жизнь! Аминь!

Хор: Аминь!

(Все низко кланяются).

Кадим: Давайте продолжим наш праздник. Батюшка, вы оставайтесь с нами, вставайте в круг!

Дети поют:

Как на батюшкины именины

Испекли мы каравай,

Вот такой вот вышины...

(Появляются двое. Праздник продолжается).

Вот такой нижины,

Вот такой вышины,

Каравай, каравай,

Кого ценишь – выбирай...

(Игра продолжается. Из верхнего конца села под звучный перезвон появляются двое: школьный инспектор из уезда и благочинный, они идут к ограде школы).

Друг: Ну, и где же ваш обещанный сюрприз? За коим вы меня сюда идти изволили тревожить?

Благочинный: Будет. Непременно будет! Надеюсь, Пасха наша во здешнем Храме прошла успешно? Ась? Во трапезной я всем, несшим службу, соизволил пожелать добра. Однако, Клиром недоволен. Ключарь скуп. В настоятели его пока..рановато. Староста прижимист – не было хорошего винца.

Друг: А каков кагор с короной?

Благочинный: Пресытился, однако... А давайте-ка, господин инструктор всего уезду, мы с вами опустимся на лужайку-лимб да и угостимся нашей?! Во! Ядрена! Как жонка Ключаря... *(Достал из мошны бутылку и лафетник, налил, выпили)*. Ах, хороша! *(Достал крашеные яйца)*. Закусите... Я освятил яички всем... Еще налить?

Друг: Не невольте...

Благочинный: А я, пожалуй, еще один лафетник выпью. *(Налил, перекрестил)*. Прими, Господи, за капельки сердешны. *(Пьет)*.

Друг: Ну, вы и мастак же в этом деле...

Благочинный: Побыли бы вы с мое на дальних-то приходах! Тогда – идемте! *(Идут и видят множество людей на подворье школы)*. Зайтить, пожалуй,

надо на подворье и всем сказать о прибытии вас в наш уезд. *(Войдя)*. Особливо здешнему учителю... в назидание. Свят, свят! Али двоит? Да я, вроде, никогда с одного-то лафитника и не пьянел! Как вы, господин инструктор, полагаете: пьян я али не пьян? А его... *(Показывает на двойника.)* Я ведь могу и анафеме предать, и по указу Митрополита взаштат... Уволить!.. Али как?

Друг: Не пейте больше!

Благочинный: Хорошо. Давайте похристосуемся с этим... О! Бестии-пампушки... Мои почтенные прихожане и миряне! Христос Воскресе!

Крестьяне нестройно: Воистину воскресе! Христос Воскресе! *(Более стройно.)* Воистину воскресе! Христос Воскресе! *(Стройно.)* Воистину воскресе!

Благочинный: А почто я во храме не видел вас? А благочинный-то откель тут? К вам явился, из ерота? Местный? А, братец? Христос Воскресе! Как звать по чину вас? Ага! И ладно... Вроде слышал я о вас... Ну, и испужал меня ты аж до ознобу...

Благочинный-2: Очевидно...

Благочинный: Христос Воскресе! *(Двойник молчит).*

Крестьяне и дети хором: Воистину воскресе! *Неожиданно при христосовании с двойника спадают борода, и все узнают Кузьму Павловича.*

Все: Ах!

Благочинный: Свят! Свят! Свят! Милостивый Господь! Всемогущий! Обмишурился вишь я! *(Грозно)*. Да как ты это смел, паяц, в мою-то плоть воплотиться?! Вот вам, господин инструктор, и сюрприз!!! А что я сказывал-то вам? О, господи! Екое мне языческое горе! И благочастивой матушке-владычице позор! У! Бес, нечистый! Дьявол! Сгинь с глаз моих ты, сгинь! *(Плача)*. За что мне ниспослал Господь мирошку!? А-а-а! Екой же это грех-то на душу я взял!? *(Поднимает голову и, оглядываясь, видит детей и родителей)*. А вы-то что же это тутака торчите? *(Молитвенно-плачевно.)* Идите, идите, Христа ради, по своим домам! *(Толпа мнется)*. Да кому же это я глаголю? *(Грозно)*. Оглохли, олухи? Я вас всех анафеме предаю! А, ну – домой! И шибко! Прытче! *(Обращаясь к Кузьме Павловичу)*. А на ты я эпитимию наложу! Отныне божий храм для ты я наглухо закрою! Отлучаю с сего дня от церкви христовой! Екой, екой позор! Господин инструктор, ради Бога, умоляю, не оглашайте при начальстве, мой просак!

Друг: Я, батюшка, нем, как в Каме рыба.

Благочинный: Премного вам я благодарен! Ровно уж и... утро настанет! А этих я всех, выкрестов проклятых, до их я курных изб препровожаю! Все по домам! И живо, живо! А вы внушите этому... У – бес! Внушение, сделайте, вы этому шельмецу! По службе назидание. *(Уходит. Кузьма показывает, как по семенит ногами, инструктор от хохота трясется)*.

Друг: Ну, здравствуй, друг Кузьма! Друг детства!

Кузьма: Здравствуйте, господин инструктор

школьного отдела из уезда, кажется, так вас надобно теперь мне величать?

Друг: Да ладно!.. Надо же каким ты стал!? Ну и порадовал своей игрой меня! *(Обнимаясь)*.

Кузьма: Простите! Как-то так само собой все вышло. Ну, здравствуй, друг! Я очень, тоже очень этой встрече рад!

Друг: Сколько лет-то мы не виделись с тобой?

Кузьма: Да уж, кажись, лет пять минуло.

Друг: Надо же! Уж целых пять!? Как учительствуешь?

Кузьма: Сам видишь. Крыши чиню, заборы поправляю. Учю уму-разуму... воспитываю, как может, детей и сам учусь у них.

Друг: И в церковь от того ты не явился?

Кузьма: Нет. Я такого нагляделся... Да что там говорить... кляззы строчат, по службе доносят. Настоятельно требуют терпения и смирения от мирян. А как можно смириться с произволом?! Нет! Я не смирюсь...при этом, никогда!

Друг: Я понимаю... А этот – очумел на дальних-то приходах. Я его угомоню... Не надо нам той искры, от которой может разыгаться пламя! По секрету: Государь-император пребывает в тягостной тревоге. В уезде слышал... время сатанинское грядет! Нам революцию пророчат. До встречи. К нему зайду, очень матушка просила. Не прощаюсь я – пока! *(Кузьма остается один)*.

Кузьма: Надоело! Все придирки. То экзамены провожу демократично, то деток обучаю я по-вотски, то на исповедь регулярно не хожу! А эти глупые упреки: "не на казенный ли кошт тебя учили?" Да если б у родителей моих был капитал?..

Я воспитываю новое поколение россиян, с детства – новых граждан! Формирую гражданскую позицию у людей! Учитель я, учитель! О! Творец! Создатель! Прошу тебя я – помоги! Что я делаю? Не мог пристать я к русским и от своих уж отбиваюсь! Услышь ты, господи, меня! Пусть отлучен я от Христовой церкви! Но кто может отлучить, всевышний, от тебя? Прошу, Создатель, умоляю! Услышь меня! Ведь мы и так находимся под двойным гнетом – произвол самодержавия нас душиет и политика малых народов жмет, и они нас обижают, но мы снова тянемся к ним в церковь... О, муза! Муза! Хоть ты услышь меня! Дай мне хоть чуточку таланта! Я должен, я обязан помочь народу выйти на светлый путь! Я чувствую, я знаю, кем я буду, но сомневаюсь... В отчаянии пребываю порой я! Но и ты меня не слышишь тоже! *(Появляется и проходит медленно за светлой переборкой призрак-девушка в нарядном национальном облачении)*.

Муза: Слышу-у! С детских лет уже вдохновляю тебя... В твое предназначение верю и надеюсь!

Кузьма: Правда! Ты услышала меня!? Значит, ты есть? Ты существуешь? Не зря мне моя мама пела о тебе с колыбели...

Муза: Не обольщайся! Трудную стезю ты изби-

раешь!..

Кузьма: Я все преодолею, клянусь! Не пожалею для народа живота!

Муза: Иди тогда и не сворачивай с дороги!

Кузьма: Иду! Хотя и не очень знаю, куда эта дорога приведет.

Муза: А это – судьба твоя! Ее ты не обманешь.

Кузьма: Не собираюсь, околдовала чародейкой ты меня. Но я готов с такой судьбой бороться! Я ей не уступлю! Душа моя пылает, ввысь стремится, в небесный рай, который должен быть здесь, на земле!

Муза: Ты хочешь забежать вперед?

Кузьма: А разве обещанный церковью рай не есть будущее?

Муза: Но заглядывать в будущее и рисовать его по своему усмотрению – не ошибка ли это? Не грех?

Кузьма: А так страдать – не грех? Нет, не научили наши матери нас любить свободу! Мне надо слово золотое донести до нашего народа. Собрать эту силу в могучий кулак. Кто еще услышит страдания нашего народа?! Я ничего и никого не боюсь! Я счастья сам добуду в борьбе! Я весь народ на борьбу со злом подниму. Подниму! Подниму!

Картина вторая.

Подворье сельской школы, собирается народ. Появляется Кузьма. К нему подходит молодежь, на школьном фасаде икона казанской божьей матери. Появляется друг.

Друг: Внимание, господа! Прошу внимания... Мы пришли сказать вам пренеприятное известие...

Кузьма: Что? К нам едет ревизор? А что, у нас разве есть что ревизовать?

Друг: Хвалю за смелость, друг мой! Действительно. Известие пришло печальное. В Санкт-Петербурге – революция! Николай второй, наш государь-император, отреклись от престола! Что теперь будет с Россией? Что ждет нас впереди?

Кузьма: Не так страшен черт, как его малюют. Предполагается, очевидно, народная власть! А мы будем, наконец, хозяевами жизни, а не «господами». Будем иметь работу, а значит, зарабатывать себе на хлеб и масло: содержать в достатке семьи, трудиться и трудиться! Мы сможем добиться демократии и цивилизации. Мы должны быть равными из равных в многонациональной семье братских народов России! И нас никто не сможет притеснять по национальному признаку. Никто! Товарищи! Ура!

Голоса: Ура! *(Появляются флаги, плакаты, сооружают помост, бросают вверх картузы).*

Друг: Товарищи! Не очень обольщайтесь... я должен вас предупредить, друзья... Время сатаническое грядет! Нам будет трудно. И есть ли среди нас тот, кто готов идти на подвиг ради нашего народа?

Кузьма: Есть! И я хочу сказать:

Революция – ты пожар!

Зло и тьму,

Жизнь-тюрьму

Сжигающий пожар!

Ты как меч,

Врагов труда

Бьющий в сердце меч!

Ты – набат!

Вотяков

Зовущий в бой набат!

Солнце ты!

Новый мир!

Свет и ширь!

Жизнь счастливой быть должна:

Верю я, что мой народ

Отряхнется ото сна!

Друг: Начинаются дела! *(В это время падает икона с фронта здания школы, но этого никто не замечает).*

Кузьма:

Да! В темном небе – отблески штыков!

И пляшут языки костров, шатаясь,

В строю рабочих представляю моряков,

Их ленты в океане буревестником метались.

Открыла ночь пальбу на площадях

И к штурму подала сигнал колоннам,

Блеснул орудий залп на кораблях –

И выдал Зимний робость стекол звоном.

Октябрь на запад жаркий ветер шлет,

Толпою заполняя мостовые...

Весь мир к восходу солнечному ждет

Вестей из Петрограда, из России!

На утро drobный перестук ключа

Услышат и за Тихим, за Босфором:

По личному заданью Ильича

Заговорила станция «Аврора».

Слова врываются в жизни ход, как шквал

И к полюсам обоим полетели!

Так о своей Победе заявил

Впервые власть имущий пролетарий!

(Включили «Марсельзу», танцуют и поют. Запели «Интернационал», встав строем, а затем танцуют вальс, от толпы отделяются две девушки, выходят на авансцену).

Невеста: А хорошо-то как, Акилина! Столько народу собралось! Столько!..

Акилина: Хо-ро-шо! Но не знаю, что будет дальше с нами. Мне даже как-то грустно.

Невеста: Да что ты в самом деле? Наверное, опять вспоминаешь Карлыган или это Кузубаево свое?

Акилина: Все! Что было до сегодняшнего дня... И дом родной, конечно. Катя, могу я на тебя положиться? Ты можешь выслушать мои мысли и не разболтать никому?

Невеста: Конечно!

Акилина: Только не смейся над тем, что я тебе скажу...

Невеста: Хорошо. Не буду.

Акилина: Послушай...

Край родимый, луг зеленый с утренней росой.

Не могу налюбоваться я твоей краской.

Выйду в поле, и не видно ни конца, ни края.

Ходит волнами пшеница, с ветерком играя...

Невеста: Так это, значит, – твоя песня? У нас ее поют как народную, не знают, кто ее автор. И ты молчала. До сих пор молчала...

Акилина: Да.

Невеста: Ну, ты, подруженька, даешь! Я ведь видела у тебя эту тетрадку, но не посмела заглянуть в нее.

Акилина: Спасибо. Ты – настоящая подруга!

Невеста: Ты – талант! И скрываешь его от народа! Я бы так никогда не смогла сочинить, так умно выстроить образы, слова.

Акилина: Зато ты – прекрасный математик!

Невеста: Теперь нам предстоит огромная работа: детей будем учить! Учить!

Акилина: А мне надо еще самой учиться, чтобы учить.

Невеста: И выучишься, я верю и надеюсь! Слышала, как мой...знакомый молодой учитель из Большой Учи говорил: «Нам нужна ... консолидация!» Понятно?

Акилина: Мне? Да.

Невеста: А мне не очень. Спросить бы надо... у... А как он пел! Я так волновалась! Ну, прямо беда! Ах, Акилина, Акилина... .Ведь это!..

Акилина: Ты это о чем?

Невеста: Да, так... мечтаю просто...

Акилина: Неужели время пробуждения души пришло?

Невеста: О чем ты это?

Акилина: А я это так... .просто мечтаю... (*Смеются*).

Невеста: Я же тебе серьезно говорю, как лучшей подруге... (*К ним направляются Кузьма и друг*). Он такой умный, внимательный, красивый! Настоящий интеллигент! (*Не замечая друзей*). Ну, в общем, он будет восходящей звездой на нашем небосводе.

Акилина:

А лицо его – солнце сверкающим днем,

А глаза – точно звезды на небе ночном.

Он веселый и яркий, как солнечный день,

И игривый, и жаркий, как май-голубень!

Как сказать? Как поведать мне?... (*Заметила друзей и замолчала*).

Невеста: Ну, что ты замолчала? Пой! Я эту песенку впервые слышу.

Кузьма (подойдя): И я тоже!

Невеста: Ой! Это вы? Кузьма... .Павлович.

Кузьма: Я. (*Акилине*). Не сама ли ты эту песню сочинила?

Невеста: Сама... Она – сама!

Кузьма: А если я вас попрошу еще спеть?

Акилина: А, может, не надо?

Друг: Надо! Честное слово, надо!

Кузьма: Если что еще есть...

Невеста: Да у ней их целая тетрадь! Ну, что же ты? Пой! Акилина, спой!

Акилина (застенчиво):

Есть болезнь, про нее знают все без сомнения,

И у нас ее все называют стеснением.

От чего я грустна, и гляжу я угрюмо?

Что скрывает она мои лучшие думы...

Кузьма: Знаешь, у тебя такие бесхитростные песни. Ты очень чувствуешь природу и понимаешь красоту родного слова. Твои стихи музыкальны. И чувствуется в них какая-то девичья безысходная тоска. Словом, это целый мир переживаний девушки-вотячки. Надо, чтобы твои песни знали все! И я, очевидно, смогу помочь опубликовать их.

Невеста: Ой! Сама удача!

Акилина: А, может, не стоит?

Друг: Стоит! И я тоже постараюсь помочь!

Кузьма: Разрешешь мне посмотреть твои записи? (*Берет и листает*). А как ты назвала этот цикл?

Акилина: Просто: «Ожерелье».

Кузьма: А что если я бы их назвал «У дороги»?

Акилина: Почему?

Кузьма: А потому, что ты остановилась у дороги новой предстоящей жизни и боишься на нее вступить. Тебя манит эта неизвестность, но и страшит! Согласна? Доверишь мне свою тетрадь?

Акилина: Доверю. Спасибо. До свидания.

Невеста: Куда ты, Акилина? (*Устремляется за ней*).

Друг: И я, девчата, с вами!

Кузьма (окликаая): Тратканова! Катя... На минутку... задержись... (*Идут друг другу навстречу*).

Невеста: Катенька! Я так ждал этой встречи!

Невеста: И я ждала! Кузьма... Павлович, ждала!..

Кузьма:

И вот явилась ты – и я тобой пленен!

Знакомый взор ищу я в незнакомом взоре.

Ты вспыхнула свечой, так, радуясь «Авроре»,

И разгорается уже раскрывшийся бутон.

Едва запела ты – я был заморожен,

И ширилась душа, забыв невзгоды, горе,

Как будто ангел в голубом просторе

Спасенье возвестил нам...

Вместе:

Не бойся милый друг, открой мне сердце смело!

Коль сердцу моему ответило твое.

Пусть люди против нас, пусть небо так велело,

И тайно, без надежд, любить нам суждено.

Пусть против нас тут все, пусть небо так велело,

И тайно без надежд, любить нам суждено...

Василий Глушков

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПЕРЕВОДАХ ЮЛИИ РАЗИНОЙ

* * *

С каждым шагом – новое,
С каждым шагом – дивное!
Снегом коронована
Сторона родимая.

Вся в морозе, спящая,
Но свежит дыханием,
Красотой слепящею,
Белым затиханием.

Во снегу стоящие
Дерева сосновые –
Счастье настоящее,
Русское, здоровое!

Есть же исцелиться где:
В шапке, старых валенках
Вольно повалиться мне
На сугроб-завалинку.

Так уж он белеется,
Так уж он покоится!
Сердцу посветлеется,
Словно в чистой горнице.

Здравствуй, Герд!

Земля родная ждет – не забывает
Своих любимых, верных сыновей.
Удмуртия век целый Кузубая
Ждала дорогой, широтой полей.

Следы его в туманы пеленала,
А голос каждым стеблем берегла,
Березки детства к небу поднимала
И разговор со звездами вела.

Цветами полевыми, пламень-маком,
Черемуховым цветом, цветом лип,
Весной манила: покажись из мрака
Хоть облаком каким-нибудь вдали.

И встал, поднялся из могилы тесной
Убитый, но не сломленный Поэт,
Домой вернулся он удмуртской песней.
Земля ликует: «Здравствуй, здравствуй, Герд!».

* * *

Вамышлы быдэ – вылез.
Вамышлы быдэ – шукрес.
Юг лымы дисен
Вордиськем музъем.

Кын пушкын ческыт изе,
Юз омыр чылкыт возе.
Мальдымон чебер
Юг лымы сульдэр.

Кускряз гуштэм пужым
Букосын сылэ йоно –
Со ик – шуд но со,
Юзмыт тол тусо.

Со ик со – бурмон Инты:
Изъен, гын сапеген
Букосэ эркын
Усисько небыт.
Со соче тоды ини!
Со сыче чылкыт ини!
Лул каньыл татын –
Чылкыт ин юртын.

Зечбур, Герд!

Вордэм музъем уг вунэты – Вите,
Вите на оскымон нылпиоссэ.
Удмурт шаер но, волгыяса сюрес,
Быдэс даур витиз Кузёбайзэ.

Пыгыюссэ небыт бусэн биниз,
Нош куаразэ турын вылын утиз,
Жутиз пичи кызыпуоссэ инме,
Отын мадиськылиз кизилен.

Беризь пурюсын, тодь льом ваен,
Мак но бусы сяськаосын тулыс
Отиз: «Я, возматскы, пилем тусъем
Луыса ке но, пот, пот ни пеймыгысь!».

Султиз соку зоскыт шайгуысьтыз
Эрказ лобись но вормымтэ Кылбур.
Зырдыт удмурт кырзантёсын бертиз.
Музъем орекъяське: «Герд! Герд! Зечбур!».

* * *

З.А.

Волос ветром годов припорошен,
Жизнь струит завиток седины...
Много женщин встречал я хороших,
Ты же вся – из какой-то весны.

Ты глядишь – и как будто светает,
Говоришь – и все струны звучат,
Шарфик дымкой вокруг шеи витает,
Каблучки твои юно стучат.

Сколько лет тебе – разве узнаешь?
Сколько нежности – разве поймешь?
Ты – такая малина лесная,
Что не всякой рукою возьмешь.

Поздравленья тебе адресуют,
Комплиментное плещут винцо,
И художники часто рисуют
Твое, русской Венеры, лицо.

И никто не заметит надлома
В твоём голосе, в синих глазах.
Ты в гостях лучезарна, и дома,
И с друзьями... На всех полюсах.

Твое слово сердца исцеляет
И любовь и свободу творит,
А твой сад и зимой расцветает,
А звезда твоя чудно горит.

Хотел бы...

Не быть мне вечно молодым:
К чему с судьбой соревноваться?
Но только б юношей седым
Подольше в жизни оставаться.

С карманом звонким ли, пустым
Еще, еще бы поскитаться,
Но только юношей седым
В пути, в дороге оставаться.

А если полчищем густым
Враги к России будут рваться,
Хотел бы юношей седым
В строю солдатском поравняться.

Пока цветут поля, сады,
А в небе звездам зажигаться,
Хотел бы юношей седым
Желанной встречи дожидаться.

Живу я грешным, не святым,
Но жизнь люблю – куда деваться?!
До смерти юношей седым
Позвольте рядом оставаться.

* * *

З.А.

Йылыло арлыдъёс пачылэс.
Йырсида но тодьма ни лымы.
Нылкышно дуннеысь одигез –
Тон тулыс тылсилэсь кылдэмын.

Учкиськод но – сактэ кадь инкуа,
Вераськод но – инсьор жингыртэ.
Кышетэд юг пилем кадь лоба,
Катаед капчиен тыпыртэ.

Шат тодод тынэсьтыд арлыддэ?
Суралод шат небыт куарадэ?
Кин-о тон? – Тон ческыт тэль эмезь,
Жутскемын лек пушнер куак польсь.

Эшгёсьыд тыныд зеч кылгёсын
Дугдытэк верало гажамзэс,
Ой, нош кыче ненег буйёсын
Кылдыто сизисьёс суредзэс!

Одиг мурт но уг тод но – медаз –
Чигиськем мылкыддэ, котжождэ.
Куноын но дорад – эсэпаз –
Возиськод тон котьку ик астэ.

Сюлэмыд яратись но гажась,
Висисез кылыныд эмъякод.
Тол куазен но садэд сяськаясь.
Кизили луыса пиштиськод.

Потэ вылэм

Быдэс даур егит уд ул.
Адзонэныд эчешоно шат?
Но – пурисьтам ке но – матур
Сюлмо луын кема уг лу шат?

Жингыр вазись-а яке буш
Кисьюсын но ветлысал на,
Но – пурисьтам ке но – мон туж
Сюрес вылэ потталлясал на.

Нош эрказем тушмонгёслэн
Россиез зибемзы потиз ке,
Пурись йырын ке но – оже
Соку ик жутисько мон – оске!

Коня возь выл сяськаяськод,
Коня гизы инмын пиштоз на –
Тоды луытозям ке но,
Коня кулэ – тонэ витэ на.

Мон сьолько, дыр, сьолько,
Но улонэз яратисько на!
Кулытозям – пурись йыро
Ке но, чырткем егитьясько на!

* * *

Октябрь уже на исходе,
В деревьях предзимняя дрожь.
И осень на птицу походит,
Какую за крылья берешь

И трепет живой ощущаешь,
Дыханье, тревогу, испуг...
И грустью души выпускаешь,
Как розовый ветер, из рук!

Красная лошадь

Рекою, вольными просторами
Звал полдень, солнечно пылясь,
А ты манила на ту сторону,
Где лошадь красная паслась,

Плыла каким-то смелым вызовом
В борьбе с течением реки,
Дышала далями и высями
И летним берегом другим.

Лучи ломались в брызгах стрелами,
А голос превращался в дым...
И девой мокрой, загорелою
Ты вышла из речной воды.

Лишь после этого крещения
К ней, красногривой, подошла...
И лошадь приняла общение,
Приветно ноздрями дыша,

Тебе обнять себя позволила
И к шее ласково прильнуть.
И вдруг заржала!.. Словно зорями
Ее переполнялась грудь.

Дружок

Когда еще ты был щенком,
Тебя поили молоком,
Тебя ласкали.
В квартире где-то ребягне
Ты всех игрушек был родней –
В руках таскали.

Игру любую затевал,
На задних лапах танцевал,
Шалил и лаял.

* * *

Ортче ни коньы вуон дыр но,
Юзыр луыло писпуос.
Толлэсь матынзэ шодытско но,
Лулзэс ыштыло, кадь, соос.

Сизыыл мозмыса лулзылэ. Со
Кышка, куректэ, курадзэ...
Нош макем тылобурдолы со
Кельше! Мон кырми, кадь, бурдзэ.

Кырми но шоди: куалектэм лул,
Быдэс мугорын со зурка.
Лэзь, лэзь сое – мед лобалоз ук!
Лемлет тол сямен – ас эрказ!

Кельыт вал

Шур куараен исаз, кырен-бурен,
Сьораз жутказ мальдись нунал.
Нош тон чалмыт отид со пал яре –
Отын ветлэ вал горд эрвал.

Нюръяськыса сямен, вань кужмысьтыд
Уяд визыламлы пумит.
Со пал ярлэн омыреныз гадьтыр
Ческыт шокад, лулскид зумыт.

Шунды сиос ву дун пазяськем шорын
Тияськизы. Куара – чынкыт.
Чилясь курень куо – егит нылмурт,
Тон ярдуре вуысь потид.

Соку гинэ – ву дун луэм берад –
Горд изнэсьем эрвал доры
Тон вамыштид. Со – пальыштиз шорад,
Сётскиз дораз матэктыны.

Со чус сётиз зыгыртыны ассэ,
Йотскиз востэмак чыртыяд но,
Шуак гырдалтиз. Гадзьэ
Сактись тыллэсь мозмытыса.

Пуны

Ку ке но вал тон кучапи,
Тонэ кин ке но яратиз,
Йолэн сюдиз, луоз.
Кинлэн ке но нылпиезлы
Шудонгълэсь но дуногес
Тон потылид угось.

Шудид, мылкыд карылыса,
Бер Кук вылад эгтылыса,
Шумпотыса, небось?

Но время шло, и ты подрос...
Жаль, не ответишь только, пес,
Где жизнь былая.

Бежишь навстречу, как укор,
Четвероногий наш позор.
(Хоть – не беда ли?).
Еще просился в чью-то дверь,
И лапой скреб, и выл, как зверь, –
Пинком поддали.

К бездомной жизни привыкал,
Объедки в мусоре искал
И тем крепился.
Но по-собачьему устал,
Уж доходягой вовсе стал.
Чем провинился?

Дружок! Живешь ты во дворе,
Под небом спишь, не в конуре
И голодаешь.
В морозный холод в январе
Ты плачем лаешь...

Шуми, волна!

Шуми, волна, беги живей,
Лети, спеша, к приборю.
Шуми, волна, о берег бей,
Поговорим с тобою.

Лозинка гор, Кавказа дочь
Меня поцеловала.
Навеки будет юга ночь
Мне именем «Циала».

Шуми, волна, простором пой,
Плечи, душа морская,
Туманной дымкой голубой
Маня, томя, лаская.

Нам участь разная дана:
Тебе – гулять на воле,
А мне – любовь, любовь дана,
Вздых человечьей воли.

Шуми, волна, ты тоже Ей
Ладони целовала.
Пой! Нету девушки милей,
Чем девушка Циала.

Нош жог вакыт погыльскемъя,
Будид но пересьмид. Семья
Тонэ улляз педлю.

Бызылыськод ульчаости,
Э, синазькыль пуны, мискинъ,
Тон оскылид на, дыр:
Корказ, оло, лэзэз кин ке?
Чабъяськылид, вузид, астэ
Чыжаллязы быдтыр.

Уг лу ке но оскын солы,
Жуг-жаг полысь мылесъёслы
Вутгиз тонэ адзон...
Нош маин-о янгыш вал тон?
Сьолык шат со – пуны луон?
Адзон – сыче мудрон!

Пуны... Тынад овол эшед.
Овол каред но сэрегед.
Тон коласькод сютэм.
Кезьыт толэ но толшоре
Уг лу тыныд ачим но эш...
Кин – мон – ачим?..

Шуд, тулкым!

Шуд, шуд, тулкым! Бызь капчигес!
Тон дырты лобзыса!
Ярдур борды сёт куарадэ –
Пуком вераськыса.

Монэ чупаз лымшор будос –
Кин? – Кавказлэн нылыз.
«Мусо Циала» нимасько
Табре мон со уез.

Я, шуд, тулкым, крезьгуръестэ,
Пальккы зарезь лулдэ!
Отъ чынпыръем адскись дине,
Усьты буспыр дордэ.

Овол одиг кадъ адзонмы –
Тон юмшаськод эркын,
Нош мон вордски яратыны,
Яратонлэсь бырын.

Шаукар, тулкым! Тон но солэсь
Кикуръёссэ чупад.
Тон ук мыным «Циала гинэ
Чебер» шуыса кырзад!

Уроки доброты

Учить –
не только строгость чтить,
но о прощенье тоже помнить.
Простить –
да с богом отпустить...
Уроки
добротою полнить.

* * *

Мои стихи простые, словно люди,
которые пример не подают,
не водят показно широкой грудью
и лихо кулаком в нее не бьют.
Но если к ним серьезно присмотреться,
раскроются в них ширь и красота,
любовью переполненное сердце,
и помыслов, и жизни высота.

Нылашлы

Огшоры гинэ, нижырес турын кадь,
Возьдаськись, лачмыт сямо нылмурт,
Кыче вань –
сыгче кельшид –
быдэсак,
Чус мусокае мынам.
Йыгмыт
Вамышед овол ке но, кышкась но
Луиськод куддыр, кескич, мозмись...
Тон – эмез-юмез акшанэлэсь но,
Тон ик – берекет но
Быронлэсь...

* * *

Кылбуръёсы, калык кадь,
огшоры.
Вылтгяськись уд шуы соосты.
Уг ушгьясько паськыт гадьынызы,
Гадзэс уг йыгало
межыкенызы.
Но матысьгес учкид ке шоразы,
Чеберлыкен асьык устиськозы
Яратонэн
пачыл тырмем сюлмы,
Малпангёсылэн,
улонэлэн дунзы.

